

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.ru

ЗНАНИЕ-СИЛА

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

3/2010

Адам здесь больше не живет ?

Если иглоукалывание приносит пользу, чем это можно объяснить? Настойчивым самовнушением? Верой в чудо? Или у подобной терапии есть своя научная подоплека?

Стр. **4**

Семья — вовсе не семь Я, а как минимум три совершенно разных человека: муж, жена и ребенок. И у всех троих накопилось много претензий друг к другу.

Стр. **17**

Историк, писатель, эссеист Кирилл Кобрин: частный взгляд на культурное целое.

Стр. **58**

Как, каким путем идут в своем развитии народы и государства? Кажется, вся историческая наука только и делает, что отвечает на этот важнейший, может быть, главный вопрос. Но ответы — всегда разные. И потому историческая мысль снова и снова возвращается к этому вопросу.

Стр. **93**

ЗНАНИЕ— СИЛА 3/2010

**Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный журнал**

**№3 (993)
Издается с 1926 года**

**Зарегистрирован 20.04.2000 года
Регистрационный номер ПИ № 77 3228**

**Учредитель Т. А. Алексеева
Генеральный директор
АНО «Редакция журнала «Знание - сила»
И. Харичев**

**Главный редактор
И. Вирко**

**Редакция:
О. Балла
И. Бейнсенсон
(ответственный секретарь)
Г. Бельская
В. Брель
А. Волков
А. Леонович
И. Прусс**

**Заведующая редакцией
Т. Юнда**

**Художественный редактор
Л. Розанова**

**Корректор
С. Яковлева**

**Компьютерная верстка
О. Савенкова**

**Интернет- и мультимедиа проекты
Н. Алексеева**

**Оформление
Т. Иваншина**

Подписано к печати 00.02.2010. Формат 70 x 100 1/16.
Офсетная печать. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,93. Усл. кр.-отт. 31,95. Тираж 9000 экз.
Адрес редакции:
115114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение б,
тел. (495)235-89-35, факс (495)235-02-52
тел. коммерческой службы (495)235-72-64
e-mail: zn-sila@orpn.net.ru

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499)270-73-00
отдел продаж услуг многоканальный: 8(499)270-73-59
Зак.

**Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Цена свободная**

**Вышедшие ранее номера журнала «Знание - сила»
можно приобрести в редакции**

**Подписка с любого номера
Подписные индексы в каталоге «Роспечать»:
70332 (индивидуальные подписчики)
73010 (предприятия и организации)
Подписка в Сети (<http://www.mega-press.ru>)
Возможна подписка через терминалы QIWI
© «Знание - сила», 2010 г.**

**«ЗНАНИЕ - СИЛА»
ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ УМНЫЕ ЛЮДИ
ЧИТАЮТ УЖЕ 85 ЛЕТ!**

**Сегодня подписка, а завтра
- научные сенсации и открытия;
- лица современной науки;
- человек и его возможности;
- прошлое в зеркале
современности;
- будущее стремительно
меняющегося мира.**

**Интернет-версия —
www.znanie-sila.ru**

**На сайте:
- золотые страницы
- лучшие публикации
из архива;
- обложки «З-С»;
- коллекция лучших работ
оформителей
(1964 - 1968);
- коллекция Виктора Бреля.**

**«НЕ ТАК!..»
Совместная передача
журнала «Знание - сила»
и радиостанции
«Эхо Москвы».
Слушайте передачу «НЕ ТАК!..»
каждую субботу в 13.15**

*Вузы, школы и библиотеки
городов Белгорода, Ст. Оскола
и Губкина Белгородской обл.
получают журнал
бесплатно благодаря финансовой
поддержке дирекции
Лебединского
горнообогатительного
комбината.*

В течение 2010 года выпуск
издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

3 / 2010 В НОМЕРЕ

4 ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

А. Волков
**Медицина
по курсу ост-ост**

Только оглянитесь вокруг, всюду найдутся поклонники китайской и индийской медицины, тибетских и кельтских врачебных практик, аюрведы и акупунктуры, хатхи-йоги и шиацу, гимнастики цигун и рэйки. В этой карнавальной круговерти врачебных искусств есть и свой несомненный лидер — традиционная китайская медицина. Однако в чем научная подоплека подобной терапии?

11 НОВОСТИ НАУКИ

13 В ФОКУСЕ ОТКРЫТИЙ

И. Лалаянц
Первая флейта

17 ГЛАВНАЯ ТЕМА Кризис семьи и семья в кризисе

Инфантильные мужчины, женщины, одержимые страстью к диплому вуза и карьере, дети, которые жалуются на равнодушие родителей, — это семья новейшего времени в России?

19 *И. Прусс* **Отец, муж, мальчишка**

29 *И. Прусс* **Прекрасные дамы-мамы**

41 *Г. Лэндрет* **«Вы не знакомы со своими детьми»**

46 ВО ВСЕМ МИРЕ

48 ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И. Харичев
Повод стать Европой

56 КЛУБ «ГИПОТЕЗА»

Р. Григорьев
**Неугомонные
динозавры**

57 РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ

Б. Жуков
**Грязь — защита
для детей**

58 МЕСТО В КУЛЬТУРЕ

К. Кобрин
**От энтомологии
смысла к литературе
открытых
возможностей**

Эссеист, историк, писатель, культуролог, изысканный стилист и тонкий аналитик Кирилл Кобрин — обитатель собственной уникальной ниши в современном интеллектуальном пространстве. О том, как эта ниша устроена и какую специфику взгляда на культурные процессы она обеспечивает, с Кобриным беседует наш корреспондент.

67 ИМЯ В НАУКЕ

В. Колесников
Он их назвал...

3 / 2010 В НОМЕРЕ

69 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. Репина
... Темны дела твои...
темная материя

71 *Р. Григорьев* Вобр — что бы это значило?

73 РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В. Согрин
Понять Россию.
Понять Америку

Сразу после Второй мировой войны особое место среди навязчивых идей отечественного общественного сознания заняла «американская империалистическая угроза». Но существует ли «американская угроза»? Что это — миф, реальность или что-то совсем другое?

82 СЛОВА И СМЫСЛЫ

В. Иваницкий
Иконка & Аватарка

83 ЛИКИ МАТЕМАТИКИ

В. Лефевр
Недетские игры
рефлексивного
управления

86 *А. Локшин* Свободная воля и математика

91 МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Е. Сьянова
Оберег

93 ИСТОРИКИ СПОРЯТ

К. Галеев
Азиатский
деспотизм —
что это такое?

103 ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

105 ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Н. Богданов
«С природой одною
он жизни дышал...»

Судьба Александра Александровича Малиновского, замечательного отечественного ученого, ярка и необычна, даже по меркам бурного XX века.

110 ВСЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Р. Нудельман
Круги Винни-Пуха

113 LATERNA MAGICA

В. Коршунов
Четыре «матери»
советского кино...

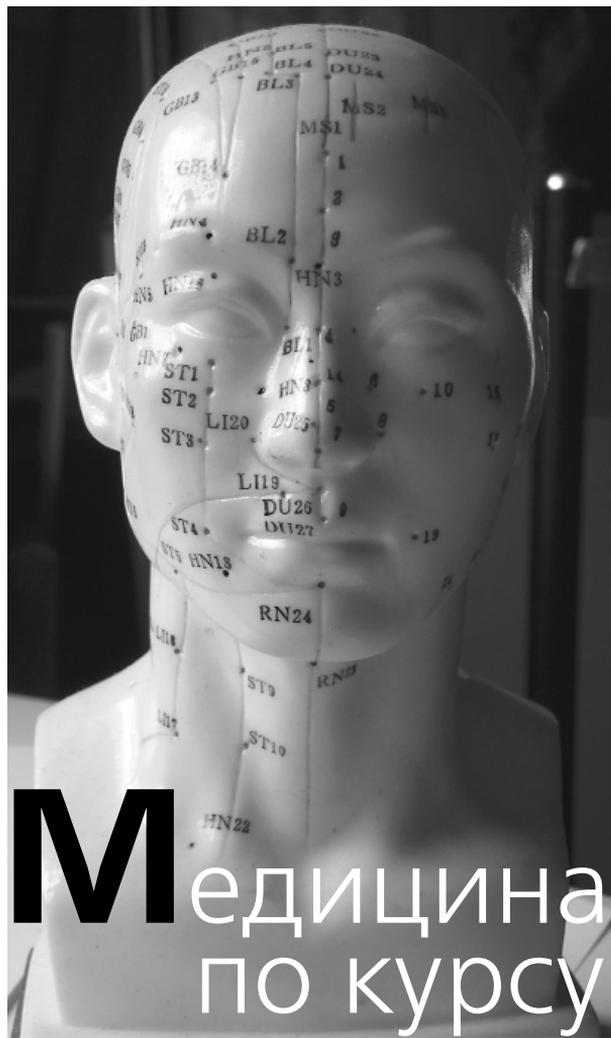
120 ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВЫМЫШЛЕННЫХ СУЩЕСТВ

И. Нечаева
Духи —
хранители дома

126 КАЛЕНДАРЬ «3-С»: МАРТ

128 МОЗАИКА

Александр Волков

Медицина по курсу ОСТ-ОСТ

Поразительно, мир словно сошел с ума! В крупнейших промышленно развитых странах, где в распоряжении врачей имеются новейшие лазеры и томографы, где стремительно развиваются генная инженерия и биотехнология, все больше людей обращаются к специалистам по иглоукалыванию,

пьют экзотические травяные чаи или, на худой конец, прибегают к уринотерапии. При этом миллиарды человек в странах «третьего мира» вместо того, чтобы наслаждаться советами гуру, шаманов и йогинь, могут только отчаянно завидовать жителям США или Европы, к услугам которых столько

лекарств и медицинских приборов, что можно вылечить любую болезнь. Их зависть легко выразить на языке фактов.

За последние полтора века, с тех пор, как Пастер, Мечников, Virchow, Кох и их единомышленники совершили революцию в медицине, продолжительность жизни заметно возросла. Победен ряд болезней, уносивших сотни тысяч жертв. В обиход вошли операции по пересадке сердца, печени, почек. И вот неожиданный итог.

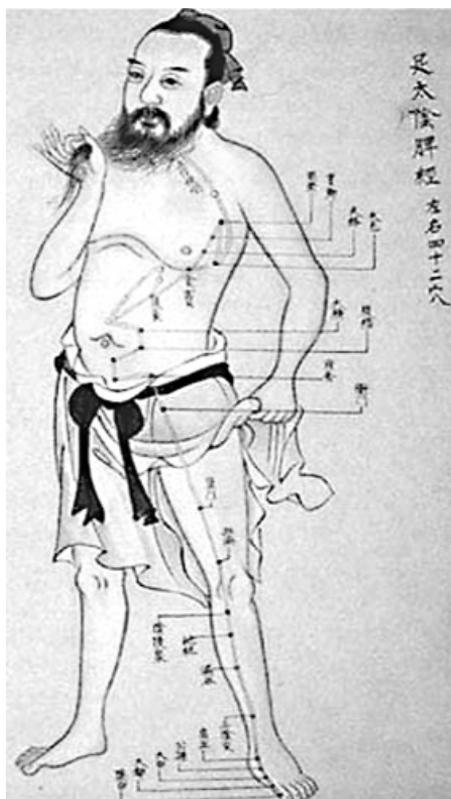
Согласно опросам, свыше половины американцев, две трети немцев и значительная часть россиян больше доверяют «альтернативной», «шадящей» медицине, чем больничному конвейеру, где людей пичкают лекарствами, режут и сшивают, как модели для сборки. Только оглянитесь вокруг, всюду найдутся поклонники китайской и индийской медицины, тибетских и кельтских врачебных практик, аюрведы и акупунктуры, хатхи-йоги и шиаци, гимнастики цигун и рэйки. В этой карнавальной круговерти врачебных искусств есть и свой несомненный лидер — традиционная китайская медицина (ТКМ). В XX веке она получила общемировое признание. Авторитетный журнал *Lancet* говорит о «глобализации этого направления медицины».

ТКМ представляет собой целостную систему методов, включающую профилактику болезней и их лечение, гимнастику и диетологию, медитацию и восстановительные процедуры. Эти медицинские техники объединяет одна общая черта: все они стремятся пробудить защитные силы организма, заставить человека самого бороться с недугом вместо того, чтобы пассивно ждать, когда подействует новый разрекламированный препарат или состоится операция, на которую вся надежда.

Отношение к человеку всегда было важнейшим отличием между европейской и китайской медициной. Наши врачи, ставя диагноз, интересуются прежде всего результатами обследований и показаниями приборов.

Рентгеновские снимки, анализ крови, ЭКГ — вот «поводыри» медиков в лабиринте человеческого тела. Сам человек не так важен. Главное — суметь свести его натуру к схеме, которую можно истолковать. У каждой болезни свой стандарт. Остается лишь сравнивать, анализировать. Пока продолжается эта работа, про фигурку, прикорнувшую на больничной койке, можно забыть. Есть набор процедур, которым ее следует подвергнуть. За это время какое-нибудь решение будет найдено. Современная аппаратура даст исчерпывающий анализ состояния больного.

Для специалистов по ТКМ, наоборот, важны не цифры и записи в медицинской карте, а сам человек — собственной уважаемой персоной! — явившийся на прием. У каждого из нас свой особый организм, а потому надо лечить нас — «меня, меня!» — не так, как других. Всякий раз, встречаясь с пациентом, китайский врач, если он

действует «по старинке» — по традиции, проверенной тысячелетиями, — должен заново оценивать его состояние, а затем подбирать порядок лечения. Тут многое зависит от интуиции врача, его опыта. Это как в музыке. Недостаточно вызубрить ноты, чтобы научиться исполнять дивертисменты Моцарта.

Китайская медицина — штучный товар, рассчитанный на отдельного человека. Это «ручная выделка», а не «машинное производство», и потому найти нужного специалиста бывает достаточно трудно. Европейская же медицина — это операция вместо интуиции, прием вместо подхода, это не лекарство, подобранное пациенту на заказ, а стандартная упаковка таблеток, рассчитанная на персонажа усредненной статистики.

Библия приверженцев ТКМ — «Нэй-цзин», «Книга Желтого императора по лечению внутренних болезней», записанная в III — I веках до новой эры. Это — классический труд по традиционной китайской медицине. Стремясь понять таинственные процессы, протекающие в организме, врачи Древнего Китая смело проводили аналогии между человеческим телом и природой, примеряя ее законы к естеству нашей природы. Согласно их воззрениям, в человеке, как и в мироздании, все должно пребывать в равновесии. Но оно не устойчиво. Одни силы стремятся поколебать здоровый покой, другие — им и должны помогать врачи! — восстанавливают порушенное. С их торжеством к нам возвращается здоровье.

Ареной двух сражающихся сил — инь и ян, женского и мужского на чал, — является сам человек. «Единство и борьба противоположностей» — сказано о том же в западной философии. В эпоху, когда в физике утвердилось представление о веществе и антивеществе, о частицах и античастицах, это положение стало особенно актуальным.

Противоположности уравновешивают, обуздывают друг друга. Когда же этого не происходит, то, согласно традиционным китайским взглядам на

медицину, развивается болезнь. Если в организме человека имеется избыток «инь», то у него мерзнут руки и ноги, замедляется пульс, лицо бледнеет. Если преобладает другое начало — «ян», то лицо краснеет, пульс учащается, человек суетится, нервничает.

Вся беда в том, считают китайские врачи, что нарушена циркуляция жизненной энергии (ци), которая помогает выравнять уровни «инь» и «ян». Пока она свободно перетекает по всему организму, последний напоминает систему сообщающихся сосудов, соединенных каналами (меридианами). Но иногда вдоль того или иного канала возникает затор. Тогда жизненная энергия перестает поступать к отдельным органам тела или буквально по капле просачивается к ним. Надо устранить затор, например, введя под кожу пациента иглы в нескольких точках, лежащих вдоль меридиана. Искусные движения врача, и путь свободен. Человек выздоравливает. Он вновь энергичен, как прежде.

Кажется, если человек сохранил хоть толику рационального мышления, он лишь пожмет плечами, выслушав фантазии, давно посрамленные наукой. Разве принесет пользу врачебная школа, которая руководствуется мифами вместо фактов? Но что если сама болезнь неуловима, как призрак?

Что делать пациенту, у которого нет очевидных отклонений в анализах, холестерин в норме, сердце в порядке, томограмма тоже ничего не показала, а боли в голове не проходят, а спина все так же ноет? Он не укладывается ни в какую схему. Здесь медики европейской школы часто затрудняются помочь, они могут годами прописывать ему различные лекарства, но прежнее здоровье не возвращается никак. Он чувствует, что болеет, но никто не может понять, почему. И даже близкие порой пренебрежительно относятся к его жалобам, устав верить им, — ведь врачи вроде бы ничего не могут подтвердить.

Чеховский Серебряков, персонаж «Дяди Вани», постоянно повторяющий: «Но отчего мне так тяжело ды-

шать?», «Невыносимая боль!», «Прорвался от мучительной боли», — из той же породы вечных жалобщиков, с которыми ничего не могут поделать доктора.

По признанию специалистов, методики восточных врачей помогают, прежде всего, в тех случаях, когда привычная для нас медицина достигает предела, например, при лечении хронических болей, а также при так называемых «функциональных нарушениях», когда органическая причина заболевания не выявлена.

Однако в чем научная подоплека подобной терапии?

Из всех методов ТКМ наиболее изучена акупунктура, врачебная практика, которой посвящен один из разделов «Нэй-цзин». За прошедшие две тысячи лет ее принципы практически не изменились — разве что иглы стали использовать несколько иные, не из бамбука или камня, а из серебра или нержавеющей стали.

В Европе первое упоминание об иглотерапии относится к 1675 году, но в моду она вошла лишь на рубеже 1960—1970-х годов. Стоит отметить, что еще в 1971 году Министерство здравоохранения СССР издало приказ «О дальнейшей разработке метода иглотерапии и внедрении его в практику», положивший начало широкому применению этого — небесспорного — метода в нашей стране.

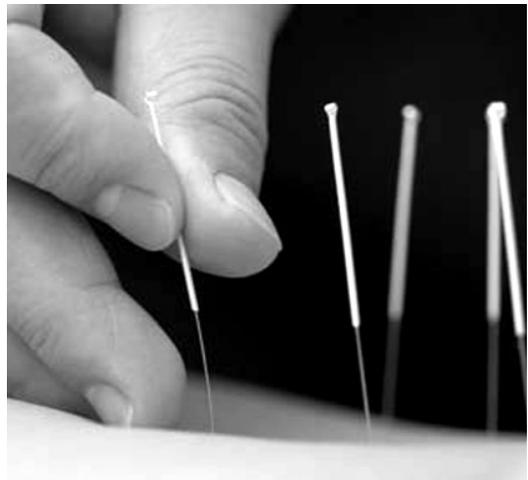
С тех пор многочисленные эксперименты, проходившие в разных странах мира, — в них участвовало уже более 600 тысяч человек — показали, что порой азиатские иглы помогают куда лучше, чем таблетка и скальпель — привычное оружие медиков. Крупнейшее научное исследование на эту тему было проведено в уходящем десятилетии.

● В проекте GERAC (Germane Acupuncture Trials) приняли участие более 40 тысяч пациентов. Примерно половина жаловалась на боли в спине, остальные — на головную боль, заболевания коленных или тазобедренных суставов. Все участники были разделены на три группы. Одним врачи

вводили иглы на глубину от 2 до 40 миллиметров, по канонам китайской медицины. Добровольцам, входившим в другую группу, делались уколы такими же иглами, но совсем в другие точки, лежавшие в стороне от меридианов. Использовались и «плацебо-иглы» (их острия при первом прикосновении убираются внутрь шприца; пациент чувствует укол, хотя никакой иглотерапии нет). Наконец, пациенты из третьей группы получали традиционное лечение (мази, таблетки и т.п.).

Как выяснилось, акупунктура значительно лучше, чем европейская медицина, помогает при лечении болей в спине (здесь ее эффективность выше на 70 процентов), и почти столь же действенна при боли в коленных суставах. При мигренях же одинаково хороши оба вида терапии — восточная и западная.

Самое поразительное, что «ложная акупунктура» оказалась почти так же эффективна, как и настоящая. После этого с новой силой вспыхнула дискуссия о том, имеет ли эта практика под собой какое-то научное основание. Критики говорили, что иглотерапия — это шарлатанство, раз можно вводить иглы, куда угодно. «Несмотря на последние результаты, метод может получить даже большее развитие, ведь теперь вовсе не обязательно записываться на прием к самому «главному иглоукальывателю». Достаточно

вручить набор стерильных серебряных иглолок (только не швейных) и инструкцию по применению одному из своих друзей и надеяться, что он не попадет в сосуд или нерв» (www.gazeta.ru). Сторонники данного метода, заявляли, наоборот, что исследования лишь подтвердили его надежность. Но если иглоукальвание приносит пользу, чем это можно объяснить?

Может быть, эффектом плацебо? Как правило, экзотические способы лечения в традициях «сибирских шаманов, малайских магов и бенинских жрецов» помогают отдельным пациентам лишь благодаря этому эффекту — отчаянной надежде и настойчивому самовнушению. «Вера в чудо» — вот главный принцип альтернативной медицины.

Вот и в кабинете иглотерапевта: врач готовится к сеансу, демонстрирует иглы, успокаивает пациента, дотрагивается до него. Многим доставляет удовольствие переживать это снова и снова, а застарелая боль куда-то уходит. Человеку достаточно знать, что ему предстоит испытать на себе «практику, проверенную тысячелетиями». Включаются защитные силы организма, которые, как известно, один из главных факторов, способствующих выздоровлению. И тогда, куда бы ни вводили иглу, все будет хорошо! Не иглы лечат, а сама процедура?

Но корректно ли сравнивать иглотерапию с плацебо? Похоже, в ее основе лежит не проясненный до сих пор механизм возбуждения головного мозга, позволяющий снять (и подчас надолго) хроническую боль, мучающую пациента.

● Специалисты из Лондонской университетской школы (об этой работе сообщил журнал Nature) с помощью магнитно-резонансного томографа наблюдали за процессами, протекающими в головном мозге при иглоукальвании. Даже после «ложной акупунктуры» они регистрировали активность в определенной зоне мозга, отвечающей за вознаграждение. Очевидно, организм пациентов вырабатывал физиологически активные вещества — серотонин, дофамин и эн-

дорфины, которые заглушают боль. Однако, когда человека, действительно, лечили иглами, возбуждение охватывало еще и так называемую островковую долю мозга (инсулу), которая участвует в зарождении эмоций. Пока ученые, впрочем, не могут объяснить, какую роль играет этот отдел мозга в механизме подавления боли.

Это первое исследование, в котором благодаря использованию методов томографии удалось доказать, что акупунктура — нечто большее, чем плацебо. Разумеется, пройдет еще немало времени, прежде чем будет создана научная теория акупунктуры. Пока ученых занимает, прежде всего, один аспект проблемы: как именно удастся снять боль?

● Еще в 1970-е годы канадский невролог Брюс Померанц в опытах с животными убедился, что при введении игл в определенные точки их тела происходит бурное выделение эндорфинов. Подобные реакции наблюдались и в позднейших экспериментах.

Примерно в те же годы была выдвинута и гипотеза, которую можно выразить лапидарной формулой: «Боль снимает боль». Когда в центральную нервную систему поступает сигнал из некоторых точек организма, он заглушает сигналы из других его частей. Образно говоря, эти несколько точек суть «резонансные частоты» организма. Как только тот «услышал», что отсюда доносится боль, он перестает улавливать любые другие сообщения. Мигрень «как бы» успокаивается, поясница «как бы» перестает болеть.

Впрочем, за последние три десятилетия взгляды на акупунктуру несколько изменились. Укол, производимый в ту или иную часть тела, отнюдь не сродни нажатию на кнопку «вкл/выкл» прибора, да и организмы животных во многом не похожи на человеческие. Лечение иглоукальванием — это комплексная терапия, где важную роль играют как физиологические, так и психологические факторы. «Чудо» всегда бывает в обертке, она, может быть, и есть главное чудо.

Когда же заходит речь о физиологическом факторе, об этой «боли, снимающей боль», сразу возникает вопрос: «Но ведь эффект от лечения в этом случае должен носить кратковременный характер, не так ли?» Эксперименты не подтверждают этого. Возможно, полагают исследователи, после нескольких сеансов акупунктуры в эндорфинной системе пациента происходят какие-то долговременные изменения. На несколько недель, а то и месяцев привычная боль стихает. Впрочем, доказательств данной гипотезы пока нет.

Целый ряд работ, проведенных входящем десятилетии, убеждает в том, что эффект от иглотерапии обусловлен совсем иными причинами, нежели считали китайские врачи, или же мы просто не понимаем сути сказанного, не можем найти фактической основы в этих цветистых рассуждениях об энергии, об инь и ян.

Например, специалисты давно уже относятся к меридианам не как к реальным структурам вроде тех, что составляют нервную систему человека, а как к символам, которые обозначают взаимодействие между определенными частями организма. Сами «акупунктурные точки» очень напоминают «зоны Хэда», известные из неврологии. Речь идет об определенных участках на поверхности тела, которые связаны нервной тканью с внутренними органами.

Итак, из того, что прежде представление об «акупунктурных точках» кажется сейчас устаревшим, вовсе не явствует, что сама иглотерапия — это «мнимая величина». Кстати, как были выявлены эти точки? В классических древнекитайских текстах, как свидетельствуют синологи, они описаны вовсе не так конкретно, как в современных книгах, посвященных иглотерапии.

«На основе описаний, сохранившихся в старинных текстах, невозможно было бы отыскать ни одной акупунктурной точки, — отмечает немецкий исследователь, китаец по национальности, Ивен Тао. — Нет никакого четкого определения — в современном смысле этого слова — места, где находится та или иная точка. Возможно, при соответствующих условиях каждая точка поверхности нашего тела превращается в акупунктурную».

Итак, текстологический анализ, доверимся специалистам, подтверждает, что надо вести речь не об отдельных точках, а об участках тела, чувствительных к возбуждению, — «участках возбуждения». Откуда же взялись все эти таблицы и рисунки, которые можно увидеть в кабинетах врачей, занимающихся иглоукалыванием, — эти графические пособия, где изображены меридианы, полосующие схематичную фигуру человека? Все это, скорее, современное мифотворчество, призванное убедить пациента в действенной силе нетрадиционного

лечения. Нет, не зря иные пациентки насмешливо поджимают губы: «Не верю я в эту мистику!»

Возможно, эта схематичная система меридианов создана под влиянием... западной медицины, с которой китайцы познакомились в Новое время. Ведь европейские врачи, начиная с эпохи Возрождения, уделяли особое внимание скрупулезному изучению анатомии человека. В таком случае их безвестные китайские последователи лишь усовершенствовали «анатомический атлас», вычерченный многими поколениями «западных эскулапов», дополнив систему кровообращения и схему скелета еще и чертежом невидимых «энергетических каналов», якобы имеющихся в нашем организме. Наконец, лишь совсем недавно, в 1950-е годы, появляются обширные карты этих «меридианов», насчитывающие более 1000 точек, чье положение указано очень точно.

Для тех, кто, занимаясь иглоукальванием, всегда следует «правилам», подобный вывод может оказаться шокирующим. Однако опытный врач интуитивно не придерживается строгих предписаний. Обычно он старается выявить участки тела пациента, которые могут реагировать на иглотерапию, и нередко вводит иглы в точки, расположенные вроде бы в стороне от «меридианов» — ведь все люди разные! Но и это помогает пациенту.

Так что «ложной акупунктуры»... вообще нет! Сомнительна и сама постановка экспериментов с контрольной группой, участников которой колот абы как, — раз мы изначально не знаем, в какие точки следовало бы вводить иглы, а в какие — нет. Очевидно, для успеха лечения достаточно раздражать некие обширные участки поверхности тела.

На примере акупунктуры хорошо видно, что представители классической медицины зачастую просто не могут оценить пользу, приносимую альтернативными методами, поскольку не понимают, на чем основано их действие. Иглоукальвание — лишь одна из практик, используемых в ТКМ.

К другим видам лечения, издавна применяемым врачами Китая, относятся фитотерапия, гимнастики цигун и тайцзи, техники массажа (акупрессура, гуаша — массаж монетами).

Традиционная китайская медицина требует взвешенного подхода. К ней не нужно относиться с нескрываемым скепсисом, как к шарлатанству, и в то же время не следует наивно принимать на веру все, что говорят Early Adopter — ярые энтузиасты — подобных терапевтических школ. Проводимые сейчас в различных странах мира исследования этих древних врачебных практик позволят включить в арсенал европейской медицины все лучшее из того, что накоплено ТКМ.

Все более популярна идея интеграции традиционной китайской и западной медицины, слияния двух наиболее распространенных медицинских школ современности. «Наша медицина вовсе не мошенничество, но и не универсальное средство от всех болезней. Кое в чем мы настроены даже скептически, чем наши почитатели на Западе», — говорят сами китайцы.

Странные дела творятся в медицине! Европейцы с восторгом принимают на веру все, что носит ярлык «традиционная китайская медицина», в то время как их коллеги из Азии увлеченно занимаются фармакологическими исследованиями и биомедицинскими технологиями. Большинство жителей КНР убеждены в превосходстве западных методов диагностики, хотя почти во всех китайских клиниках, оборудованных новейшей аппаратурой, имеются кабинеты или даже целые отделения, в которых работают специалисты по ТКМ. Западные и восточные методы лечения могут прекрасно ужиться друг с другом. Например, химиотерапия и — по окончании ее курса — сеансы иглотерапии, чтобы снять вредные последствия облучения. «Интегративная медицина» — вот формула, которая призвана примирить сторонников классической и альтернативной медицины.

Как возникли сверхмассивные черные дыры?

Мы уже сообщали об интересном предположении, высказанном учеными: темная материя сыграла непосредственную роль в появлении сверхмассивных черных дыр на ранних этапах развития Вселенной. Возможно, именно ее скопления вызвали возникновение этих гигантских объектов, которые, как мы теперь знаем, присутствуют в центрах галактик.

Однако астрофизики пытаются проверить и другие гипотезы, объясняющие возникновение в ранней Вселенной сверхмассивных черных дыр. В рамках нового исследования моделировался процесс зарождения первых звезд. По существующим сейчас представлениям, эти объекты были крайне массивными и жили по звездным меркам недолго — около миллиона лет. Но за это время излучение звезды, «разгоняя» газ, создавало вокруг нее пустое пространство. В конце концов, когда звезда в результате гравитационного коллапса превращалась в черную дыру, та оказывалась в пустоте, лишённая возможности наращивать массу. Расчеты показывают, что подобные черные дыры росли очень медленно — их масса увеличивалась примерно на один процент за сотню миллионов лет.

Вместе с тем квазары, которые отождествляют с активными ядрами галактик, содержащими сверхмассивные черные дыры, существовали уже на достаточно раннем этапе жизни Вселенной. Но, как было отмечено выше, первые черные дыры из-за медленного роста массы не могли за относительно короткий срок превратиться в сверхмассивные.

Объяснить полученный парадокс авторы исследования предлагают следующим образом. Рентгеновское излучение аккреционного диска первых дыр нагревало окружающий газ, что препятствовало формированию звезд, поскольку для этого процесса необходима относительно невысокая температура материи. В результате во Вселенной появились огромные облака газа, в которых формирование звезд не происходило. По мне-

нию исследователей, именно в ходе коллапса этих облаков и сформировались сверхмассивные черные дыры.

Исследование представлено в журнале The Astrophysical Journal Letters.

Обнаружены одни из самых древних галактик

Группе американских астрономов под руководством Масами Оучи из Обсерватории Карнеги в Пасадене (США) удалось выявить 22 из самых первых и самых древних галактик во Вселенной. Одна из них, по оценкам ученых, сформировалась всего примерно через 800 миллионов лет после Большого взрыва.

Исследователи применили методику так называемых «пропадающих» галактик, когда используются все более красные светофильтры. Поскольку чем дальше во Вселенной располагается объект, тем больше смещено в красную часть спектра его излучение.

Наблюдения проводились в течение 2006 — 2009 годов на 8,3-метровом телескопе Субару, расположенном на Гавайских островах. Ученые смогли заглянуть в так называемую эпоху повторной ионизации (реионизации) вещества, когда начали вспыхивать самые первые звезды, — самого дальнего региона, доступного на сегодняшний день науке. Фактически данные галактики являются одним из первых источников световых излучений тогда еще чрезвычайно юной и небольшой Вселенной.

Обнаруженные галактики помогут выяснить, какими были условия, доминировавшие на столь раннем этапе эволюции Вселенной. В частности, членам исследовательской группы удалось установить, что в период истории Вселенной с 800 миллионов до почти 1 миллиарда лет после Большого взрыва формирование звезд и галактик шло существенно медленнее, чем потом. Низкой в этот период оказалась и ионизация. Этот результат противоречит более ранним данным, полученным благодаря спутникам, согласно которым повторная ионизация началась не позднее 600 миллионов лет после Большого взрыва. По мнению Оучи, расхождение в оценках можно объяснить тем, что первые звезды и га-

лактики «эффективнее производили ионизирующие фотоны».

Как полагают исследователи, формирование массивных звезд тогда было куда более бурным процессом, чем в сегодняшних галактиках. А меньшее число массивных звезд дает больше ионизирующих фотонов, чем звезды меньшего размера, которых, правда, много.

Изменения климата научились определять по пыли

Группа ученых установила связь между частицами пыли, скопившимися в ледниках Антарктики, и изменениями климата. Авторы исследования изучали пылевые частицы, отложившиеся в ледниках за последние 80 тысяч лет. Они определили, что самые холодные периоды последнего ледникового периода совпадают с наибольшим «запылением» Антарктики. Ледники Патагонии в то время имели максимальную площадь. Содержащая большое количество частиц пыли вода, образующаяся при таянии ледников на территории современных Аргентины и Чили, стекала на продуваемые ветром равнины. Мощные воздушные потоки относили пыль в Антарктиду.

Но когда южноамериканские ледники немного отступали, талая вода скапливалась в озерах, образующихся на границе льдов. Попавшие в озера пылинки были недоступны для ветра, соответственно в эти периоды в Антарктике скапливалось меньше пыли. Анализ пылинок показал, что по своему составу они подходят на грязевые отложения Магелланова пролива того же временного периода.

Изучение скоплений пыли в антарктических ледниках позволит проследить динамику изменений климата в прошлом. Практика использования пыли в качестве своеобразного индикатора существует достаточно давно, однако ранее ученые не могли определить закономерность ее накопления в Антарктике, поскольку не знали, откуда принесены пылинки.

*Статья опубликована в журнале
Nature Geoscience.*

Все-таки, динозавры вымерли не из-за астероида?

Герта Келлер из Принстонского университета (США) и Тьерри Аддат из Университета Лозанны (Швейцария) продолжили атаку на популярную теорию о гибели динозавров в результате столкновения Земли с астероидом.

Напомним, что по этой теории около 65 миллионов лет назад астероид столкнулся с Землей, что привело к образованию плотного пылевого облака, надолго закрывшего Землю от прямых солнечных лучей, что вызвало похолодание. В результате вымерли динозавры, уступив место млекопитающим. Казалось бы, это подтвердил обнаруженный в 1978 году рядом с городом Чикскулуб на полуострове Юкатан кратер диаметром 180 километров и возрастом в 65 миллионов лет. В геологическом слое, соответствующем этому периоду, была обнаружена высокая концентрация иридия — элемента, редкого для Земли, но содержащегося в астероидах. Кроме того, под слоем иридия были найдены палеонтологические свидетельства существования видов, 65% которых уже вымерло.

Однако Келлер и Аддат доказывают, что появление астероида и исчезновение динозавров произошло не одновременно, а с разницей в 300 тысяч лет. Ученые исследовали многочисленные участки в Мексике, уделяя наибольшее внимание слою в 9 метров, лежащему прямо над слоем иридия. По их оценкам, осадок формировался со скоростью от 2 до 3 сантиметров в тысячу лет, а значит, 9 метров породы осело за 300 тысяч лет.

Проанализировав ископаемые свидетельства на этом небольшом участке, ученые насчитали 52 вымерших вида прямо под слоем иридия. Затем они подсчитали число видов над ним. Результат был тем же: 52. А значит, ни один из видов не исчез под воздействием астероида. (Кстати, наш журнал писал о первом этапе работы Г. Келлер в № 6 за 2007 год.)

*Результаты работы представлены
в Journal of the Geological Society.*

Игорь Лалаянц

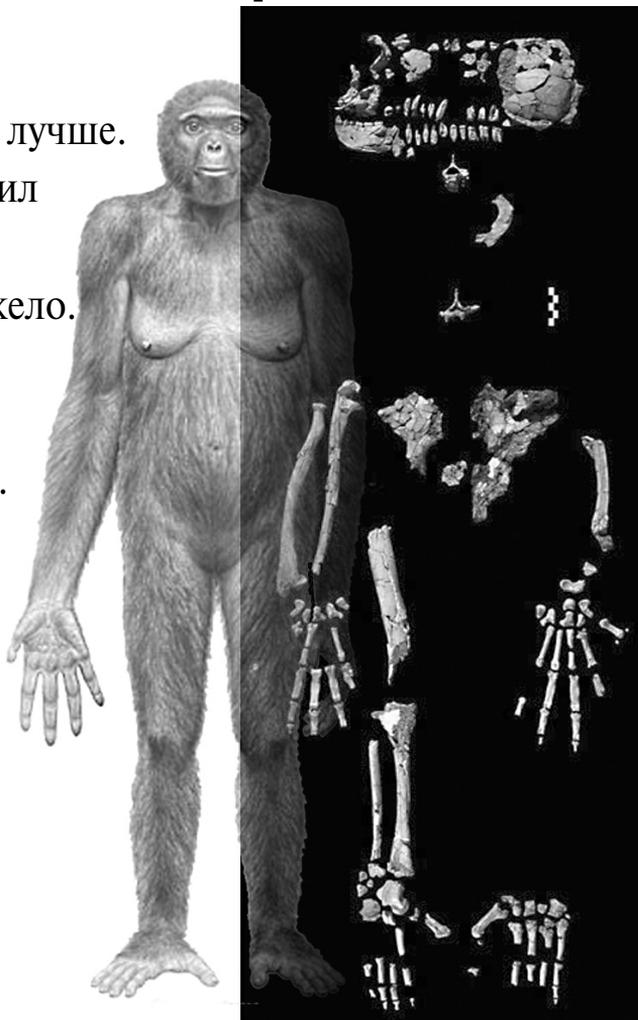
П е р в а я ф л е й т а

«В природе это
в миллион раз лучше.

А художник жил
20 000 лет
до Микеланджело.

По рельефу
же превзошел
флорентинца».

*Из письма
Николая Вавилова
после посещения
пещеры Альтамира
в Испании.*

Первый октябрьский номер журнала «Сайенс» вышел с фотографией скелета ардипитека — *Ardipithecus ramidus*, — в названии которого есть слово «питек», то есть обезьяна (сравни: австралопитек, питекантроп — «южная обезьяна», «обезьяночеловек»). Кости скелета, возраст которых оценивается в четыре с половиной миллиона лет, были найдены в Эфио-

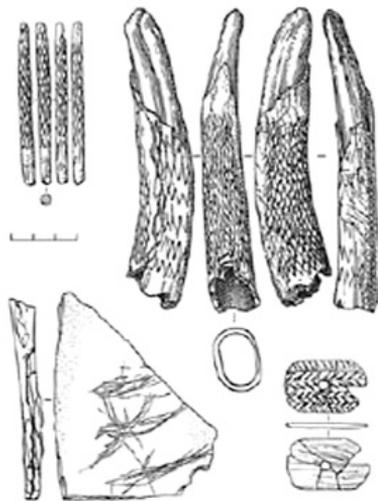
пии, в последние десятилетия ставшей антропологической кладовой мирового масштаба. Обезьянка была ростом около 120 сантиметров, но уже прямоходящая. находка и реконструкция скелета поколебала точку зрения ученых на то, что наши далекие предки встали на ноги в сухих безлесных саваннах Восточной Африки, поскольку передвигавшийся на задних

лапах ардипитек жил под пологом тропических дождевых лесов, некогда покрывавших просторы нынешней Эфиопии. Этот факт лишний раз подтверждает «волатильность», или кипучую неопределенность современной антропологии, в которой любые догадки и выдвигаемые версии необходимо доказывать с фактами на руках...

Понятие «современное поведение человека» — *Modern human behaviour* — весьма расплывчато, поскольку трудно сказать, когда это поведение родилось. Возможно, что своим рождением оно обязано созданию технологии термической обработки так называемого силкрита — кремнеземного материала, — который терял при этом присущую ему твердость и легче поддавался ручной обработке. Из покрасневшего в жаре костра силкрита получались отличные острые лезвия с глянцевой поверхностью. находка была сделана неподалеку от Мосселеба, что между Кейптауном и портом Элизабет, то есть на самой южной оконечности Африки. Возраст орудий оценивается в 72 — 164 тысячи лет, что с точки зрения современной антропологии представляется просто фантастикой! Сообщение об африканской находке пришло в середине

августа 2009 года, а еще через пару недель специалисты Геохронологического центра Калифорнийского университета Беркли опубликовали статью с результатами определения возраста древнейших каменных ножей, найденных в двух пещерах неподалеку от испанской Малаги. Их возраст оказался равным 0,9 миллиона лет. Того же возраста были и угли древнейшего костра, найденные учеными Израиля. Эти две находки показывают, что древнейшие обитатели были не такими уж и глупыми по сравнению с пришедшими много позже из той же Эфиопии предками *Homo sapiens* и современного человечества. Тем не менее это не спасло Европы и Передней Азии от исчезновения. Считается, что их впоследствии сменили современные охотники-собиратели, на смену которым около 10 тысяч лет назад с просторов Анатолии и Ближнего Востока пришли первобытные земледельцы.

Именно с ними долгое время связывали появление веретена и пряльца, позволявших сучить нить. Самой древней веревкой возрастом восемь тысяч лет до последнего времени считался обрывок длиной 11,5 сантиметра, найденный в раскопе поселения каменного века неподалеку от английского острова Уайт. Каково же было удивление ученых, которые в отло-

жениях пещеры Джуджуана у подножия Кавказских гор нашли остатки древней ткани, сотканной из дикого льна 30 тысяч лет назад! Все это делает более достоверным сообщение об обнаружении в Танзании тщательно отполированных раковин с искусственно проделанными дырками в середине. Вполне возможно, что это были первые бусы, которые были сделаны 90 тысяч лет назад. За два года до танзанийской находки Кристофер Хеншивуд, антрополог из Нью-Йоркского университета, проводивший раскопки в пещере Бломбос, сообщил об

обнаружении кусочков охры возрастом 77 тысяч лет, на которых отчетливо видны крестообразные насечки (его статья была опубликована в журнале «Сайенс»). Раковины и охра были провозглашены первыми художественными артефактами, свидетельствующими о начале искусства современного человека.

Долгие годы никто не хотел верить в столь древнее начало искусства, полагая, что самыми древними его образцами являются шедевры наскальной живописи во французской пещере Ласко и испанской Альтамире, о которой восторженно писал Вавилов (факты, свидетельствующие об очень раннем происхождении искусства, приведены в статье А. Фараджева в «З—С», 11/04.— *Прим. ред.*). И вдруг уже в 2009 году появились подряд две

статьи Николаса Ко-нарда из Тюбингенского университета, который сначала нашел самую древнюю на сегодняшний день Венеру из бивня мамонта, а затем и костяную флейту. Находки были сделаны в ходе раскопок в пещере Холе Фельс, что на юго-западе Германии в горах Швабской Юры. Оценка возраста проводилась специалистами Оксфордского

радиоуглеродного ускорителя вслепую, чтобы устранить всякую возможность заинтересованного «влияния». Возраст обеих находок оказался равным 35 тысячам лет, что делает их древнейшими на сегодняшний день.

Идеал женской красоты первобытный резчик видел довольно своеобразно, с нашей современной точки зрения. Костяная фигурка высотой 6,5 сантиметра изображает пышногрудую мать с большим животом и широкими бедрами с явным лобковым треугольником и даже тщательно прорезанными большими срамными губами. Редактор журнала «Нейчур» подчеркивал, что фигурка носит отчетливо выраженный сексизм, эдакий «символический взрыв» первобытных европейских популяций, который самым настоящим образом граничит да-

же с нашим пониманием и восприятием порнографии. В четырех пещерах дунайской долины ученые «накопали» в общей сложности 25 фигурок из бивня мамонта: лошадей и мамонтов, бизона и пещерного льва, птиц и звероподобных людей, а также многочисленные бусинки и подвески и дудочки-свистульки из длинных полых птичьих костей. Были среди них и другие женские фигурки, а также мужской фаллос. К дунайским находкам можно присовокупить наскальную живопись пещеры Шове на юго-востоке Франции, возраст которой 36 — 37 тысяч лет.

Через некоторое время тот же Конрад сообщил о находке древнейшей флейты, сделанной из птичьей кости. Длина сохранившегося куска составляет 21,8 сантиметра, а диаметр — 0,8. Древний музыкант просверлил в кости пять отверстий, с помощью которых можно было исполнять весьма сложные мелодии. До этого Конрад уже находил в окрестностях того же Ульма флейту с тремя отверстиями для пальцев, но у нее неизмеримо меньший диапазон извлекаемых звуков. Ученый полагает: именно долина Дуная, по которой шло заселение Европы анатомически современными людьми, является центром рождения искусства в нашем понимании смысла этого слова. Наличие в тогдашних пещерах сложных инструментов отражает наличие у их жителей современного поведения и «продвинутой» символической коммуникации, не связанной только с жестами, тычками и

понуканием. Можно также вслед за Конардом сделать вывод о том, что уже охотники-собиратели имели достаточные знания и богатый опыт, а также время и творческий «позыв», чтобы тратить все это и свое немалое умение на изготовление, в общем-то, «бесполезных» для их выживания высокотехнологичных инструментов. Вполне возможно, считает открыватель, что флейты использовались в каких-то первобытных ритуалах, представлявших собой первоначально неких не известных нам культов той же женской плодовитости, что было крайне важно в эпоху высокой детской смертности. Но все это, конечно же, догадки и предположения, которые, возможно, когда-то удастся доказать с помощью новых удивительных находок.

Пока же остается только удивляться тому, как такую «высокоразвитую» первобытную цивилизацию смогли так быстро и успешно завоевать пришедшие с Востока земледельцы. Вполне возможно, что вместе с сельскохозяйственными орудиями они принесли и «высокоточное» боевое оружие, например, те же копье-металки и пращи, противостоять которым первобытные охотники-собиратели просто не могли. Но, может, земледельцы ассимилировали их с помощью своей «жилищной политики», поскольку пришельцы принесли с собой также и искусство строительства домов, в которых жить было намного удобнее и безопаснее, нежели в пещерах, населенных не только медведями и львами, но также и сонмом всякого рода паразитов. Сегодня на основе геномных исследований известно уже, что земледельцы пришли в Европу где-то 8 — 9 тысяч лет назад. Вполне возможно, что со временем в нашем геноме найдутся и следы, свидетельствующие об успешной «колониализации» отсталых охотников и собирателей нашего континента...

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Кризис

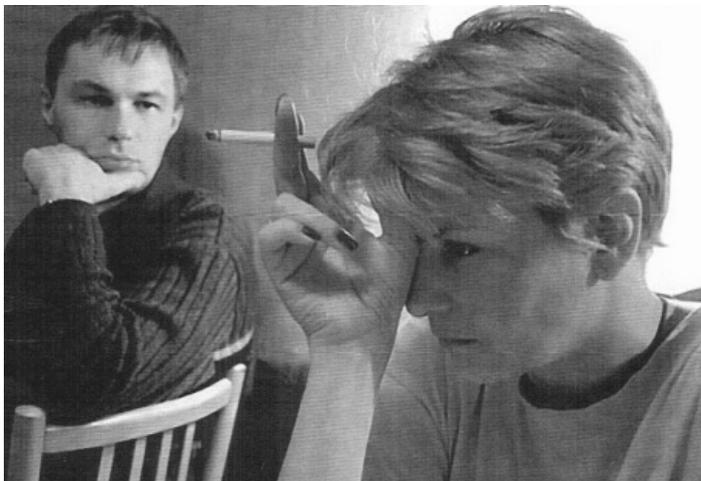

семьи

и семья в кризисе

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Когда выяснилось, что мы больше не строим коммунизм, не возглавляем прогрессивное человечество на путях к светлому будущему и решительно проигрываем затяжное экономическое соревнование с загнивающим капитализмом в любом его варианте, единственной опорой и поддержкой россиянину стала семья — по его собственным многочисленным признаниям в социологических опросах и психологических тестах. То есть институт, во всем мире переживающий долгий и глубокий кризис. Этот кризис начался давно, лет двести тому назад, и принадлежит он к обычно долгим, временами мучительным, временами незаметным в своей постепенности культурным кризисам. Это значит — идет переоценка ценностей, причем в данном случае ценностей очень важных, из тех, что составляют ядро культуры. Они серьезно меняют взгляд на то, каким должно быть устройство социальной жизни. Традиционно все люди так или иначе «расписаны» по семьям, в них вырастают, из них уходят и заводят собственные, имеют определенные права, обязанности, роли в семье, ведут совместное хозяйство, растят детей. Сегодня на назначение семьи, распределение ролей в ней смотрят уже не так, как было принято у мам и бабушек, отцов и дедов. Что сегодня происходит в российской семье со всеми ее героями: отцом, матерью, ребенком? В этом разбирается *Ирина Прусс*.

ОТЕЦ, МУЖ, МАЛЬЧИШКА

Уже в новом веке и тысячелетии европейская цивилизация приобрела новую проблему, каковую и принялась страстно обсуждать. Правда, о феминизации мужчин и маскулинизации женщин говорили и прежде. Но тут явился новый аспект трагедии: расхожая присказка «в каждом мужчине сидит ребенок» неожиданно потеряла всякую снисходительность, зазвучала нотами злых слез, обид, упреков в безответственности и детском эгоизме.

Ну правда же, правда — куда девались настоящие мужчины?!

Как-то в редакцию забрел мужской шовинист и долго объяснял нам (предпочтя почему-то именно женскую аудиторию), как мы все далеки от идеала Настоящей Женщины — Мечты Любого Мужчины. Когда он ушел, одна из наших сотрудниц процедила ему вслед: «Можно подумать, пошел охотиться на мамонта!»

Мужчина в коротких штанишках

Имя новой семейной проблемы — инфантилизм. Причем именно мужской инфантилизм горячо обсуждается в печати и в Интернете — женский время от времени упоминается, но без всякого энтузиазма.

Конечно, куда женщине разыгрывать из себя ребенка — ей своего ребенка поднимать надо, того самого, которого бросил ребенок-мужчина...

Что-то я запуталась немного в этих ребенках... В таком случае обратимся к цитированию.

«Инфантилизм станет главной отличительной чертой людей будущего».

«Мужской инфантилизм — беспомощная гримаса бисексуального общества».

«Инфантилизм 30-летних: окончательный диагноз?»

«Инфантилизм — мужчины, которые не хотят взрослеть».

«Психический инфантилизм».

«Инфантилизм: новая болезнь современного общества».

Это только заголовки части статей, опубликованных в последние три-четыре года; последние напечатаны прямо накануне или в самом начале экономического кризиса. С кризисом интерес к теме у журналистов увял, но она нашла второе дыхание на многочисленных форумах, куда женщины, поддерживая и заражая друг друга, приносят свои обиды и претензии, растущие, как цены в инфляцию. Впрочем, и там, и там содержание примерно одно и то же, так что читаются все эти тексты как единая статья, очень длинная, но в конце концов содержащая два основных тезиса. Они слегка противоречат друг другу, но тут уж ничего не поделаешь — женская логика.

Тезис № 1: инфантилизм — психическое заболевание; но предполагае-

мого продолжения — его надо лечить — не следует; вместо этого звучит знакомое: вы что, не видите? — они все больные на голову!

Тезис № 2: инфантилизм воспитывается в семье излишней любовью и попечением родителей.

Проще всего опровергнуть тезис номер 2. Любовь никогда, нигде и ни для кого не бывает излишней. Очевидно, имеется в виду так называемая гиперопека, характерная для отношения к ребенку сильных и властных матерей; ее всегда выдают за любовь, хотя это просто безответственное властолюбие. Говорят, порой принимает психопатологические формы. Обычно связана с невозможностью самоутвердиться на какой-нибудь другой поляне. Наносит серьезный ущерб ребенку (независимо от пола), у которого не вырабатывается ни способности принимать решения, ни ответственности за них. Однако предположить, что гиперопека стала генеральной стратегией воспитания целого поколения мальчиков, очень трудно.

С обсуждением тезиса № 1 надо идти к специалисту. Например, к московскому психиатру С. Циркину. Признавая, что такое психическое заболевание — инфантилизм взрослого человека — существует, психиатр упрекает своих коллег в неправомерном

расширении этого понятия (обратите внимание: коллег, а не жен, подруг или журналистов — «расширение понятия», очевидно, зашло довольно далеко). Психический механизм настоящего заболевания связан с потерей способности усваивать опыт, перерабатывать информацию, видеть последствия собственных действий. А «псевдоинфантилизм» — явление не столько медицинское, сколько психолого-социальное, и по отношению к нему гораздо резоннее говорить о «педагогической запущенности» человека, о его «примитивности». Такой псевдоинфантилизм, несомненно, распространен куда более широко, чем настоящая болезнь.

Психиатр упрекает коллег и в том, что, устанавливая диагноз, они используют понятия слишком широкие и многозначные — например, «безответственность», которая вообще трактуется каждым человеком по-своему: «Каждый по-своему решает вопрос о том, какое место в его жизни должны занимать удовольствие и выполнение долга. Могут меняться господствующие в обществе взгляды на значение создания или сохранения семьи, что не свидетельствует о росте психической заболеваемости или инфантилизации населения. Для Тараса Бульбы выше всего были «узы товарищества»,

Поколение пепси

чего нельзя сказать о его младшем сыне, но непропорционально на этом основании судить, кто из них инфантильнее».

Манифест кидалтов

Короче говоря, достали мужиков — мало того, что дома достают, так еще и ославили на весь белый свет. И в одном из блогов ЖЖ появился наш ответ Керзону — письмо от имени мужской части поколения 30-летних, в восторге мгновенно скачанное и повторенное на множестве сайтов.

«Нам около тридцати, и мы не стали brutальными работягами и примерными семьянинами. Мы не являемся тем, что написано у нас в паспорте, трудовой, чековой или медицинской книжке. Нам чужды странные заморочки наших сверстников, и даже людей младше нас, о том, какая у кого квартира, теща, скидка, пиджак, кто к кому ушел, отсидел, бросил, родил или сделал аборт. Это все так несущественно и неинтересно.

Мы — новое поколение, оставшееся детьми. Мы ко всему относимся как к игре. Мы играем: в игры, в отношения, в работу. Но в первую очередь — в игры. Мы готовы просиживать ночи и уик-энды напролет, играя за компом с друзьями... А вот «дочки-матери» — не наша игра. Другие взахлеб рассказывают о том, что «будет у тебя ребенок — поймешь, какой это кайф». Но нет у нас детей, и мы не понимаем. Смотрим, глазами хлопаем и не понимаем — зачем детям свои дети?

Иногда мы вообще можем перестать ассоциировать себя с теми, кем нас воспринимают взрослые, а быть магами, феечками, оборотнями, членами кланов, правителями болот и островов — да много есть вариантов».

Кроме бури восторгов, была, разумеется, и буря негодования, до прямой ругани: «Инфантилы, дилетанты и бездельники... чем тут гордиться...»; «Поколение пепси, сумерки природы, главное, чтобы вы не размножались, так что оставайтесь «детьми»; «Тридцатилетние — самое бездарное поко-

ление в России на данный момент. С ужасом мы через 5 — 10 лет будем наблюдать их приход во власть». Странно: столь сильный ажиотаж давно не поднимался в Интернете ни по поводу пьяниц, продающих на толкучке зимнее пальто жены, ни по поводу приемных родителей (и родных тоже), которые издеваются над ребенком (как сообщил уполномоченный по правам ребенка при президенте России, в 2008 году более 161 тысячи детей пострадали от жестокого обращения и насилия, погибли от рук родителей 1914 детей, 2300 получили тяжкий вред здоровью). Вероятнее всего, возмущавшиеся имели собственный неприятный опыт общения с кидалтом (от английского kids, дети): ушел от жены с ребенком; не работает, сидит на шее у жены; соседи марку машины поменяли, а этот обалдуй в компьютерные игры режет; деньги в частную школу надо нести, а нету — ну, и так далее, в том же роде. Оно, конечно, несопоставимо с погибшими от собственных родителей детишками, но те далеко, мы их в лицо не знаем, любить дальних не обучены, нам бы к ближним сохранить хоть какие-то теплые чувства...

И все же подавляющему большинству аудитории манифест пришелся по вкусу, хотя тоже, честно говоря, не философы писали. Но принципиальная позиция сформулирована очень четко: мы не согласны превращаться в людей, которые все без остатка сводятся к своей официальной биографии: работа, дом, машина, ребенок, болезни, ребенок вырос, родил ребенка — все, можно умирать. Опять идем по стопам Европы — с молодежным бунтом против фальшивых ценностей взрослого мира. Только там был действительно бунт — а тут ничего «такого», Боже упаси, мы просто играем. Не хотим взрослеть.

Впрочем, это там тоже было. И даже не один раз.

Неправда, что распространяется подобный «вирус» только в материально обеспеченном обществе. Мы до сих пор не можем считаться таковым, несмотря на все наши нефтяные день-

Хунну 70-х

ги, а в 70-е жили намного более скудно, серо, убого — и тем не менее много молодых ушли тогда «в хипы», построив свое культурное пространство, почти не соприкасавшееся с миром взрослых, миром, где все повально вращалось, давились в очередях за польскими кухонными гарнитурами и требовали полного соответствия их унылым образцам. Молодые создали собственный язык, свою мифологию, путешествовали автостопом, «вписывались» к незнакомым членам братства на ночь, а то и на неделю. Их поносили за длинные волосы (затащив в милицию, насильно стригли), за экстравагантность в одежде и побаивались их огромных сходок в Прибалтике. Их не любили обыватели и преследовали спецслужбы и силовые ведомства (они, кажется, первыми начали «копать» от армии без блата и без взяток, поскольку все были нищи как церковные мыши). По-моему, их не делили по половому признаку, хотя они явно презирали общепринятый культ маскулинности и называли себя «дети цветов». Им вменяли в вину беспорядочные половые связи: в те невинные времена это само по себе считалось порнографией. Но это, как и легкие наркотики, было частью их культуры.

Они давно уже выросли, многие стали известными людьми. В полити-

ку почти никто из них не пошел. В журналисты — многие, а в политику практически никто. Но все они при работе, при семьях, и соотношение ответственных и безответственных людей среди них наверняка средне-статистическое.

Психические константы?

Недавно вышла книга Игоря Кона «Мальчик — отец мужчины». Автор всех мужчин делит на три группы: мужики — вечные мальчики — мужчины. И так их определяет:

«Самая многочисленная категория, мужики, это бывшие мальчики, которые успешно справились с задачей формирования маскулинности, реализовались сексуально и в какой-то предметной деятельности, добились определенного общественного положения, чувствуют себя достаточно ответственными и сильными, избавились от страха самозванства и имеют основания считать себя состоявшимися, «настоящими». Но ценой этого успеха часто бывает эмоциональная и эстетическая приземленность и грубость (другой смысловой оттенок слова «мужик»), от которых страдают их близкие и дети, а порой, особенно в кризисных ситуациях, и они сами.

Вечные мальчишки сохраняют мальчишескую живость, поисковую активность, открытость новому опыту, авантюризм и некоторые другие качества, которые делают их привлекательными в общении. Но для долгосрочного социального успеха им недостает настойчивости и ответственности, что негативно сказывается на их деловой карьере и особенно — семейной жизни. Среди них много холостяков. Хотя многие им симпатизируют, мало кто принимает их всерьез. Их общественное положение и субъективное благополучие зависят главным образом от того, удастся ли им после ухода из родительской семьи найти себе новых покровителей или покровительниц. Так или иначе, это сказывается на их самоуважении.

Наконец, мужчинами я называю довольно редкую породу мягких мужчин, которые становятся таковыми не вследствие слабости, а благодаря своей силе. Рано обретя внутреннюю самостоятельность, эти люди не нуждаются в демонстрации силы, чем постоянно занимаются мальчишки, не чувствуют себя самозванцами, могут быть в разных ролях и ситуациях разными, позволять себе доброту и великодушие и чувствовать себя выше стереотипов массового сознания».

Классификация, конечно, не научная, но обобщение жизненного опыта и собственных наблюдений такого тонкого психолога дорого стоит. Однако в книге приведены и результаты многочисленных исследований, в том числе «лонгитюдных», когда за одними и теми же детьми наблюдали многие годы, фиксируя изменения в характере и разных психических характеристиках. Выяснилось, что люди подвержены изменениям не во всех важных чертах личности. Изучая 116 детей в возрасте 3, 4, 5, 7 и 11 лет, исследователи заметили, что дети, отличавшиеся в 4 года сильным для своего возраста самоконтролем (могли отсрочить удовлетворение непосредственных желаний, противостоять соблазну), и семь лет спустя остались такими: способными контролировать свои эмоции, сосредоточенно рабо-

тать, рефлексивные, надежные и т.д. И наоборот: те, у кого эта способность была ослаблена в младшем возрасте, и через 7 лет были беспокойны, суетливы, экспрессивны, агрессивны, раздражительны, а в стрессовых ситуациях проявляли незрелость.

Другие лонгитюдные исследования калифорнийских психологов «от подростков до взрослых мужчин» (от 13 до 45 лет) показали, что определенные характеристики устойчиво проявляются в разных возрастах и питают много близких качеств, которые все вместе образуют вполне определенный тип личности. У мужчин самыми устойчивыми оказались пораженчество, готовность смириться с неудачей, высокий уровень притязаний, интеллектуальные интересы и изменчивость настроений. Жизнестойкое, самовосстанавливающееся «Я» в 13 — 14 лет отличало своих обладателей повышенной надежностью, продуктивностью, честолюбием, хорошими способностями, широтой интересов, самообладанием, прямоотой, дружелюбием, философскими интересами и сравнительной удовлетворенностью собой — такими они остались и в 45 лет. А неуравновешенные, импульсивные мужчины со слабым самоконтролем еще подростками отличались бунтарством, болтливостью, любовью к рискованным поступкам и отступлениям от принятого образа мышления, раздражительностью, негативизмом, агрессивностью. Пониженный самоконтроль, склонность драматизировать свои жизненные ситуации, непредсказуемость и экспрессивность типичны для них и во взрослом возрасте. Они чаще, чем остальные мужчины, меняли свою работу.

Это не значит, конечно, что каждый обречен на свою судьбу — многим удавалось кое-что «основополагающее» в себе изменить; еще более успешны оказывались те, кто культивировал в себе сильные стороны своего психического типа и корректировал или перенаправил стороны слабые, но не преследовал цели изменить себя целиком и полностью. Некоторая психическая данность подлежит при-

ятию и культурной обработке — не больше.

Когда-то один психиатр на «круглом столе» в редакции заметил, что во все времена и у всех народов есть определенное, всегда одно и то же число людей с серьезными психическими заболеваниями — их 5%. Но есть множество менее серьезных или вообще пограничных между нормой и патологией заболеваний, число которых в какие-то времена вдруг резко возрастает, а в какие-то столь же резко уменьшается. Это зависит от общей социокультурной и политической ситуации, от массовых настроений и т.д. В одни времена выбирают в депутаты Государственной Думы (парламента, рейхстага) человека, которого в другие времена направили бы на прием к психиатру; явный параноик может стать вождем нации или всего прогрессивного человечества и так далее. Согласившись, что примерное соотношение «мужиков», «вечных мальчиков» и «мужчин» есть некоторая константа, мы вполне можем допустить, что есть времена, особенно благоприятствующие первым, вторым или третьим.

Мне кажется, что скоро придет время третьих.

Сломанная вертикаль власти

Доктор психологических наук Владимир Дружинин с горечью писал о социальных и психологических предпосылках потери советским мужчиной положения отца в семье: «Советскую семью можно назвать постправославной атеистической. Лишение мужчины социальных и экономических возможностей обеспечивать семью и нести за нее ответственность, а также воспитывать детей привел к краху семьи как социального института. Тоталитарное государство взяло на себя весь груз ответственности и заменило отца собой. В результате «на вопрос: «Кто для тебя является наибольшим авторитетом?» — лишь 5 — 9 процентов старшеклассников Вильнюса, Москвы и Баку ответили, что — отец, и 17 — 19 процентов на-

звали мать. С матерью более открытвенны, чем с отцом, как мальчики, так и девочки. Она чаще становится образцом для подражания. На нее хотят походить 28 процентов вильнюсских, 26,5 московских и 19,4 процента бакинских школьников, а на отца соответственно 10,6, 8,8 и 8,9 процента».

Другие исследования (например, анализ букварей сталинских времен, анализ текстов нацистской пропаганды) показали, что тоталитарное государство целенаправленно вытесняет роль отца в семье, подменяя его в сознании подданных образом вождя. Знаменитый американский психолог Э. Эриксон переворачивает этот тезис, утверждая, что массовое помешательство на фюрере и даже сам приход его к власти связаны с крушением традиционной семьи и традиционных ролей в ней, особенно роли отца. Отрицание авторитета отца порождает, по его мнению, юношеские экстремистские движения, банды, приверженность мистико-романтическим культам; потребность в таком авторитете — специфическую привязанность к «отцу нации». Именно на этом во многом построена пропаганда тоталитаризма.

И для постсоветского государства проблему так и не восстановленного в своих правах отцовства В. Дружинин считал самой острой. Не сумевший самоутвердиться среди коллег или приятелей по хобби, мужчина начинает бороться за власть в семье — вме-

Равнение на фюрера

сто того, чтобы просто исполнять свои обязанности по отношению к ребенку: способствовать его социализации, помогать вовремя оторваться от матери, обогащать его социальный и культурный опыт. Между тем оставшееся в наследство от советских времен законодательство в любом конфликте будет привычно выступать на стороне матери, так что отец наперед знает, насколько ограничены его права на ребенка.

Эта трактовка кризиса традиционной семьи как кризиса отцовства кажется мне родственной всему, что пишут об инфантилизме современных мужчин и публицисты, и конкретные участники семейных драм, выносящие свою ярость на интернет-форумы. Есть некий вечный образ мужчины — отца семейства, по классификации И. Кона, скорее мужика, чем мужчины, несоответствие которому вызывает резкое негодование окружающих. Главное в этом образе — чувство ответственности за семью и умение зарабатывать достаточно (исключительно

*Художник Кучиков.
«Портрет семьи купцов Косиных», 1840 год*

растяжимое понятие), чтобы она жила в достатке, по крайней мере, не хуже, чем принято в кругу, к которому семья принадлежит. Специалисты добавляют к этому исключительно важное обстоятельство, практически незнакомое ни советским, ни нынешним постсоветским людям: именно и только отец распоряжался семейной собственностью и назначал наследника. У подавляющего большинства россиян все, что они могут оставить в наследство, — квартира, больше у них ничего нет и вряд ли отношения в семье могут строиться на таком фундаменте. Это право, вместе с ответственностью за благосостояние семьи, когда-то сильно поддерживало отца в роли хозяина и вершителя судеб жены, детей, внуков и их семей. Но оно было отменено в стране победившей государственной собственности и нищей зарплатой.

Современные женщины многое хотели бы добавить к этому образу —

условно современные женщины, этак со второй половины XIX века, если не раньше. Всегда кто-то мечтал о любви в браке, хотя всю древность, и средние века, и часть нового времени, и сегодня во многих стран Востока это — самое последнее соображение, которое брали и берут в расчет при заключении столь важной сделки для благосостояния и статуса большой семьи и всего рода. Хотелось если не любви, то хотя бы понимания и сочувствия мужа — классикой кинематографа стали фильмы великих итальянцев 50-х годов о некоммуникабельности: ставили их исключительно мужчины, но об одном и том же — о трагедии непонятой, отвергнутой как равноправный участник семейных отношений женщины. Знаете, у евреев в древности была такая молитва: «Спасибо, Господи, что ты сделал меня мужчиной»; может, она и сейчас есть, во всяком случае, я лично знакома с несколькими мужскими особями, которые готовы ее произнести со всеми подобающими чувством и убежденностью. Правда, теперь их называют «мужскими шовинистами» и всячески третируют

как носителей бытового авторитаризма, противников подлинной демократии. А главное, у них действительно осталось не слишком много аргументов в пользу именно такой картины мира вообще и семьи в частности.

Еще работающая женщина, естественно, претендует на нормальное разделение домашних обязанностей — то есть поровну, что неизменно оказывается в ее пользу по причине усыхания именно и прежде всего мужской части домашней работы. Еще, разумеется, ей хотелось бы его всемерного участия в воспитании детей, даже если они пристроены в какую-нибудь государственное или частное детское учреждение, или живут при няне, или муж содержит маму дома. Тут, естественно, как-то сразу вспоминается о чисто мужских чертах семейного воспитания, о собственном папе и о том, какой неизгладимый след он оставил на личности дочки, из Интернета достаются непроверяемые аргументы специалистов на сайтах под общим заголовком «зачем ребенку нужен папа».

Правда, нужен. Но пока никто толком не знает, зачем. Интересно, куда уходят свергнутые деспоты, если их не убивают на месте?

Безотцовщина

Нет, все прекрасно прописано: роль папы в социализации ребенка: понятное дело, мама, детский коллектив если не в саду, то хоть в песочнице, бабушка, школа, просто жизнь вокруг — все это не социализация, а так, погулять вышли, а вот когда папа ставит сына перед собой (примерно раз в месяц, плюс-минус две недели) и тыча ему в нос дневник, строго спрашивает: «Это что-о-о такое?!», одновременно нащупывая ремень — это социализация в чистом виде. Ну хорошо, образцы чисто мужского поведения — а кто вам сказал, что ребенку нужны именно эти образцы, усвоенные Бог весть когда и не имеющие никакого отношения к правде современной жизни? И кто сказал, что наш папа —

самый лучший в мире преподаватель этих образцов?

Все остальное — в тумане. Не для специалистов, конечно, у них все давно и детально расписано. Не для мам, которые давно усвоили, что ребенка от папы лучше уберечь, ничему хорошему он тут не научится, но бережет это тайное знание про себя ради сохранения семьи, про которую она тоже в глубине души понимает, что, наверное, лучше бы ее не сохранять.

Как выясняется, более всего это в тумане для самих пап. Ведь они тоже вполне современные люди, воспитанные мамами, бабушками, воспитательницами и учительницами, на охоту за мамонтами не отправляются, зарабатывать «приличные деньги» (что бы это ни значило) умеют далеко не всегда (социолог Борис Дубин оценивает число молодых людей, «вписавшихся» в нынешнюю экономику, примерно в 4 процента, остальные молодые люди, если не устроились в бандиты, скупаемы страстями обойденных на празднике жизни, хотя мамы их твердо уверили в том, что они — лучшие в мире и достойны самого лучшего). Им повезло с женой, которая не съедает их за это с утра до ночи (молодых москвичей, которые обращаются именно к жене за моральной поддержкой, 55% — в отличие от финнов, из которых 90% твердо рассчитывают на поддержку своих жен). Они рады ребенку и хотят им заниматься. Только не знают — как.

«Они становятся приятелями своим детям или относятся к ним слишком по-матерински, вечно отсутствуют или не справляются», — говорит Г. Рубен, психоаналитик из Парижа, автор многих книг, в том числе книги «Пора спасать отцов». Все дело в «женском» воспитании? Нет, к этому, по мнению психоаналитика, дело далеко не сводится:

«Это не я придумала, это недуг нашего общества, от которого страдаем мы все, но в первую очередь — дети... Мы постепенно перешли от иерархической модели организации общества к горизонтальной, что привело к неизбежной путанице ролей и потере

ориентиров в семье. Теперь никому не подчиняется, различия между поколениями размываются. Когда-то отец был могущественной фигурой не только в семье, но и в обществе: его окружал тот же ореол мощи и защиты, что и короля, папу или главу государства. Сегодня у отца больше нет этой поддержки».

Путь к спасению пап психоаналитик предлагает интересный, но совершенно нереалистичный: «Для становления личности ребенка ему необходимо считать отца сильным и могущественным. Прекрасно, если отец таков на самом деле. А если это не так, общество, признавая и ценя отцовский авторитет, тем самым может позволить ребенку вообразить своего отца таким, приписать ему эти качества. К сожалению, сегодня этого нет. Мужчины, которых больше не уважают и не ценят, сами отказываются от мужских качеств и становятся похожи на матерей». Мне кажется, сегодня только некоторые женщины очень традиционного воспитания и огромного самообладания могут делать вид, что считают мужа «сильным и могущественным», когда этого нет и в помине, общество в целом способно на такое только в случае искренней веры в отцовский авторитет. Да и неизвестно, насколько благотворным может быть такое воспитание «во лжи». Точнее, известно: у нас во лжи выросло несколько поколений, причем последние прекрасно это понимали. По собственному опыту можем сказать: ничего хорошего.

«Сорокалетний девственник»

Известно, что наиболее чувствительно к серьезным сдвигам в самом ядре культуры, в системе ее основных ценностей и норм, искусство. О классике кинематографа 50-х мы уже упоминали — тогда фильмы трагически описывали положение женщины в семье и в обществе. Теперь кинематограф обратился к нелегкой доле мужчин, правда, в основном в комедийном жанре. Одним из таких фильмов стала американская лента «Сорока-

Кадр из фильма
«Сорокалетний девственник»

летний девственник». Быт ее героя выглядит весьма привлекательно. Вот как описала его В. Никифорова в журнале «Знамя»:

«Герой фильма живет в полном мире с собой. Самые пленительные моменты картины — это утро холостяка. Он сам себе жарит тосты — аккуратные, поджаристые, именно такие, как любит, накрывает сам себе на стол, включает любимую музыку, открывает свежую газету, выбирает рубашку, подбирает к ней галстук. У него под ногами не мельтешат детишки. К нему не пристаёт с разговорами любимая женщина. Ему никто не мешает возиться со своими игрушками: его дом забит фигурками Бэтмена, Человека-паука, Женщины-кошки и прочих суперменов, и он регулярно их протирает от пыли, расставляет по полкам, перекрашивает, лакирует. Это просто идиллия, описанная с не меньшим чувством, чем описывал свой налаженный быт на необитаемом острове Робинзон Крузо. Это рай в шалаше с милым самим собой. Не совсем понятно, зачем вообще герой решил

своими руками разрушить это мирное великолепие...»

Если вспомнить наших (и не только наших) кидаттов, это — всего лишь логическое и закономерное развитие темы. Однако не надо крайностей: это совсем не портрет нашего среднестатистического современника, хотя, говорят, фильм пользовался бешеным успехом в США, и вдруг нашлось сколько-то — маловероятно, что больше десяти, — американцев, на всю страну объявивших о своей принципиальной девственности. Да и вообще среднестатистический современник — чистая фикция. В одно время и часто в одном месте сосуществуют типы самые разные, будто порожденные разными эпохами, но живущие в одной эпохе — нашей. Они вступают в сложные отношения друг с другом, влияют друг на друга, особенно если оказываются в одной семье. Из всего этого постепенно выделяются главные тенденции, которые будут определять завтрашних мужчин, завтрашнюю семью.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Ирина Прусс

Прекрасные дамы— мамы

З. Серебрякова.
«Портрет с дочерьми», 1921 год

«З-С» Март 2010

Нежная мама прижимает очаровательного ребенка к груди, повернув его так, чтобы всем была видна счастливая мордашка — сколько таких фотографий украшает стены детских поликлиник и растяжки с рекламой детского питания, обложки глянцевого журнала и открытки с поздравлениями; это только повседневность культа. Высокие ноты: Родина-мать, занявшая место одной из главных святынь христианства — Богородицы (и поза, и взгляд, и жесты — все первая скопировала у второй). Песни, кантаты, похожие на псалмы.

Мама — это святое

Если бы речь шла всего лишь о биологическом инстинкте, запрограммированности на материнскую любовь, гормонами или еще как-то (споры до сих пор идут) неотменимо встроенную в организм женщины, к чему такие хлопоты? Культура ничего не делает «просто так». Она, например, следуя указаниям товарища Бендера, не делает культа из еды, не делает культа из женщин — нет в этом никакой необходимости. То есть она хлопочет и вокруг одного, и вокруг другого, но не усиливая, а, наоборот, ограничивая, вводя в удобные для всех и эффективные для рода человеческого рамки. Кучи предписаний насчет еды — и как, и что, и когда («Мама, зачем мы едим вилкой?» — поистине каждый из нас заново проходит историю человеческой цивилизации). Своего рода культ любви и верности, красивых и тонких отношений — чтобы противопоставить любовь полигамности и сохранить семью для подрастающего поколения.

Может, с высоким назначением матери культура так носится потому, что не рассчитывает вполне на силу инстинкта? Может, инстинкт слабый и нуждается в постоянной поддержке и укреплении? Может, его совсем нет? Или он, как у животных, работает строго определенным небольшой срок, а потом исчезает начисто? Уж как кошка носится со своими котятками в прямом и переносном смысле —

лижет, играет, учит, все время прячет от неведомых врагов под кровать или за шкаф; а ведь не узнает своего подросшего сына, и если что — никакого инцеста...

То есть, наверное, инстинкт все-таки есть, и довольно сильный хотя бы в период кормления, во время полной беспомощности и наиболее полного после родов слияния младенца с матерью. Конечно, этому противоречат отказы от ребенка в роддоме, дети, которых находят в мусорных баках — но и у животных бывают сбои с этим материнским инстинктом, и тогда кошка или свинья просто съедает собственных детенышей. Это все-таки исключения, подтверждающие правило...

Но потом, судя по всему, инстинкт слабеет. У животных он исчезает, как только детеныш будет готов жить самостоятельно; у людей ждать этого слишком долго — приходится прибегать к помощи извне. Помощь оказывают всем миром. Социальное положение женщины в прошлом сильнеешим образом зависело от того, в состоянии ли она стать матерью (наследование по мужской линии делало особенно актуальным рождение сына, лучше, на всякий случай — нескольких). Бесплодие во все времена считалось достаточным основанием для развода. Во все времена «хорошая» мать заботится о здоровье своих детей, в семье дворянской — еще о том, чтобы у них были хорошие манеры, принятые в обществе, и хотя она самолично не занимается этим, ее дело — подобрать хорошую гувернантку и присматривать за нею. В семье крестьянской хорошая мать способна обеспечить ранние навыки ухода за младшими детьми и работы по хозяйству, уважение к старшим. Впрочем, это доблести не столько матери, сколько всей семьи и прежде всего за это, как и за все остальное, перед деревенским миром отвечает отец семейства. Любовь и нежность к детям чаще всего считались чисто женской слабостью, которой не стоит потакать, особенно в воспитании мальчиков.

М. Хруцкий.
«Семейный портрет», 1854 год

Ситуация постепенно менялась с усложнением экономической и социальной жизни общества и с резким повышением динамичности этой жизни: период взросления становился все дольше, все труднее, выделялись, оформлялись, становились все более массовыми институты образования. Примерно в конце XVIII века возникла идея детства как особого периода в жизни человека (до тех пор ребенок рассматривался исключительно как маленький взрослый) и образцы, стандарты отношений матери и ребенка приблизились к современным.

Как «внедрялись» эти новые образцы? Очень просто: сначала в аристократических кругах, потом в семьях третьего сословия вдруг стало модно, чтобы мать занималась маленькими детьми, сама их кормила грудью, следила за ними. Хорошей матерью стала мать любящая, и дамы всячески де-

монстрировали это в обществе под скептическими взглядами людей старших поколений. А специалисты считают, что третья составляющая «материнского комплекса» — личный опыт общения с матерью: образцы поведения любящей мамы дочь будет реализовывать много позже по отношению к собственным детям.

Итак, материнский инстинкт (у одних сильнее, у других слабее, у третьих вовсе отсутствующий) плюс социальный статус и общепризнанная ценность материнства, плюс усвоенный в семье конкретный тип отношений матери и ребенка. Так формируется не только образ матери, матери вообще, совершенно культовый, но и образ себя как матери, и стратегия, и тактика поведения с ребенком — а эти конкретные вещи мало того, что изменчивы от эпохи к эпохе, они очень разнообразны и чаще всего весьма далеки от идеала.

Варианты

Мать отказывается от ребенка еще в роддоме, рождает «по секрету» и относит младенца на помойку — все эти ужасы, по мнению многих, свидетельствуют о падении нравов современной молодежи. Но такое бывало всегда. В некоторые эпохи — например, в Средневековье и в период Возрождения, мать случайно придавливала ребенка во сне и утром являлась в церковь молить об отпущении невольного греха. Судя по церковным записям и прочим документам, отпускать этот грех приходилось священникам слишком часто, чтобы это было случайно. Незаконного ребенка подбрасывали в приюты, клали на ступеньки богатых домов — но только в сентиментальных романах все эти дети выживали и через много лет обнимали потерянную мамочку. Иногда и не подбрасывали, а убивали.

Все это было бы невозможно, если бы церковный запрет убийства (и фактического покушения на убийство) собственного ребенка был поддержан обществом, однозначно осуждался и влек за собой серьезные санкции. Но удаление незаконнорожденного диктовалось другими запретами, очевидно, более жесткими: репутация и нерушимость прав на майорат и собственность старшего сына были много важнее жизни ребенка. Смерть естественная предполагала горе матери, но не столь уж сокрушительное. В одном из рассказов Льва Толстого крестьянка строго выговаривает своей подруге за то, что та слишком долго горюет о смерти младенца: Бог дал, Бог взял, на все Его воля, надобно воспринимать с покорностью. Так и воспринимали, особенно в бедных многодетных крестьянских семьях, где новый младенец часто оказывался «лишним ртом».

Менялось отношение к детям — как и переход от многодетных к малодетным семьям — очень постепенно, и полная поглощенность детьми сестры Стивы Облонского еще в конце XIX века вызывала снисходительное удивление великосветских дам.

Долгое время главным и чуть ли не единственным полем деятельности для женщины было ее материнство. Она или не работала вообще, или (уже в наше время) не особенно преуспела на этом поприще, не слишком была им увлечена и все свои амбиции направляла на ребенка. Это возможный вариант и для отца, но, кажется, в прежние времена встречался реже.

Отступление: разговор с психотерапевтом

Такие случаи, как утверждает психолог и психотерапевт И. Фролов, достаточно часто встречаются и сегодня:

— Никому не интересен ребенок сам по себе, как он есть. Говорим с абитуриентами: «Мы с мамой решили». Чаще всего эта мама совсем не хочет, чтобы дочь в самом деле повзрослела и начала принимать решения самостоятельно. Когда девочка превращается в девушку, мать может полностью идентифицировать себя с дочерью, увидит в ней свое прямое продолжение. Через дочь мать избегает увядания, переносит себя в дочь. Особенно часто это бывает, когда мать рождает ребенка «для себя» — например, чтобы самой стать взрослой, отделиться от матери: «Я теперь сама мать». С самого начала с помощью ребенка мать решала свои собственные проблемы. Бывает, эту связь «склею», отрезает зятя, отдавая мать от дочери. Бывает, что мать, после того, как дочь родила, добивается ее развода. Вот невыдуманные слова матери, обращенные к молодому человеку: «В конце концов, ты будешь на нас жениться?!»; «Мы хотим от тебя ребенка»...

Не отдать, не отпустить взрослошего ребенка — очень сильная мотивация. Сестры, студентки-заочницы говорят: «Мы себя чувствуем людьми, только когда уезжаем из дома на сессию». Мать, между прочим, учительница. И возникает мучительный выбор: как осмелиться на собственную жизнь, если «я люблю маму и не хочу ее обидеть»...

Сидят у меня на консультации мать и дочь, сидят спиной друг к другу и го-

ворят друг о друге только в третьем лице. Дочь пытается объяснить: я хочу вечером идти домой, но я не хочу идти в дом, где контролируют каждый мой шаг. Хочу, чтобы на двери моей комнаты был замок, чтобы ко мне нельзя было входить по собственному произволу, она то и дело ходит туда-сюда. А мать — свое: «Мой ребенок». Это она о 22-летней дочке...»

И. Фролов в нашем разговоре все время ходил вокруг темы «вампиризма» матери по отношению к собственным детям — видно было, что это чуть ли не самая распространенная тема его встреч с пациентами. Есть и другие варианты, всем известные по художественной литературе и кинофильмам — достаточно вспомнить знаменитую «Осеннюю сонату» Ингмара Бергмана (которую, впрочем, тоже можно описать как своего рода «вампиризм») или «400 ударов» Трюффо. Более жесткие случаи, связанные с насилием, унижениями, преследованиями на почве ревности, психических отклонений или просто бытового пьянства, перечислять не будем.

Все это бывало и прежде, бывает и сейчас в разных странах. Судя по тому, что об этом стали говорить и писать в XX веке заметно чаще, в конце века чаще, чем в его начале, проблема усугубляется. Очевидно, это связано с кризисом семьи как общности, в которой не только растят детей и ведут совместное хозяйство, но и самоутверждаются, реализуют самые разные психические комплексы, пытаются компенсировать собственные неудачи в других сферах. Но это также связано и с резким ростом требований к отношениям в семье, с изменением этих требований. Как их матери более ста лет тому назад, на заре европейского феминизма, подростки отстаивают свою автономию, право на самостоятельную жизнь, на собственные решения, на чувство собственного достоинства. С уходом в тень других, хозяйственных сфер семейной жизни, с окончательным выделением семьи из рода и усыханием ее до двухпоколенной именно эта — психологическая — сторона отношений явно выступает на первый план.

В СССР и России проблема, как всегда, имеет собственные очертания.

Поколения детсадовцев

На рубеже нового тысячелетия психологи провели громадное исследование, пытаясь понять новые и самые наболевшие психологические беды подростков. У подростков Москвы и Московской области, как и у всех подростков мира во все времена, были серьезные претензии к своим родителям. Новым оказалось то, что дети жаловались не на разные формы насилия, не на чрезмерный, по их мнению, контроль за ними, не на давящее доминирование отца или матери. Главной их претензией к родителям — к отцам уже привычно, к матерям впервые — стало их равнодушие. Они как бы повторили за И. Фроловым: «никому не интересен ребенок сам по себе, как он есть».

Объясняли это психологи совсем не с психологической точки зрения: они писали о тяжести экономических

реформ, о новом времени, в котором родители должны прежде всего думать о заработке и работать на износ, о резком сокращении времени, которое они могли уделять детям. Но процесс отчуждения в семье на самом деле начался у нас давно, и умеренная трудовая нагрузка взрослых (которая у многих и сейчас отнюдь не чрезмерная) не меняла этой ситуации.

Это совсем не значит, что родители, прежде всего матери, не любят больше своих детей, не заботятся о них, не думают об их будущем. Мне кажется, просто к новым временам с новыми требованиями автономии, права на приватность, права на взросление и просто к «навыкам» любви и общения наши родители, прежде всего матери (поскольку именно на них ложится основное «бремя детей» — так уж получилось), оказались не готовы. Не готовы в значительно большей степени, чем их ровесники в других европейских странах.

Показания психологов и психотерапевтов: родители испытывают практически те же трудности в обще-

нии с детьми, что и их дети в общении не только с родителями (это их не так уж волнует, они привыкли принимать это как данность), но и со сверстниками. Мать не может научить своего ребенка делать то, что сама не умеет.

Мне кажется, роковую роль для нас в этой тонкой сфере сыграли детские сады. Мы как-то упускаем из вида, что уже несколько поколений советских-российских людей выросли именно в них. Громадную роль эти заведения стали играть, естественно, после массового выхода женщин на работу: это был последний трудовой ресурс, необходимый экстенсивному народному хозяйству, сожравшему к шестидесятым годам все прочие — прежде всего крестьянские ресурсы.

Разумеется, я не хочу никого призывать двинуться назад, посадить маму дома с детишками (в основном с одним ребенком). Мало того, что теперь это невозможно — теперь это к тому же лишено смысла, поскольку нынешняя мамочка очень скоро будет готова убить свое сокровище, в любом случае будет несчастна и только в не-

которых случаях из этого выйдет что-нибудь путное (привычные жалобы матери, вырвавшейся наконец на работу: «Думала, с ума сойду, пока он выздоровеет»). Теперь, когда появились особые детские сады (совсем не обязательно слишком дорогие), где маленькие группы (не более семи детей), как минимум двое взрослых на группу, обязательный психолог и хорошая, разнообразная программа жизни, я и против детского сада ничего не имею. Но то, через что прошли предыдущие поколения детей, было психологически безграмотно, на нищие деньги организовано, и никому не известно, сколько еще лет нам предстоит расхлебывать последствия.

Были не только детские сады, где в группе двадцать пять детей и одна воспитательница. Были еще и ясли, о которых новые мамы порой вздыхают. Туда сдавали годовалых детей — самый неудачный для первого расставания с мамой возраст, как утверждают психологи. Именно годовалые дети впервые начинают бояться чужих людей и новой обстановки. Психологи и невропатологи говорят о «ясельном стрессе»: резко подскакивает процент норадреналина в крови, обязательный спутник стресса, все приобретенные навыки, особенно интеллектуальные, теряются, кроме одного: двигательного. Ребенок стремительно заползает в угол манежа, чтобы хоть спина была защищена, и истошно вопит в страхе перед другими младенцами, которые, увидев в нем новую игрушку, норовят «вынуть глазик». Он требует маму или хотя бы любого взрослого, чтобы тот взял его на руки. Ясельный стресс продолжается от нескольких суток до нескольких месяцев, его влияние на психическое развитие ребенка мало изучено, поскольку нигде в мире такого заведения на весь рабочий день матери нет, а в нашей стране подобные исследования, мягко говоря, не поощрялись.

Но и к среднестатистическому детскому саду у психологов тоже есть претензии. Прежде всего имеется в виду соотношение детей и взрослых. Дошкольник не слишком заинтересо-

ван в общении со сверстниками (вопреки расхожему мнению), зато очень велика его потребность в общении со взрослым. Ему нужны не только ласка и защита, лично ему адресованные, но и образцы поведения, самые разнообразные, от уборки и приготовления еды до, как мы уже говорили, поведения по отношению к нему, ребенку. Психологи подсчитали, что в среднестатистическом детском саду общение воспитательницы с каждым отдельным ребенком составляет примерно пять минут в день.

Кроме того, низкая даже по советским меркам зарплата, тяжелая нагрузка, очень невысокий статус означают естественный отбор людей на роль воспитательниц при минимальном их обучении.

Качества, которые в таких условиях естественно (и искусственно) культивируются в детях, полезны для жизни в стабильном обществе с традиционной структурой, с чисто индустриальной экономикой, но никак не в современном динамичном обществе, требующем интеллектуальной и психологической готовности принимать решения в самых неожиданных ситуациях. Это послушание, исполнительность, умение действовать исподтишка, ябедничать, врать и сваливать вину на соседа: классические свойства выпускника детского сада, научившегося выживать в простых, но очень напряженных отношениях со взрослыми.

А еще были такие дошкольные заведения: «пятидневка» — детский сад, откуда детей берут домой раз в неделю, на выходные. Группы там не меньше, воспитателей не больше. В свое время психологи исследовали особенности восприятия себя у четырех-шестилетних воспитанников «пятидневок». Выяснилось: каждый второй из них уверен, что мама его не любит — психологически крайне опасный симптом, за которым часто стоит потребность в глубокой психологической защите, замедленное развитие, повышенная агрессивность.

За постсоветские годы многие детские сады были закрыты — не потому, что государство осознало их ущербность, а потому, что пожалело даже тех крох, которые доплачивало из бюджета на их бедненькое содержание. По многим городам и весям прокатилась волна возмущения: матери требуют возвращения детских садов, в которые ходили сами и теперь жаждают отдать своих детей.

Ученые Научного центра психического здоровья РАМН исследовали, как формируется материнское поведение и как оно влияет на психическое развитие детей раннего возраста — с этапа беременности до четырех лет. Руководитель исследования, доктор медицинских наук Галина Козловская, так обобщает его результаты: «Если и у животных оторвать потомство от родителей и поместить в искусственно созданные условия, оно вырастает неполноценным: не умеет вести себя со своим потомством, не умеет жить в стае, в условиях природы. Нынешнее поколение мам — это в основном дети работающих матерей, которые воспитывались в детских учреждениях. Они не научились от своих мам быть мамами, не получили того самого периода обучения материнскому поведению. Эта проблема изучается в принципе давно. Известно, к примеру, что девочки — воспитанницы детдомов, интернатов, приютов не хотят и не умеют быть женами и матерями, часто тоже оставляют своих детей после рождения».

И все это — напомню — происходит на фоне мирового кризиса инсти-

тута семьи, который и там зашел достаточно далеко, порождая весьма противоречивые представления о прежде очевидном, противоречивые образы отца, матери, ребенка и их отношений.

Вечная молодость?

Что большинство россиян считает идеальным возрастом, в котором девушка должна (или — в не совсем идеальном варианте — может) начать сексуальную жизнь, закончить образование, вступить в брак, завести первого ребенка?

Известный российский демограф Сергей Захаров, принимавший участие в большом сравнительном международном исследовании, приводит цифры весьма красноречивых сопоставлений.

В Европе одобряемый возраст сексуального дебюта колеблется от менее 17 лет (Австрия, Германия) до 19 лет в Ирландии при общей средней 17,8. В России большинство согласилось на 18,5 лет. Во всех странах эта цифра ползет вниз в зависимости от возраста отвечающих, демонстрируя динамику представлений об этом (и распространенных практик) от поколения к поколению.

Идеальный возраст вступления в первый брак для женщины в начале 2000-х годов варьировался по европейским странам от 23 лет на Украине и в России до 30 лет — в Швеции и Дании, а средний возраст матери при рождении первого ребенка — от 23 лет на Украине, 24 лет в России, Болгарии и Румынии до 29 лет в Швейцарии, Германии, Испании, Великобритании и Нидерландах (в конце 60-х — начале 70-х такого различия для европейских стран, включая Россию, не было). От поколения к поколению срок этих ключевых событий в жизни женщины упорно отодвигается все дальше: для двадцатилетних он наступает на 2 года позже, чем для тех, кто старше 60.

Дальше наступает самое интересное. Как вы думаете, с какого момента наше дитяtko с бантами уже безвозвратно должно считаться взрослой

женщиной? Я, честно говоря, думала, что для женщины большинство определит эту грань вступлением в брак и рождением ребенка — женщина перестает быть объектом заботы родных и сама начинает заботиться о членах своей семьи и отвечать за них. Так вот — ничего подобного.

Во-первых, замужняя дама и молодая мать не может считаться взрослой, пока не в состоянии зарабатывать на жизнь хотя бы себе — то есть пока не закончит учебу. Родители уже по опыту знают, что на мужчину в смысле заработка лучше не полагаться; и вполне понятная при таком обилии разводов предусмотрительность: а если что — что тогда?! Срок окончания учебы отодвигается все дальше и дальше, только в некоторых странах совпадая или опережая срок выхода замуж и рождения ребенка. У нас такое расхождение максимальное (подчеркну еще раз: в идеальных представлениях большинства россиян), поскольку мы, оказывается, считаем обязательным для любой девушки высшее образование. В Великобритании, например, завершить образование девушке дозволено до 18 лет, в скандинавских странах (кроме Дании) — в 20 — 21 год; в России и Украине — 22,5, как раз с получением диплома о высшем образовании. Не лишне напомнить о грубой и неприятной реальности, в которой у нас женское образование (в среднем 13,6 лет обучения) пока значительно отстает от европейского (в Финляндии и Дании это 16 лет, в остальных чуть ниже).

Во-вторых, хотя квартирный вопрос нас сильно испортил, но все же не до такой степени, чтобы считать нормальной совместную жизнь двух разных семей, детей и родителей. Разумеется, именно так многие и живут, но вовсе не потому, что считают это правильным. Да и независимо от замужества и рождения ребенка после определенного возраста девушке явно не стоит жить с родителями — так считают 80 процентов жителей Бельгии, Швейцарии, Дании, Финляндии, Нидерландов, Швеции, более 90 процентов французов и норвежцев и мно-

гие знакомые мне россияне. Но «знакомые» — не довод; выясняется, что 37 процентов соотечественников не одобряют отдельного проживания незамужней девицы, да еще с партнером (подозреваю, что многие из остальных считают такой вариант слишком нереалистичным в наших условиях и голосуют за него просто как «за все хорошее на свете»). А среди жителей Эстонии, Венгрии, Ирландии, Латвии, Польши, Португалии, Румынии и Словакии 30 — 40 процентов считают, что идеально женщине всегда жить с родителями.

Представления об идеальной последовательности в календаре взросления современной девушки плохо согласуются друг с другом. «С одной стороны, — пишет об этом Сергей Захаров, — оставаясь «юной», уже можно делать то, что раньше дозволялось только взрослым, — жить с мужчиной (или еще с «мальчиком?»), а с другой — формально («по возрасту»), считаясь «взрослой», продолжать учиться, не обременяя себя узами официального брака и детьми». Это особенно справедливо по отношению к России и некоторым ее соседям в Восточной Европе.

Одинокая мать

Насколько привычные стереотипы относительно семейной жизни на наших глазах подвергаются медленной, но неумолимой эрозии, можно судить по социологическому исследованию, о котором в «Социологических исследованиях» недавно рассказала С. Данилина. Она выяснила, как сегодня в небольшом городе Ивановской области, относятся к одинокому материнству женщины и мужчины 35 — 40 лет. Сам автор статьи, аспирантка Ивановского государственного университета, судя по некоторым утверждениям и оговоркам, относится к этому феномену скорее положительно (обрастаясь, по нашей привычке, к опыту Запада: «Семья с одним родителем на Западе считается полноценной семьей, и там обидное, ущемляющее достоинство понятие «одинокая мать»

уступает место более всеобъемлющему и более нейтральному «одиноким родителям»). Еще интереснее, что ее поддерживает большинство жителей провинциального небольшого города: «Половина респондентов скорее положительно настроена в отношении одинокого материнства, 32% выражают нейтральное, скорее безразличное отношение, и 18% — осуждают его».

Как и положено при определенной спутанности сознания, в общем принимая такой выбор женщины, собеседники социолога в большинстве не считают его ни свободным, ни осознанным: 36 процентов из них назвали это решение вынужденным, примерно столько же — что женщина решилась на рождение ребенка, не задумываясь о последствиях; только 29 процентов признают выбор осознанным и ответственным. Образ одинокой матери чаще всего ассоциируется с девушкой-школьницей, за которой не слишком хорошо приглядывали родители. Такой картинке больше соответствовало бы некоторое, пусть сдержанное, осуждение — если не самой школьницы, то ее «недоглядевших» родителей. Но сами собеседники социолога обосновывают выбор одинокого материнства вполне рационально, хотя видят все его трудности.

Это трудности прежде всего экономические, финансовые, потом — жилищные, потом — трудность найти подходящую работу (с достаточной для содержания семьи оплатой, более или менее свободным графиком и близко от дома); заметим, что воспитание детей отвечавшие на вопросы социологов не считают такой уж проблемой для семьи без отца и мужа (ее отметили только 16 процентов), хотя именно эта проблема более всего беспокоит психологов и педагогов. Зато более половины отнесли семьи матерей-одиночек к малообеспеченным, только каждый четвертый-пятый — к семьям со средним достатком, 12 процентов назвали их нищими, и ни один из опрошенных не счел их обеспеченными.

Несмотря на все это, собеседники социолога уверены, что одинокое материнство непременно сохранится,

внебрачная рождаемость будет расти. Причины объективные: «невозможность женщины создать семью с достойным человеком (алкоголизация и иждивенчество мужской части населения) (36%); падение нравственности в обществе (27%); снижение роли мужчины в семье (21%); возросшая самостоятельность, самообеспеченность женщин (19%); терпимое отношение общества к факту внебрачного рождения (14%)». Заметим, что доводы традиционного сознания: падение нравственности — значительно уступают доводам, идущим от анализа реальной ситуации и выросшего самосознания женщины (и ее возможностей в глазах мужчин, которых среди опрошенных была примерно половина).

Несмотря на время от времени принимаемые Государственной Думой постановления о необходимости спасти семью в самом традиционном ее варианте, российская семья упорно движется в том же направлении, что и европейская: к тому выходу из метро, над которым висит табличка «Выхода нет». И продвинулась по этому пути довольно далеко — сохраняя столь характерную для этого движения противоречивость.

Я предполагаю, что семья все-таки выдержит все, даже заботу о себе государства. Но только какой она будет? Обязательно зарегистрированной в загсе и даже венчанной? Или законы начнут исходить из реального, а не желаемого, и признают все юридические и экономические права тех, кого сегодня называют «сожителями»? Будут «пробные браки»? Без детей или появление ребенка автоматически переводит «пробный» в реальный? Сколько детей завтра будут расти без отцов и к каким это приведет последствиям? Что дальше будет с ролями отца и матери в семье?

Сегодня все ответы могут быть лишь приблизительными и очень субъективными.

В 1980 — 1983 годах самую высокую тревожность у подростков вызывала школа, они боялись доек, замечаний в дневнике, других школьных санкций. Как показало недавнее исследование психолога Е. Амен, сегодня главный источник тревоги переместился из школы в семью: подростки боятся, что с родителями что-нибудь случится, что не будет денег, у них страх возможного физического насилия, страх личной несостоятельности, неопределенности в будущем.

Во все времена подростки чаще всего отмечали, что родители, на их взгляд, не желают мириться с их взрослением, не оценивают должным образом их способ-

ность действовать самостоятельно и не желают им предоставлять эту самую самостоятельность и свободу. На этот раз директивность подростки отметили в последнюю очередь. Характеризуя свои отношения с родителями, они прежде всего говорили о непоследовательности их воспитательной тактики. Второе место по частоте упоминаний заняла так называемая автономность, отстраненность в их взаимоотношениях. На третьем месте, как это ни печально, враждебность. И только на четвертом — директивность. Заменой строгому контролю стало фактически безразличие и отстраненность родителей, особенно отцов, от общения с детьми.

С точки зрения подростков, матери их принимают и отвергают примерно в равной степени (вопреки прочно укоренившемуся в культуре образу вечно любящей и всепрощающей матери). У отцов же, что, честно говоря, менее неожиданно, враждебность в отношении к собственным детям преобладает, по мнению подростков, над искренним, безоценочным интересом.

Интересно также, что непоследовательность отца в отношениях с подростком часто сопровождается точно такой же непоследовательностью матери; то же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать и о позитивном интересе к ребенку: если он характерен для матери, то вероятнее найти его и в отношении отца. Так что непоследовательность и позитивный интерес присущи скорее семье в целом, чем отдельным ее представителям; это как бы характеристика внутрисемейной атмосферы, стиль взаимоотношений в семье.

17,1 процента подростков оценивают отношение и своего отца, и матери к себе как враждебное; уровень личностной тревожности у них явно выше среднего. Подростков, уверенных, что позитивный интерес к ним родителей недостаточен, 16,8 процента, а тех, кто считает, что у них в семье все обстоит как раз наоборот и позитивный интерес к ним их родителей достаточно высок, нашлось только 13,4 процента.

Две тысячи подростков, старшеклассников московских и подмосковных школ, психологи попросили отметить, какие из предложенных им двенадцати ценностей особенно будут, как они полагают, для них важны в их будущей взрослой жизни.

Более всего, как выяснилось, подростки ценят, считают самой привлекательной для себя сферой «Счастливую семейную жизнь».

Оценку важности каждой из предложенных подросткам ценностей мы сопоставили с оценкой возможности в будущем достичь ее, реализовать в собственной жизни. Получилась картина, очень далекая от гармонии: то, что подростки считали вполне доступным («Активная

жизнь»), не представляло для них практически никакой ценности; то, что они ценили — «Счастливая семейная жизнь», «Материально обеспеченная жизнь», «Здоровье», — они считали для себя недоступным в будущей своей жизни.

Между прочим, если 45 процентов участников исследования говорят о недоступности для себя счастливой семейной жизни, то 28 процентов — не так уж мало! — считают ее вполне доступной. Наверное, такой разброс мнений и оценок определяется тем, что семьи разные, характер отношений в них тоже разный и далеко не все современные семьи несчастны настолько, чтобы внушить детям неуверенность и тревогу за свое семейное будущее.

На вопрос социологов: «Бывает ли так, что вам не хочется возвращаться домой вечером, когда родители вернулись с работы?» каждый третий подросток ответил, что «так бывает почти каждый день» и «достаточно часто».

На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваша будущая семья была в основном похожа на ту, в которой вы сейчас живете?» положительно ответил только каждый пятый из опрошенных; треть старшеклассников затруднилась с ответом; каждый второй определенно заявил: он не хотел бы, чтобы его будущая семья была похожа на родительскую. Девушки демонстрируют заметно большую антипатию к своей нынешней семье.

Еще в 1989 году во время одного из опросов на первое место среди качеств, которые матери хотели бы видеть у своих детей, вышло «уважение к родителям», что заставило вспомнить результаты сходной американской анкеты 1924 года. Тогда американские женщины поставили это качество на второе место, но в 1978 году у американок оно оказалось на седьмом. А вот независимость характера и верность своим убеждениям, которые в 1978 году поставили на первое место американские женщины, в советском опросе 1989 года заняли пятую позицию.

«Вы не знакомы

со своими детьми»

Разладился работавший столетиями механизм передачи детям от матерей и отцов образцов родительского поведения. В общественном сознании на этот счет царит некоторая растерянность. Значит, новых родителей необходимо учить быть родителями. Не только любить своих детей, но и понимать их, интересоваться ими, быть в состоянии прийти им на помощь. Даже в США, стране, известной культивированием семейных ценностей в самом современном их варианте, это давно уже поняли. Появились учебники для мам и пап, посвященные не только науке пеленания — они идут нарасхват во всех книжных магазинах мира. Появились особые курсы для родителей, и нет недостатка во взрослых учащихся. Создатель игровой терапии для детей, американский профессор Гарри Лэндрет, не побоявшись потерять доходы, решил обучать родителей, как строить правильные отношения со своими детьми. Возможно, это — первые ростки нового социального института обучения родителей, в котором острее других нуждается российское общество.

Возможно, сейчас наше общество находится на пороге того, чтобы признать, что дети — люди, а не игрушки, не безличные предметы, не источник фрустрации, с которым надо смириться-

ся, пока они не достигнут зрелости, но воистину люди, обладающие неограниченным потенциалом и творческими ресурсами для роста, развития и приспособления. Дети вполне спо-

собны сообщить взрослым знания о себе, если взрослые доброжелательны, терпеливы и открыты. Они обладают чувствами и реакциями, независимыми от реакций родителей.

Взаимодействие с ребенком, который свободен быть самим собой, описать невозможно; его можно только прочувствовать в реальные моменты взаимодействия. Мне хотелось открыть дверь в детский мир бытия, чувств, познания, оценки и

опыту я остро чувствую детей, которых не замечают.

Мы, взрослые, недостаточно мудры, чтобы знать способности и потенциал детей. Как правило, наш взгляд на детей страдает узостью и ограниченностью. Возможность человеческого организма выходит за пределы нашего внимания.

Все дети каждый день должны испытывать радость жизни, и это должно стать целью всех взрослых, регу-

созидания — в мир изумления, волнения, радости, печали и ярких красок жизни.

Ребенком я был костляв и неразвит. Я ходил в сельскую школу, все восемь классов которой занимались в одной комнате. В этой школе преподавала моя мать. В такой обстановке я научился по-настоящему ценить простые вещи: стремление к победе, любовь к учению, и сочувствие к «побитой собаке» — к человеку, которого не замечают. Благодаря собственному

любно имеющих дело с детьми. Дети лишаются радости, когда их торопят выполнить все задачи и побыстрее стать взрослыми. В жизни любого ребенка должны существовать оазисы спокойствия и терпения, поскольку в такой атмосфере он может полнее раскрыть и исследовать свои внутренние ресурсы.

Признать, что они сами и их дети нуждаются в помощи — очень тонкая и трудная задача для большинства родителей. Они как можно дольше от-

кладывают обращение за помощью, надеясь, что «дела пойдут лучше». Поэтому во многих случаях к тому времени, когда родители наконец устанавливают контакт с терапевтом, проблема имеет уже долгую историю или усилилась до такой степени, что напугала родителей. Терапевт должен быть особенно чувствительным к той борьбе, через которую прошли родители, прежде чем они решились обратиться за помощью; он должен отнестись к этой борьбе с пониманием, а не кидаться сломя голову в выяснение проблем. Родители могут испытывать чувство вины, напряженности, гнева, неадекватности, и именно с этими чувствами надо иметь дело в первую очередь.

В большинстве случаев при обращении к терапевту инициативу берет на себя мать. В исследовании было обнаружено, что матери, пришедшие на прием в клинику, находились в состоянии депрессии, были измучены постоянным стрессом, испытывали тревогу и подавленность в связи с проблемами своих детей и беспокоились о том, что делать дальше. Матери в контрольной группе, дети которых были того же возраста и с теми же симптомами, легко относились к их поведению и считали проблемы детей временными. Они казались более уверенными в себе.

Многие родители уделяют своим детям время и выделяют пространство, но не знают и не понимают их. Родители, принадлежащие к различным слоям нашего общества, тратят все больше времени на поддержание привычных жизненных стандартов. Эти обязанности отнимают родителей у детей и физически, и эмоционально. На детей обрушивается стресс, поскольку родители уже не в состоянии удовлетворять их потребности в эмоциональной пище. Многие родители не знают эмоциональных потребностей своих детей и не обладают необходимыми навыками общения с ними на эмоциональном уровне. Это пугает и подавляет.

Природа отношений детей и родителей имеет первостепенное значение

для психического здоровья детей в настоящем и будущем. Если мы хотим положительно повлиять на психическое здоровье будущего поколения взрослых людей, мы должны потратить больше усилий на то, чтобы существенно улучшить психическое здоровье всех детей, а не только тех, кто явно нуждается в профессиональной помощи.

Пора перестать прятать профессиональные навыки специалистов в области психологической помощи за закрытыми дверями консультации; нужно в специальных тренингах передавать их родителям, которые лучше всего могут повлиять на жизнь будущих взрослых. Прямые попытки улучшить будущее поколения только силами терапевтов — задача невыполнимая. Работа терапевтов по обучению родителей тому, чтобы стать психотерапевтическими помощниками для своих детей, по-видимому, была бы более продуктивной, и, возможно, это единственный способ существенно улучшить психическое здоровье взрослого поколения в будущем.

Быть родителем — занятие трудное, напряженное, часто фрустрирующее даже для наиболее умелых и преданных людей. Когда в отношениях родителей и детей возникают трудности и дела идут плохо, родители часто склонны винить себя и сомневаться в собственных способностях выполнять функции родителей. Родители нуждаются в помощи: им нужно помочь овладеть навыками, которые способствовали бы развитию их отношений с детьми. Предположение, что большинству родителей известны и сами эти навыки, и способы их использования, ошибочно, поскольку в нашем обществе прилагается довольно мало усилий для того, чтобы обучить родителей эффективному взаимодействию со своими детьми.

Даже в хорошо адаптированных, стабильных семьях происходят иногда события, которые временно ухудшают отношения родителей и ребенка или вызывают у ребенка эмоциональные реакции, требующие от родителей особой чувствительности. Это мо-

жет быть рождение второго ребенка; трудности в учебе; ночные страхи; переезд в другую квартиру; смерть родителя, брата, сестры или близкого друга; родитель, слишком занятый на работе и редко бывающий дома; существенное изменение в доходах родителей; автомобильная катастрофа... У ребенка в ответ могут возникнуть страхи, тревога, стремление быть ближе к родителям; он может замкнуться или начать безобразничать. Многие родители не знают, что с этим делать, их естественное стремление — остановить ребенка, а не попытаться понять его.

В моей учебной группе для родителей почти столько же взрослых, просто стремящихся научиться быть хорошими родителями, сколько и тех, чьи дети испытывают те или иные затруднения в общении. В некоторых моих группах есть даже дедушки и бабушки, которые недавно стали опекунами или усыновили своих внуков и пришли, «чтобы узнать что-нибудь новое о воспитании». Несколько состоятельных семей прислали проживающих в доме нянюшек, чтобы они научились проводить специальные игровые сеансы. Недавно ко мне в группу записали молодую няню (ей чуть больше 20 лет) годовалой малышки: родители хотели, чтобы девушка умела чувствовать эмоциональные состояния и потребности ребенка. Однажды на обучение записалась будущая мама на седьмом месяце беременности, так как она хотела «как можно раньше научиться пользоваться специальными игровыми приема-

ми». Во время обучения она практиковалась с ребенком своих приятелей и была одним из самых старательных и эмоциональных родителей в группе. В другой раз в группу записалась молодая пара, ожидающая ребенка, и оба будущих родителя проводили у себя дома сеансы с ребенком своих родственников. За помощью обратились родители пятилетней девочки, потому что им казалось важным укрепить отношения отца с дочерью прежде, чем он начнет отбывать срок в тюрьме.

В процессе учебных занятий, просматривая видеозаписи и участвуя в ролевых играх, родители становятся более чувствительными к своим детям, учатся относиться к ним безоговорочно, с пониманием, создавая атмосферу принятия, в которой ребенок может чувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы исследовать другие аспекты собственной личности и другие формы отношений с родителями. При сравнении достижений родителей, обучающихся игровой терапии, с контрольной группой обнаружены существенные различия в пользу родителей, получивших подготовку: они выказывали безусловную любовь к ребенку, понимали его, снижалось число конфликтов между родителями и детьми, родители лучше понимали смысл игры ребенка. У них была отмечена большая мера уважения к чувствам детей, признание необходимости автономии ребенка, улучшение самооценки у детей и родителей и возникновение большей близости между ними.

Американский социолог Р. Уинч, специалист по изучению семьи, выдвинул теорию дополнительности, в соответствии с которой партнера в браке обычно подбирают именно по принципу дополнительности. Однако большинство исследований не подтвердило эту гипотезу. Как выяснилось, в основе стабильного брака лежит другой принцип — схожести. В частности, потребность в утешении и умение утешать, столь важные в устойчивой семье, должны присутство-

вать у мужа и жены если не в одинаковой, то хотя бы в соизмеримой степени.

Американские социологи Дж. Готалс, К. Стил и Г. Гроуд утверждают: вступить в брак с мужчиной более высокого социального статуса особенно важно для женщины со средним образованием. Чем выше статус мужа, тем больше удовлетворенность в браке. Для мужчин характерна обратная зависимость. Чем больше профессиональные и социаль-

ные достижения мужа, тем довольнее своей семьей жена; мужчины удовлетворены браком, когда у жены достижения меньше, чем у него самого, и не удовлетворены, если жена достигла такого же социального статуса. Высокая автономия мужа или жены, замечают американские социологи, свидетельствует о неудовлетворенности браком. Мужчины, слишком доминирующие в семье, обычно столь же недовольны своей семейной жизнью, как и мужья, в семьях которых доминирует жена.

Социолог-феминистка Дж. Бернارد скептически относится к современному институту семьи. Тем не менее она отмечает высокую статистику смертности среди холостяков, а также катастрофическое ее повышение среди одиноких вдовцов, как и повышенную склонность их к самоубийствам.

И в прошлом, и в настоящем, и в обозримом будущем брак полностью отвечает интересам мужчины, считает Дж. Бернارد. А для женщины он — тяжелая психологическая травма. С замужеством она из объекта ухаживаний тут же превращается в няню; принятое на веру стереотипное представление о мужском превосходстве оказывается фикцией; ее социальный статус понижается, самостоятельность утрачивается, ущемляется чувство собственного достоинства. Бернارد предлагает пробный брак, «товарищеский», то есть заведомо бездетный, облегчение разводов.

«Деловой успех мужчины оправдывает его неудачи в других сферах жизни, компенсирует его слабости и личные драмы, служит и объяснением, и целью; деловой успех женщины сразу ставит вопрос о полноценности ее семейной жизни».

Мишель Корда, феминистка.

Известный специалист по проблемам брака Айра Рейсс еще в 1982 году считала, что сексуальная революция среди американской молодежи и ее приверженность к свободному или открытому браку — миф, как и всеобщее падение нравов. В действительности же американская молодежь взяла на себя боль-

шую, чем прежде, ответственность за нормы половой жизни и поведения. Конфликт поколений, по мнению исследователя, явно преувеличен: от 63 до 68 процентов студентов уверены, что принятые ими нормы сексуального поведения не отличаются от родительских. Возможно, ценности родителей больше влияют на выбор друзей их детьми, чем это принято считать.

Несмотря на энергичное провозглашение коренной ломки единобрачия, моногамный брак обнаруживает большую устойчивость, причем так называемые альтернативные союзы имеют ничтожную долю. Так, при высоком уровне неполных семей (16%) и одиноких (21%) в супружестве остаются 59%, а экспериментальные семьи или сожительства практикует ничтожное меньшинство (4%). Хотя Дж. Раеи, который привел эти данные, и уверен в том, что именно альтернативные стили жизни лучше всего способствуют свободе и самовыражению личности, это не подтверждает ни длительными наблюдениями, ни прочими исследованиями.

В обширном социологическом исследовании 34 семей низшего класса К. Валь, Г. Тюльман и другие сотрудники Немецкого института молодежи (Мюнхен) показали, что каждые три из четырех браков конфликтны из-за нарушения межличностных отношений. Это ревность, недовольство мужа далеко зашедшей эмансипацией жены, противоречия в подходах к воспитанию детей, алкоголизм одного из супругов, разность темпераментов, трудности в интимных отношениях, противоречия в осуществлении мужской и женской роли. Две из каждых трех женщин страдают от низкой самооценки, ролевых и личностных напряжений, вызванных как трудностями общения во внешнем мире (на работе, например), так и доводящей до депрессии низкой оценкой в семье ее заслуг как хозяйки и матери. Мужчины реже испытывают негативные эмоции в связи с самооценкой. Но недостаточное признание в семье женой и детьми, как и отсутствие успехов на работе, они переживают весьма остро.

Древний лабиринт

Англо-греческая экспедиция, состоящая из спелеологов и географов, ис-

следовав древнюю подземную каменоломню на острове Крит, пришла к выводу, что она может являться описанным в античности лабиринтом — местом, где скрывался Минотавр, мифический получеловек-полубык. Однако, согласно распространенной с начала XX века точки зрения, лабиринт — это Кносский дворец, раскопанный и реконструированный британским археологом сэром Артуром Эвансом.

Заброшенная каменоломня, представляющая собой сеть разветвленных подземных туннелей, расположена в окрестностях Гортины, древнего города, в римскую эпоху бывшего столицей Крита. По сведениям сотрудника Британского музея Эндрю Шапланда, это место еще в XII веке нашей эры считали подходящим кандидатом на роль лабиринта, а местные жители и сейчас называют каменоломню «пещерами лабиринта».

Николас Ховарт — исследователь из Оксфордского университета — убежден, что гортинская каменоломня не была должным образом изучена из-за того, что Эвансу и

его сторонникам удалось убедить публику и ученых, что именно Кносс является лабиринтом. Эндрю Шапланд, полагающий, что местонахождение лабиринта — это старый камень преткновения, все же считает, что Кносс является более удачным кандидатом на роль тюрьмы Минотавра, поскольку этот дворец упомянут у Гомера.

Исучаем динозавров

Группа палеонтологов утверждает, что около трети описанных видов динозавров являются несуществующими. За ранее неизвестных ящеров ученые принимали уже описанных динозавров на разных стадиях развития.

Один из специалистов изучал останки динозавра рода *Nanotyrannus*. Он заключил, что этот ящер на самом деле является молодым тираннозавром *Tyrannosaurus Rex*. Нижняя челюсть *Nanotyrannus* содержала 17 зубов. Ученый считает, что на самом деле череп принадлежал тому динозавру, у которого было только 12 зубов, поскольку по мере взросления у тираннозавра происходила смена зубов с небольших клиновидных на привычные исследователям зубы гигантского хищника. По итогам анализа окаменелостей трицератопса ученый также

пришел к выводу, что на протяжении жизни этот ящер существенно изменял свое строение.

С выводами работы согласны не все коллеги. Некоторые ученые полагают, что известных останков динозавров недостаточно, чтобы однозначно делать такой вывод. Тем не менее соображение, что номенклатуру динозавров следует пересмотреть, является не новым. Проведенное недавно масштабное исследование показало, что почти 50% всех видов динозавров было названо неправильно.

Расшифровка генома картофеля

Проект по расшифровке генома стартовал в 2006 году. В нем принимают участие сотрудники 16 исследовательских институтов из 12 стран мира: Аргентины, Великобритании, Голландии, Индии, Ирландии, Китая, Новой Зеландии, Перу, Польши, России, США и Чили. Инициаторами стали ученые из Голландии, а обработка полученных данных и собственно восстановление последовательности проводились при помощи алгоритма, разработанного в Китае.

Ученые определили последовательность 95% ДНК овоща. ДНК картофеля упакована в 12 хромосом и содержит 840 миллионов пар нуклеотидов — элементарных «кирпичиков» ДНК. Это приблизительно в 3,5 раза меньше, чем в ДНК человека.

За последние несколько лет по мере развития технологий определения последовательности ДНК генетики расшифровали геномы очень многих полез-

Рисунок А. Сарфанова

ных человеку организмов. Так, были расшифрованы геномы сорго, риса, коровы, кукурузы и многих других.

Ученые создали фальшивые воспоминания

Исследователи с помощью лазера создали у плодовых мушек неприятные фальшивые воспоминания, которые заставили насекомых изменить свое поведение, и полагают, что человеческие воспоминания можно модифицировать похожим способом.

Добиться этого Геро Мисенбоку из Оксфордского университета и его коллегам удалось с помощью генетического модифицирования плодовых мушек таким образом, что нервные клетки их мозга стали чувствительны к свету. Это позволило ученым непосредственно воздействовать на нейроны грибовидного тела головного мозга насекомых, которые, как было известно из опытов прошлых лет, выделяют гормон дофамин в процессе обучения или познания окружающей среды, и таким образом играют одну из наиболее важных ролей в процессе обучения.

В качестве предварительного эксперимента команда Мисенбока вырабатывала у плодовых мушек предпочтение между двумя запахами. Поместив насекомых в специальную камеру, в которой создавались потоки ароматических веществ, сотрудники Мисенбока всякий раз подвергали мушек небольшому электрическому разряду, когда те перемещались в область того или иного аромата.

Со временем такие мушки научились ассоциировать один из запахов с неприятными физическими ощущениями и стали появляться в этой части камеры на 30% реже, чем в противоположной с другим ароматом. После этого мушек вместо электрического разряда группа подвергала лазерному излучению, когда они оказывались в поле действия того или иного пахучего вещества. Большинство мушек к такому воздействию оказались невосприимчивы, однако мушки, имеющие комбинацию из 12 светочувствительных нейронов, со временем выработали способность избегать одной из частей камеры в 28% своих перемещений.

Мисенбок считает, что стимуляция этих 12 нейронов создает эффект электрического шока у мушек, вырабатывая у них фальшивые воспоминания о боли, которую они никогда не чувствовали, и именно эти воспоминания сказываются на поведении насекомых. Авторы статьи полагают, что аналогичным образом можно менять и воспоминания людей.

Резиновый интерфейс

Развитие идеи чувствительного к прикосновению экрана представили на канадской выставке ACM Symposium on User Interface Software and Technology японские изобретатели Хидэки Коикэ и его коллеги из университета электрокоммуникаций, а также Кэнтаро Фукути из японского министерства науки и техники.

Мало кого нынче удивишь стеклянными и плас-

тиковыми экранами, реагирующими на прикосновение стилуса или пальцев и позволяющими управлять цифровым миром. Однако куда приятнее чувствовать под пальцами мягкие, сжимающиеся элементы управления, рассудили японцы и превратили свою идею в жизнь. Изобретатели системы Photoelastic Touch разместили над большим горизонтальным жидкокристаллическим экраном видеокамеру, которая фиксировала происходящее на «столе».

На поверхности дисплея можно разместить прозрачные резиновые объекты любого размера и формы, после чего научить компьютер реагировать на производимые с ними действия. Единственное условие: эластичные компоненты управления должны быть прозрачными.

Как же все это работает? ЖК-панель испускает линейно-поляризованный свет. Камера над «столом» видит только эллиптически поляризованный свет. То есть когда над экраном ничего не происходит, камера ничего и не «наблюдает» (резиновые объекты — прозрачные и пропускают свет сквозь себя). Но как только человек начинает выкручивать и сжимать эластичные элементы управления, поляризация проходящего через них свет меняется на эллиптическую. Камера ловит «неправильный» свет, а присоединенный к ней компьютер интерпретирует полученные сигналы: положение, ориентацию и силу воздействия на объект. В результате на ЖК-экран выводится соответствующая информация.

Игорь Харичев

Повод стать Европой

*Размышления
на фоне
кризиса*

Корни различий

Что отличает экономически успешные страны от неуспешных? Не рыночная экономика — ее элементы есть во многих странах, даже в самых отсталых, — но иные факторы: наличие правового государства, защищенность частной собственности, условия жизни основной части граждан, возможности самореализации, проявления инициативы. И многое другое, что может быть названо культурой в широком смысле этого слова.

Ученые давно установили: биологически все народы Земли одинаковы. Нет интеллектуального неравенства, связанного с национальной или с расовой принадлежностью. Различия

историчны. Все зависит от социально-культурного развития: от воспитания и образования. (Любопытный пример: в 1938 году французская научная экспедиция обнаружила в Парагвае древнее примитивное племя, которое при виде пришельцев разбежалось, оставив у костра полутороговую девочку. Антропологи подобрали ее, привезли в Париж, и та, по сути родившаяся в каменном веке, выросла настоящей парижанкой, абсолютно адаптированной к европейскому образу жизни, владеющей тремя языками.)

Крупнейший мыслитель XX века Эрих Фромм утверждал, что человек — продукт культуры. «Самые прекрасные, как и самые уродливые, наклонности человека, — писал он, — не вытекают из <...> биологически обусловленной человеческой приро-

* Полный вариант текста см.: <http://www.polit.ru/analitics/2009/07/23/cult.html>

ды, а возникают в результате социального процесса формирования личности. <...> общество осуществляет не только функцию подавления, <...> но и функцию созидания личности. Человеческая натура — страсти человека и тревоги его — это продукт культуры; по сути дела, сам человек — это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей».

Прежде всего культура — то, что «в головах», что проявляется каждодневно во взаимоотношениях на работе, на улице, в транспорте, дома, в контактах с органами власти. И лишь во вторую очередь она — в материальных предметах, окружающих человека: зданиях, предметах, книгах и иных носителях, хранящих накопленные знания. Поэтому, скажем, вопрос о совершенстве действующего законодательства менее важен, чем вопрос о том, как исполняется это законодательство.

Каждой цивилизации отвечает своя культура. По сути, именно она — продукт развития цивилизации. Национальные особенности связаны с культурными отличиями — они определяют повседневную ткань жизни разных народов. А значит, и непохожесть того, как «устроено» будничное существование жителей Китая и Бразилии, Дании и Пакистана.

Культура определяет систему приоритетов и ценностей народа. Она

воспроизводит себя прежде всего в сферах, непосредственно связанных с человеческим существованием, повседневной жизнью. Поэтому по природе она — консервативна, изменение менталитета — трудный и долгий процесс.

Страны Западной Европы и Северной Америки, не первое столетие наиболее успешные в экономике и социальной сфере, принадлежат западноевропейской культуре. Среди существенных факторов, определяющих ее, — законопослушность; умение граждан нести ответственность за себя; уважение к личности и самоуважение — как его обратная сторона. На законопослушности зиждется правовое государство. Умение граждан и потребность нести ответственность за себя, как и уважение к личности, дополняемое самоуважением, являются фундаментом гражданского общества.

Главная ценность западноевропейской культуры — свобода как внутреннее состояние. Западноевропейская цивилизация воспитала потребность в особой свободе, не беспредельной, как русская вольница, а основанной на понимании связи между собственной свободой и свободой других людей, между свободой и ответственностью за собственные поступки, решения.

Ключевое место в западноевропейской культуре занимает уважение

Япония сегодня

к частной собственности, предполагающей гарантии ее защищенности, независимости от власти. Институт частной собственности сформировался в Западной Европе давно. (В Англии — в XIII веке.) Но определяющим стало не наличие частной собственности, а ее приоритет по отношению к власти: такое положение, когда любые властные полномочия чиновников не могут обеспечить незаконное изъятие частной собственности без согласия на то собственника.

Не менее ключевое значение имеет соотношение государства и человека. Во всех восточных деспотиях и недемократических государствах приоритет неизменно отдавался и отдается государству. Но именно приоритет человека по отношению к государству обеспечил успешное развитие экономики в странах Западной Европы и Северной Америки, а позже обеспечил развитие в социальной сфере.

Важно понимать: демократия в экономически развитых странах прежде всего происходит из культуры граждан. Она — стиль жизни и стиль мышления подавляющей их части.

Культура определяет экономику и политику. Яркий пример — опыт СССР. Различия в экономических и социальных показателях между республиками Прибалтики и Средней Азии были разительны — и в степени развитости высокотехнологичных производств, и в качестве продукции, и в условиях и качестве жизни основной массы жителей этих республик. Экономическая модель и политическое устройство в республиках Прибалтики и Средней Азии были одинаковы — а культура отличалась кардинально. Первые издавна тяготели к Западной Европе, что сказывалось и в культуре поведения, и в культуре производства, и во всем остальном. Культура среднеазиатских республик даже во второй половине XX века оставалась на уровне умеренных восточных деспотий, ничуть не ориентированных на реализацию творческого потенциала граждан, не способных обеспечить ни качества продукции, ни качества жизни.

Надо подчеркнуть значение западноевропейской культуры как универсальной, дающей возможность максимально использовать потенциал и

*Ночлежный дом
Н.А. Бугрова,
Нижний Новгород,
1914 год.
Фото
М. Дмитриева*

общества, и каждого из его членов. Адаптация ценностей этой культуры — не унижительное копирование Запада, а использование открытых в Западной Европе закономерностей, связывающих культуру и успешность модернизации. Так, соединение элементов западноевропейской культуры с традиционной культурой в послевоенной Японии позволило стране Восходящего Солнца добиться впечатляющих успехов не только в экономике, но и социальной сфере. Хотя надо отдавать себе отчет в том, что адаптация западноевропейских ценностей была успешной благодаря американской оккупации.

Говоря о западноевропейской культуре, философ Александр Ахиезер отмечал: «Развитие либеральной цивилизации совпадает с формированием первой универсальной культуры человечества, которая оказалась сильнее всех мировых религий по своей массовости, широте и глубине охвата, по своей способности превращаться в основу не только церкви, но и государства. Эта культура носит плюралистический, диалогический характер, позволяя одновременно культивировать и исторически сложившиеся культуры, то есть сохранять самобытность, разнообразие культур. Она носит динамичный характер, имеет тенденцию опираться на науку. Эта культура во многом позволила либеральной цивилизации в конечном итоге неуклонно повышать уровень сложных решений, затрагивающих судьбы стран и человечества, оставляя позади жалкие потуги провинциальных и невежественных лидеров России решать судьбы стран и народов».

Россия издавна тяготела к западной цивилизации. При одних правителях, прежде всего при Николае I — в меньшей степени. При других — Петр I, Екатерина II — в большей. Но за долгое время мы так и не смогли преодолеть последствий татаро-монгольского нашествия. Самые серьезные из них: длительные отсутствие частной собственности, упраздненной татаро-монголами; незащищенность, бесправие населения пред лицом государства.

Фактически мы оказались меж двух цивилизаций. Можно тешить себя мыслью, что мы играли роль моста между Европой и Азией, но из нескольких возможных вариантов евразийства мы получили худший: не восприняли ни азиатского трудолюбия и аккуратности, ни основных составляющих европейских традиций — законопослушности, уважения к личности и человеческой жизни. Да и как говорить об уважении к личности в стране, где дворяне получили гарантии прав и свобод лишь во второй половине XVIII века, где до 1861 года существовало официальное рабство, а Манифест Александра II, отменив крепостное право, не смог отменить фактического рабства, которое с новой силой утверждалось в XX веке большевиками.

Проблема дореволюционной России была в огромном различии между культурой сравнительно небольшого слоя интеллигенции — дворян и разночинцев, тяготевших, как правило, к Западной Европе, к либеральным ценностям, и культурой основной массы населения, разделявшей патриархальные ценности. Носители этой культуры легко приняли посулы коммунистов, а вслед за тем — отмену частной собственности, жесточайшую диктатуру, массовые репрессии, именно они органично признали право государства контролировать жизнь граждан во всех ее проявлениях, жертвовать этой жизнью ради «высших» целей.

Как устроена культура

Каковы же наиболее важные составляющие культуры?

Прежде всего это — *культура взаимоотношения человека и государства*. Чаще всего поднимается вопрос об отношении граждан к государству. Спектр его простирается от эгитизма — культа государства, до анархизма — полного отрицания его позитивной роли. Между этими крайними позициями расположены остальные варианты отношения — от романтического до прагматического и настороженного. Гуго Гроций еще в 1625 году пи-

сал: «Государство есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». А английский философ Томас Гоббс (1588 — 1679) уподоблял государство Левиафану — библейскому морскому чудовищу, обладавшему огромной силой.

В обществе может доминировать то или иное отношение к государству: большая часть населения может доверять или не доверять ему, надеяться или не надеяться на него, желать или не желать его преобразования. Социологи постоянно отслеживают изменения в общественном мнении, стараются объяснять их. Но по-настоящему фундаментален иной вопрос: чему отдается приоритет — человеку перед государством или государству перед человеком? По сути, этим определяется тип государства.

Невозможно существование демократического государства, основанного на приоритете государства перед человеком. Причем речь не только и не столько о формулировках в конституции или основополагающих законах, хотя они крайне важны, но прежде всего о повседневной практике, проявляющейся в общении граждан с органами власти и их представителями, в решениях, принимаемых разными уровнями власти, о стиле мышления и стиле жизни подавляющей части граждан, в числе которых — и чиновники, прекрасно осознающие свою роль в государстве, отдающем приоритет человеку.

Если власть может пренебрегать интересами отдельных людей, она будет пренебрегать ими. Если власть может принимать решения единолично, не советуясь с разными группами населения, она будет делать это. Приоритет человека перед государством заставляет власть считаться с интересами граждан, исходить из этих интересов, а решения принимать, учитывая мнение различных групп населения.

Культура взаимоотношения частной собственности и власти — их разделение или связанность, приоритет власти или частной собственности, опре-

деляющий тип экономики: рыночная экономика невозможна без приоритета частной собственности. Как писал Егор Гайдар, «<...> восточные общества возникли за много тысяч лет до западных. Отношения власти реально являются важнейшими для упорядочивания ситуации в любом человеческом обществе, начиная с племени. Отношения власти и подчинения возникают раньше, чем накапливается собственность, чем формируется система отношений собственности. Исторически власть первична по отношению к собственности. Само накопление собственности становится возможным во многом благодаря тому, что власть структурирует, организует человеческую общность и ее деятельность. Естественно, что затем отношения собственности начинают размешаться внутри уже сложившейся «матрицы власти». И далее: «Обычай отделять собственность от места в структуре власти прокладывает дорогу усложнению социальной структуры, множественности иерархий, не поглощаемых государством... Лучший стимул к инновациям, повышению эффективности производства — твердые гарантии частной собственности. Опираясь на них, Европа с XV века все увереннее становится на путь интенсивного экономического роста, обгоняющего увеличение населения.» «Если легитимность собственности не зависит от государства, если она первична по отношению к государству, то тогда само государство будет работать на рынок, станет его инструментом.» О значении частной собственности хорошо сказал Ричард Пайпс в книге «The Russian Revolution» (1991): «<...> частная собственность является важнейшим институтом социальной и политической интеграции общества. Владение недвижимостью создает приверженность политическому и правовому порядку, поскольку оно является непременным условием сохранения прав собственности и привлекает граждан к управлению государством. Собственность как таковая способствует насаждению в массах населения уважения к закону и заин-

тересованности в сохранении status quo. История свидетельствует, что общества, в которых собственность, особенно на землю и жилища, общедоступна, отличаются большей консервативностью и стабильностью, а по этой причине менее подвержены любого сорта потрясениям. Именно поэтому французский крестьянин, который в XVIII веке был источником смут, благодаря завоеваниям Французской революции стал в XIX веке опорой консерватизма».

Законопослушность — следование Закону в любой ситуации, равенство перед Законом всех граждан независимо от их положения и финансового состояния и как следствие — наличие правового государства. Иногда говорят об уважении к Закону, бытующем в обществе, имея в виду не автоматическое уважение к любому, даже несовершенному закону, а именно законопослушность.

Правовая культура примыкает к законопослушности, но предполагает знание гражданами своих прав и обязанностей, умение цивилизованно защищать свои права через судебную систему.

Политическая культура — умение отстаивать свои политические интересы через участие в той или иной форме в политической деятельности. Культура взаимоотношения человека и государства может быть отнесена к политической культуре, но политическая культура в узком смысле подразумевает понимание подавляющей частью общества ключевой роли политических партий как общественных объединений, значения политической идеологии и политических программ, внимание к выборам в представительные и исполнительные органы власти;

Культура самоорганизации — умение подавляющей части граждан самоорганизовываться для защиты разных своих интересов путем создания различных общественных объединений. Это приводит к существованию большого числа разных общественных организаций — от домовых советов до массовых корпоративных орга-

низаций, помогающих эффективно отстаивать интересы отдельного человека как жителя дома, квартала, города, сотрудника или руководителя предприятия, представителя профессии и так далее.

Поведенческая культура — умение вести себя в обществе, требующее соответствующего состояния общества. Она предполагает не только знание человеком норм и правил поведения, но и выработку их в ходе развития общества. У каждого общества — своя поведенческая культура. Вместе с тем, говоря о культурном поведении, мы имеем в виду западноевропейскую культуру.

Культура сочетания индивидуально-го и коллективного — приоритет индивидуального или коллективного либо умение гармонично сочетать личные и коллективные интересы.

Толерантность — терпимость и уважение к чужому мнению, учет в той или иной мере мнения меньшинства. Это — неперемнное условие существования современного демократического общества, старающегося учитывать разные интересы и точки зрения.

Умение нести ответственность за себя — понимание большей частью общества того, что личный успех и благополучие связаны с итогами труда человека и, соответственно, того, что нельзя перекладывать на государство ответственность за себя.

Достижительская культура — нацеленность на достижение успеха. В основном такая культура присуща представителям западноевропейской цивилизации, ставящим перед собой конкретные задачи в рамках биографического проекта.

Самоуважение (уважение к личности), достоинство. Важнейший фактор, делающий человека реальным членом общества, гражданином в полном смысле этого слова. С самоуважением неразрывно связано уважение к личности, бытующее в обществе. «Личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство...», — писал русский историк и философ XIX века Константин Кавелин, — есть необходимое условие

всякого духовного развития народа». В деспотиях и диктатурах нет уважения к личности и, соответственно, самоуважения.

Культура деловых отношений — следование писанным и неписанным правилам, обеспечивающим надежность партнеров в ходе совместной деятельности, чувство ответственности за данные обязательства.

Культура производства — умение организовать производство так, чтобы обеспечивать требуемое качество на уровне и комплектующих, и конечной продукции;

Технологическая культура — умение обеспечивать выполнение технологических процессов и операций в полном соответствии с разработанными для них требованиями. Отсутствие этого умения так же сказывается на качестве продукции, как и низкая культура производства.

Все эти составляющие не исчерпывают столь сложного явления, как культура. Но они очень важны в смысле влияния на менталитет народа, на способность страны и общества к модернизации. С другой стороны, эти характеристики универсальны: любая из них в том или ином виде есть в каждой культуре. К примеру, давняя беда России — правовой нигилизм представляет собой отсутствие законопослушности, а как следствие — правового государства.

И что же делать?

Кризис, начавшийся в США в 2008 году и перекинувшийся на весь мир, в нашей стране проявляется в гораздо более серьезной мере, чем в США и Европе.

Разумеется, падение спроса на нефть, металл и вызванное этим обрушение цен прямым образом сказалось на благополучии российского бюджета. Но есть и внутренние причины в России, обеспечившие особую глубину, масштабность кризиса по отношению к США и другим странам. Кризис в России, прежде всего, вызван особенностями нашей культуры, тем, что наша страна, считая себя европей-

ской, во многом не является ею. Это прежде всего касается культуры взаимоотношения государства и человека, собственности и власти, а также законопослушности, правовой и политической культуры, толерантности, уважения к личности, умения нести ответственность за себя, поведенческой культуры.

Значение кризиса — мобилизующее. Понимание опасности вынуждает действовать. Сейчас проще предпринять шаги, приближающие нас к западноевропейской культуре. То есть — дающие верный шанс встать на путь устойчивого развития страны и общества.

Какие шаги должны быть предприняты? И в какой последовательности?

Прежде всего необходимо понимание определяющей роли культуры, того, что именно культура формирует экономику и политику, а не наоборот, что повседневная ткань жизни задается культурой, превалирующей в данном обществе. В таком понимании более всего нуждаются элиты: у них есть реальная возможность запустить процесс модернизации общества и вырвать страну из оков традиционализма. С другой стороны, доведение общества до социального взрыва приведет к смене элит, но не к изменению культуры. А значит, вновь будут воспроизведены привычные нам экономика и политика.

Начинать процесс модернизации общества надо с шагов, направленных на изменение самых важных составляющих культуры: взаимоотношений государства и человека, власти и частной собственности. Утверждение приоритета человека перед государством, а частной собственности — перед властью, требует изменения менталитета значительной части граждан, а значит, серьезной просветительской деятельности и большого периода времени.

Но есть механизм, позволяющий значительно ускорить процесс утверждения новых приоритетов: обеспечение неукоснительного исполнения действующих законов. Да, за короткий срок не изменить правоохранительную систему, переполненную

коррупционерами и теми, кто злоупотребляет служебным положением, кто совершает преступления, прикрываясь статусом представителя Закона. Но можно за относительно короткий срок добиться реальной независимости и эффективности судебной системы, обеспечив тем самым фундамент правового государства — действенность законов. Это резко изменит ситуацию в стране, существенно снизит ощущение незащищенности и бесправия у граждан.

Главное внимание надо уделять борьбе с правовым нигилизмом. Да, трудно рассчитывать на быстрый результат в деле становления законопослушности в нашей стране, даже если этим заниматься системно, но делать это необходимо: задачу подъема экономики, превращения ее в инновационную не решить без укоренения законопослушности. Начинать этот процесс надо прежде всего с власти — со всех ее уровней. Становление независимости судей должно сопровождаться особым вниманием к представителям всех уровней исполнительной власти. Любые подтвержденные попытки воздействовать на судей должны пресекаться немедленным освобождением должностных лиц от занимаемой должности.

То, что власть лишится вседозволенности, что ее представители не смогут уходить от ответственности за совершенные преступления, сразу будет замечено в обществе. Будет выбита почва из-под правового нигилизма, потому что исчезнет главный довод далекого от власти человека: им можно, а мне нельзя? Неотвратимость наказания заставит задуматься тех, кто потенциально склонен к совершению преступлений — стоит ли доводить себя до неминуемого наказания?

Необходимо преодолеть разрыв между властью и обществом. Без поддержки общества власти не справиться с давними российскими проблемами.

Среди предложений, которые дают власти лояльные ей, но трезво мыслящие организации, преобладают те, что приближают нас к Европе: наладить диалог власти с обществом и биз-

несом, восстановить конкурентную политическую среду, добиться исполнения законов. Вместе с тем власть на местах предпринимает прямо противоположные меры: ужесточает гонения на несогласных — своих оппонентов, всячески затрудняет деятельность правозащитных организаций. Участились нападения на критиков власти и журналистов. Эти сигналы противоречат тем положительным сигналам, которые отмечены выше. Если правоохранительные органы и местные власти действуют по собственной инициативе, президент не может закрывать на это глаза. Ибо, помимо прямого нарушения закона, все это — шаги, направленные против достижения компромисса, против поиска согласия в обществе, роль которых опасно недооценивать.

«Русская цивилизация, — писал журналист Виталий Третьяков, — отчасти является альтернативной по отношению к западной. Но нашу альтернативность пытаются выдать за нашу антагонистичность или враждебность. Между тем Россия вместе и со «старым», и с «новым» Западом вообще входит в одну, но, к сожалению, по вине Запада, не единую евроатлантическую (христианскую) цивилизацию».

Ничтожность человека перед государством, незащищенность частной собственности, наплевательское отношение к закону, бесправие рядовых граждан можно назвать альтернативностью по отношению к западной цивилизации, но в этом случае смешно говорить о принадлежности России к единой евроатлантической цивилизации.

Кризис — хороший повод пересмотреть устоявшееся отношение к тому, что не особо интересовало нас, но что, как оказалось, определяет нашу жизнь. Следует делать все, чтобы превратить нашу культуру в европейскую, сохранив при этом наш национальный колорит в искусстве, в народном творчестве. Став настоящей частью Европы, Россия не растворится в ней, как не растворились другие народы, но станет сильнее, займет достойное место среди развитых стран.

Неугомонные динозавры

Напомним известный факт: 65 миллионов лет назад над Землей пронесся гигантский метеорит, который столкнулся с земной поверхностью в районе полуострова Юкатан, в результате чего произошел взрыв мощностью примерно в 100 миллионов мегатонн. Эта мощность определена по размерам кратера, образовавшегося на месте взрыва (180 км в диаметре), и в свою очередь позволяет оценить размеры самого метеорита (около 10 км в поперечнике). Следы специфически метеоритного элемента иридия, выброшенного взрывом, обнаружены по всему земному шару, что говорит о глобальном характере катастрофы. Результатом взрыва была многолетняя «ядерная зима», вымирание многих видов животных, в особенности крупных, прежде всего — динозавров.

Вообще говоря, первоначально виновником гибели динозавров считались вулканы. И тем не менее несколько лет назад Г. Келлер предприняла попытку воскресить «вулканическую гипотезу» в новом обличье, предположив, что взрыв метеорита явился триггером длительного периода вулканической активности, что стало важной дополнительной причиной «ядерной зимы» и вымирания видов. Именно эта гипотеза, точнее — попытка ее проверки, — как раз и привела к обнаружению новых обстоятельств.

Проверить гипотезу Келлер взялся геолог Сакран Чаттерджи из Техасского технологического университета. Для этого он решил выяснить картину вымирания динозавров в Индии, на Деканском плоскогорье, где вулканическая деятельность 65 млн лет назад была особенно сильна. Его поиск привел к неожиданным результатам. Прежде всего Чаттерджи обнаружил множество «гнезд» с окаменевшими яйцами динозавров прямо среди базальтовых полей толщиной до 10—15 м (что соответствует довольно сильным извержениям). Это означало, что даже сильные извержения не так уж мешали динозаврам жить и размножаться. Затем, однако, Чаттерд-

жи обнаружил базальтовое поле чудовищной — почти двухкилометровой — толщины, возраст которого было в точности 65 млн лет. Такой мощный выброс лавы можно было объяснить только космическим ударом, и геологам было давно известно, что в этих местах такой удар действительно произошел, хотя неизвестно было, когда именно и какой силы. В последнее время, однако, геологи выявили строение прибрежного дня. Изучив эти данные, Чаттерджи установил, что 65 млн лет назад на дне океана вблизи Мумбая произошел гигантский и стремительный выброс горячей магмы, которая образовала подводную гору высотой в 5 км, окруженную кратером, имеющим 500 км в диаметре.

Никакая иная причина, кроме упругого ответа земной коры на чудовищной силы космический удар, не могла бы вызвать такое огромное и быстрое, направленное вертикально вверх выпячивание океанского дна. По оценкам Чаттерджи, метеорит (или астероид) имел около 40 км в поперечнике, а взрыв его был в 100 раз мощнее того, который образовал кратер Чиксулуб. И уж, конечно, не юкатанский, а именно этот, индийский удар, по Чаттерджи, привел к массовой гибели динозавров.

Чаттерджи предполагает, что следует говорить о двух отдельных ударах, случайно почти совпавших во времени (как это ни маловероятно). Но тогда на Земле должны найтись два слоя иридия, два слоя «ударных кварцев» и т.д. Может быть, эти слои просто наложились друг на друга и слились в один, а может быть, никому раньше не приходило в голову искать два слоя, и они еще будут найдены? — кто знает, ответа пока нет. Но как бы то ни было, на протяжении нескольких сот тысяч лет вокруг этой даты имели место два чудовищных удара космических тел и один из самых гигантских в о всей земной истории периодов вулканической активности.

Что можно сказать после этого о динозаврах? Им не повезло.

Борис Жуков

Грязь — защита для детей

В современной семье ребенок — особенно пока он один и совсем маленький — неизбежно оказывается объектом неустанных гигиенических усилий. Немедленно убрать всякую тень грязи, не пропустить к малышу ни одной пылинки, обеспечить стерильность всего, с чем он соприкасается или может соприкоснуться, — таковы представления современных родителей о своем долге.

Между тем профессор Ричард Галло и его коллеги из Калифорнийского университета в Сан-Диего (США) обнаружили, что присутствие на детской коже бактерий — и не каких-нибудь, а представителей одного из самых ненавистных для врачей-инфекционистов всего мира рода стафилококков — способствует более быстрому и безболезненному заживлению мелких царапин и ссадин. Оказывается, выделяемая стафилококками липотейхоевая кислота (ЛТА) действует на основной тип клеток наружного слоя кожи — кератиноциты, стимулируя их к быстрому затягиванию поврежденного участка. Если же кожа очень чистая, и бактерий, выделяющих ЛТА, на ней почти нет, это открывает дорогу чрезмерной иммунной реакции с бурным воспалением и отеком — царапины вспухают и долго не заживают.

Впрочем, сам профессор Галло не претендует на революцию в медицине, считая главной заслугой своей группы то, что им удалось подвести молекулярную базу под так называемую «гигиеническую гипотезу». Эта гипотеза, выдвинутая около 20 лет назад английским эпидемиологом Дэвидом Стрэненом, связывает риск развития аллергий и аутоиммунных заболеваний с недостатком иммунной нагрузки в раннем детстве. В последние годы шокирующая теория Стрэнена находит все больше сторонников.

Сегодня развитые страны переживают настоящую эпидемию аллергий и других заболеваний, связанных с неадекватным иммунным ответом, — аст-

мы, экзем и так далее. Так, в Англии за последние 10 лет число аллергиков выросло втрое, и сегодня какой-либо аллергией страдает каждый третий житель Британских островов. Замечено, что риск развития заболеваний особенно велик для детей и подростков из наиболее благополучных слоев общества. Он снижается, если в семье есть другие дети (особенно старшие) или домашние животные. В то же время динамику распространения аллергий не удается связать с какими-либо «обычными» вредоносными факторами — химическим загрязнением, неправильным питанием, злоупотреблением лекарствами и тому подобное.

Со временем «гигиеническая гипотеза» была подтверждена специальными исследованиями. В 2002 году сотрудники Бристольского университета выявили прямую корреляцию между гигиеническими стандартами семьи и риском астмы и экземы для детей 2 — 4 лет: каждый лишний балл по специально разработанной учеными «шкале чистоты» повышал вероятность заболевания примерно на 4%. Международный проект ALEX, в ходе которого были исследованы 900 с лишним детей из смежных районов Швейцарии, Австрии и Баварии, показал, что риск аллергий сильнее всего снижают потребление термически не обработанного молока и регулярное пребывание в «помещениях для животных» — попросту говоря, в хлеву. Карельские дети сталкиваются с болезнетворными микробами намного чаще своих финских сверстников (судя по наличию соответствующих антител), а аллергиями болеют в несколько раз реже.

Но до сих пор свидетельства такого рода носили в основном статистический характер. Работа калифорнийских ученых — одно из первых прямых экспериментальных подтверждений «гигиенической гипотезы» и первых шагов к нащупыванию механизмов, породивших парадоксальную эпидемию.

Кирилл Кобрин

От энтомологии смысла
к литературе открытых
возможностей

Кирилл Кобрин — фигура столь же редкостная в современном литературном пространстве, сколь, однако, и характерная. Причем характерная, пожалуй, куда более, чем те, кто претендует в этом пространстве на цент-

ральные позиции и смыслообразующие роли. И это притом что — не заявленная прямо, но последовательно занимаемая — позиция Кобринна всегда, с самого начала, еще с тех пор, как он с единомышленниками изда-

вал в Нижнем Новгороде, а затем в Санкт-Петербурге малотиражный литературный альманах «Urbi», была словно бы окраинной, едва ли не маргинальной. Он всегда был в стороне от Больших Дискурсов и занимался странным и штучным смысловым рукоделием.

Он может писать о «флоре и фауне» — бабочках да пеночках — в стихах не очень известного поэта, о старых патефонных пластинках — с той же вьедливой основательностью, что и о душевных особенностях поэта Батюшкова или о прихотливой личной стилистике одинокого мыслителя Чаадаева. Он не считает излишним посвятить исследование даже, например, всего «одному высказыванию» Лидии Гинзбург. Словом, его занимают вещи столь небольшие, что работа эта может показаться энтомологией смысла. Кобрин — историк, но очень странного извода: историк частного, исчезающе-единичного (в крупных исторических личностях, о которых речь, ему, кажется, интересно прежде всего это), изысканный притом изысканной до изнеженности прозой.

«Возьмем подозрную трубу. Вот она — тяжелая, тускло-желтая, кольчатая, похожая на бронзовую статую червя — ложится в ладонь, а вторую руку вытягивает вперед, будто бы приветствия роскошного ландшарфа, обустроенного по законам перспективы. В нашем случае, исторической. Значит — ретроспективы. Крутанем шершавое колесо настройки, наведем резкость».

Так он когда-то — больше десяти лет назал — начал рассказ о Чаадаеве. Сегодня Кобрин пишет не в пример суше и жестче, но характерную кобринскую избирательную всеядность по-прежнему ни с чем не спутаешь.

Вообще-то он действительно историк — по образованию: закончил исторический факультет Горьковского университета, позже выбрал узкую до экзотичности специальность — политическая история Уэльса в XI — XIV веках — и защитил по ней кандидатскую, собрал одну из лучших в мире личных библиотек, небольшую, но очень насыщенную — по валлийской

средневековой истории — и в чем бы то ни было, кроме этой области гуманитарного знания, признавать себя знатоком отказывается.

Уместиться в рамки узкой специальности у Кобрина все-таки не получилось. Хотя внешняя биография у него, как и положено человеку по преимуществу внутреннему, требует для своего описания не более нескольких строчек. Преподавал в Горьковском пединституте, затем там же, в университете, — историю (по иронии судьбы, читал едва ли не все мыслимые курсы, кроме средневековья). С 1994 года сотрудничал с радио «Свобода», в 2000-м уехал в Прагу работать в штаб-квартире радиостанции. Зарабатывает на хлеб журналистикой, входит в редколлегия журнала «Неприкосновенный запас». И пишет свои странные тексты: с 1995 года издал больше десятка книг, причем сколько именно, и сам не помнит. Кажется, одиннадцать или двенадцать.

А сколько текстов рассыпано по журналам: «Октябрь», «Урал», «Волга», «Звезда», «Логос», «Золотой век», «Новое Литературное Обозрение», «Неприкосновенный Запас», «Новый мир», «Арион», «Новая русская книга», «Отечественные записки», в «Независимой газете», на сайтах радио «Свобода» и проекта «Полит.ру»... Словом, как бы сплошные заметки на полях. Все «описания» да «рассуждения». Ну, разве что еще «опыты» да комментарии (есть еще славное жанровое определение «путеводитель» — так Кобрин однажды назвал свой комментарий к стихам Владимира Гандельсмана: «Фрагменты путеводителя по книге...»). Самое большее — лирический дневник, герои которого — не люди, а тексты.

Вообще в определении собственной жанровой принадлежности Кобрин слишком даже сдержан. «Избранные опыты на историко-культурные темы» — гласит осторожный подзаголовок к одной из его книг, «От «Мабиногион» к «Философии искусства», вышедшей как выпуск Urbi в серии «Кабинет доктора Калигари» (так и хочется думать — изобретенной са-

Рене Магритт.
«Терапевт», 1937 год

мим Кобриным к случаю). Между тем, если как следует всмотреться, у него что ни текст — то жанр. Именно Кобрин, хотя и не он придумал рубрику «Книжная полка» в «Новом мире» — ее идеей мы обязаны Сергею Костырко, — но дал (впоследствии издав небольшой книгой — тем самым «Книжным шкафом») одно из классических ее воплощений, если не самое классическое, благодаря которому «Книжную полку» уже есть некоторые основания назвать отдельным жанром. «Письма в Кейптаун о русской поэзии» — настоящие письма, которые автор писал в настоящий Кейптаун давно уехавшему туда другу о том, что за годы, минувшие после отъезда адресата, стряслось в русской поэтической жизни, и которые тоже неспроста издал в виде книги — текст

опять-таки чрезвычайно жанрообразующий. Это — опыт остран(н)ения: взгляд на как бы хорошо знакомые культурные события извне, рассказ о них, адресованный внешнему и неключенному человеку.

Вообще напрашивается мысль, что Кобрин — сам себе жанр.

При всем многообразии кобринских тем у него явно есть, по крайней мере одна, доминирующая тема, или скорее угол взгляда: сходства, прорастающие в несходном, связи между несвязанным, соединение — ну не то чтобы несоединимого, но такого, что притворяется не имеющим между собой ничего явно общего. Кроме, разве что, чистого случая, сведшего три могилы никогда не знавших друг друга людей на одном кладбище в дальнем углу Европы («Три могилы на Гласне-

винском кладбище» в Дублине), книги двух не знавших друг о друге авторов — на одном читательском столе («Толкиен и Борхес», «Донасьен-Альффонс Франсуа де Сад и Николай Гаврилович Чернышевский») или двух максимально разных культурных персонажей — в посетившем автора сновидении («Василий Васильевич*/ Людвиг», под Людвигом имеется в виду Витгенштейн). Ухватившись за фактузелок, Кобрин вытягивает связавшиеся в нем нити, расходящиеся, в пределе, по всему культурному пространству. Через факты, почти заблудившиеся на этом бескрайнем пространстве, он дает читателю почувствовать большие тенденции: ничего притом не обобщая, не принуждая к единству, но обозначая его возможность.

Чего в этом по видимости произвольном занятии точно нет, так это — произвола. Кобрин четко аргументирует и выстраивает ясно обозримые структуры. При всем этом за пределами медиэвистики (по которой у него тоже есть специальные тексты) он пользуется свободой образованного дилетанта: не сковывая себя рамками профессиональных школ и узкоцеховых задач, культивирует позицию будто бы «частного человека», однако заявленную как культурно значимая, позволяющая разглядеть то, что с позиций более специальных и фиксированных — не видно.

Таким образом, Кобрин оказывается между «культурологией» — как типом мышления, стремящимся устанавливать более-менее объективные связи между событиями и явлениями человеческого мира, и художественной прозой как занятием, озабоченным прежде прочего усмотрением в происходящем «эстетической значимости» (это цитата из самого Кобринна, обозначившего поиск такой значимости как основной мотив своих юношеских чтений). Может быть, это особый, «переходный» тип смысловой работы, у которого как будто нет устоявшейся ниши — разве что «эссеистика»?

* Розанов

Во всяком случае, Кобрин пишет совершенно новый вид эссеистики. Когда-нибудь это должно быть осмыслено в литературоведении. Ему даже квалифицированное название подберут; пока же не подобрали, его можно вчерне назвать литературой «короткого замыкания».

Проводимые им неожиданные параллели вскрывают непредвиденный смысловой потенциал простого, казалось бы, соседства культурных фактов во времени-пространстве. Кобрин интересуется «короткие замыкания» между ними: тот миг смыслопорождения, когда между (якобы) произвольно соположенными культурными фактами устанавливается соответствие, смысловая кооперация. Стоящее за фактами Целое отзывается в таких соответствиях едва ли не более чутко, чем в рационально формулируемых закономерностях.

Независимо от того, чем считает собственную литературную работу сам Кобрин (вполне возможно, что изнутри это видится иначе не видится вообще никак), его интеллектуальное предприятие хочется назвать лабораторией по выработке контекста. Работой — очень предварительной — наведения порядка в «посткатастрофном»** пространстве. Такой, которая позволяет фактам самим нащупывать свой контекст, устанавливать связи между собой, а читателю — воспринимать культурное целое помимо идеологических проектов, без теоретического насилия. Целое получает возможность выговориться собственными, прямо на читательских глазах возникающими путями. Кобринская «энтомология смысла» оборачивается литературой открытых возможностей.

Оказавшись волею судеб в Праге, наш корреспондент посчитал недопустимым не использовать возможности встретиться с пражским жителем Кобринным — «русско-богемским писателем», как он себя называет — и постарался выяснить его понимание собственного места в культуре.

** Так назвал наше культурное пространство один из рецензентов кобринских книг, писатель Андрей Левкин.

— Как бы вы, Кирилл, определили собственные культурные координаты?

— Формально я литератор и историк. В зависимости от разных обстоятельств жизни и от настроения я ставлю первым то историка, то литератора. Сейчас я предпочитаю называть себя прежде всего историком. Что, в общем, правда: я почти перестал писать «фикшн», — редко пишу, раз в год по рассказу.

— В «Письмах в Кейптаун о русской поэзии» вы категорически отказывались от звания критика. В чем разница между позицией критика и вашей — по отношению к культурному материалу?

— Прежде всего, это жанровое различие. Да, я работал в жанрах, близких к критическим — в жанре рецензии, например, примерял разные маски, но я писал не критику, а эссе в смысле Монтеня, де Куинси и Борхеса. Критических статей я вообще не пишу и

практически никогда их не читаю. Критик подходит к тексту с готовым инструментом. Это — важная профессия для известного исторического периода. Литературная критика возникла в определенный момент — и в определенный момент, мне кажется, потеряла всякий смысл. Критика есть там, где есть литературный процесс: направленные движения, обсуждение книг, причем общественно значимое. Даже если критик стоит на позициях «чистого искусства» — все равно это общественно значимая позиция. Сейчас этого нет.

Я же, по гамбургскому счету, — человек, который пытается себе что-то уяснить: с помощью книг, музыки, визуальных явлений. Больше ничего. Это очень скромная задача.

— Тем не менее вы умудряетесь писать как профессионал-филолог. Вашу прозу даже называют «филологической»...

— Так обычно говорят о прозе, которая продуцируется как бы не из «жизни», а из «культуры», из «литературы». Боюсь, это глубокое заблуждение. Вся литература продуцируется из литературы — в этом смысле она вся «филологическая». Никакой литературы, которая «прямо из жизни», не существует. Просто одни писатели делают вид, что пишут о «жизни как она есть», другие — будто они делают нечто более утонченное. Но все они занимаются одним и тем же. Конечно, количество культурных аллюзий, прочитываемых или нет, у всех разное.

Я же вообще не профессиональный писатель, не беллетрист, поэтому стараюсь писать только то, что мне бы понравилось как читателю.

В этом смысле для меня важна жанровая матрица. Когда я начинал, совсем юным, мне казалось, что надо писать модернистскую, авангардную прозу. Чем старше становлюсь, тем больше люблю литературу жанровую. В последнее время я сочиняю почти исключительно детективы. Меня очень интересуют технические, культурные возможности детектива...

— Это роднит вас с Борхесом — он тоже интересовался возможностями низких жанров...

Памятник Кафке в Праге

— Во-первых, это не низкий жанр. Во-вторых, да, он обожал детективы и считал — и это было абсолютно правильное этическое суждение, тут очень важно выйти на другой уровень, — что скромный жанр детектива привносит порядок в хаос тогдашней литературы. Речь шла о периоде модернизма. Это действительно так: писать детективы — это как писать сонеты: очень жестко ограничивают каноны жанра. А с другой стороны, детектив имеет отношение к главной этической проблеме, которая меня занимает в последние годы: к проблеме существования зла.

Я просто однажды понял, что с религиозно-этической или философско-религиозно-этической точки зрения могу определить себя как гностика. То есть я действительно верю в объективное существование зла — не как отсутствия добра, а как самостоятельной сущности наряду с добром. Ничто не способно передать это понимание так, как детектив.

Я только год назад узнал о существовании английской писательницы Филлис Дороти Джеймс. Она написала множество детективов, в частности, об инспекторе и поэте Адаме Далглише. Мне случайно попался ее роман «The Black Tower» — «Черная башня». Ничего лучшего в последние несколько лет я не читал — в прозе вообще. И не потому, что это великий детектив: это действительно великая религиозная книга. Никаких религиозных рассуждений там нет — там вообще нет рассуждений, — но зло там не то что показано — оно как бы пропитывает книгу, и это видно. Удивительный опыт.

Жанровые вещи позволяют заново решать не только эстетические вопросы, но и этические. Дело в том, что эстетическое для меня — это и есть этическое, а этическое и есть эстетическое. Когда мы говорим об эстетическом: о проблемах жанра, о стихотворных размерах, о красках в живописи, — мы не просто отвлеченно играем, — это и есть хлеб насущный. В этом смысле я, наверное, очень старомодный человек и ученик Оскара Уайльда и Гилберта Кийта Честертона.

Но при этом понятно, что нет ничего отвратительнее моралистической литературы. Она не просто упрощает этот разговор — она его профанирует, превращает в игру в шахматы с самим собой: там заранее ясно, кто выиграет, и это просто неинтересно. А зло действительно существует, мы им окружены, и чтобы это понять, надо уметь точно определять явления. Это и есть задача жанра.

— *Чувствуете ли вы себя в работе со словами и смыслами продолжателем каких-либо традиций?*

— Конечно. Но я оцениваю себя очень скромно: серьезно говоря, я эпигон нескольких писателей. И есть несколько философов — их эпигоном себя я не считаю, поскольку я не философ, но они определили мой способ мышления, по крайней мере, на сегодня.

Сейчас для меня важна такая линия: Кафка (кстати говоря, что такое Кафка, я понял, только приехав в Прагу. И это наложило решающий отпечаток на те немногие художественные тексты, которые я написал), Филлис Дороти Джеймс, Беккет, Джойс, Флэн О'Брайен; когда-то — Честертон, но не сейчас, хотя я до сих пор его очень люблю; Оскар Уайльд — с помощью его маленького трактата «Душа человека при социализме», теперь уже забытого, я во многом определяю свое политическое кредо. Далее, конечно, Монтень — но он уже на грани писателей и мыслителей. Витгенштейн, безусловно. Невероятное персональное влияние имел на меня Александр Моисеевич Пятигорский — мы очень давно дружим, раз или два в неделю говорим по телефону примерно по часу и относительно часто видимся.*** И, конечно, Борхес, который просто показал мне, как можно писать.

Русских писателей я не называю намеренно. Нет, я очень люблю русскую литературу и бесконечно ее перечитываю. Чехова читаю все время: заканчиваю, потом начинаю снова; Толстого — особенно в последние годы, — раньше я его не любил, а сейчас

*** Разговор состоялся еще до смерти А.М. Пятигорского, случившейся 25 октября 2009 года. — *Прим. ред.*

он стал для меня важным писателем, важнее Достоевского. Прозу Пушкина перечитываю раз в год всю — еще и потому, что живу на чужбине, и нужно все время подзаряжаться — процесс, описанный в «Даре» и в «Других берегах» у Набокова. Лет 15 назад у меня была страсть — я все пытался открыть недооцененных, как мне казалось, русских писателей XIX века: то Вельмана, то князя Одоевского, то еще кого-то. Да, они действительно неплохие писатели, но сейчас весь этот энтузиазм мне кажется смешным. По большому счету, кого-то я все-таки открыл — для себя, по крайней мере, — например, Владимира Печерина: его «Apoloġia pro vita mea», я читаю, — одна из самых лучших и важных русских книг XIX века.

Но, к сожалению, никакого влияния на себя русской литературы я не чувствую. То есть, я с ней живу, я ей живу, но учился я не у нее.

Для меня очень важен Андрей Белый — единственный писатель, которому я пытался когда-то подражать. Еще я назвал бы Леона Богданова, Евгения Харитоновна; из ныне живущих — Андрея Левкина и Лену Элтанг. Ее последний роман, «Каменные клены» (где, кстати, действие происходит в Уэльсе), был одной из очень немногих русских современных книг, которые я читал недавно, не испытывая неудобства и неуверенности и чувства «скидки» на то, что я читаю современную русскую книгу. То есть я читал ее как книгу, а не как «современную русскую книгу», которую «надо» или «не надо» прочитать.

Когда-то огромную роль для меня сыграл Андрей Битов — он тоже показал мне некоторые неявные возможности русской литературы. Очень важен Константин Вагинов. Я и сам похож на вагиновских персонажей, только еще больше одичавший, чем они.

Один из моих важнейших учителей вообще, который никак не соотносится с теми, кого я только что перечислил — Лидия Гинзбург, которой я, кстати, занимаюсь, пишу о ней. Как Витгенштейн приучил меня к лингвистической, терминологической дис-

циплине, так Гинзбург приучила меня к социологическому мышлению. Я уже лет двадцать живу с ее текстами, но по-настоящему понимать их начал только недавно. И это совпало с моим внутренним ренессансом марксизма. Я довольно хорошо знаю тексты Маркса, еще с университета, а недавно вдруг понял, что во многом вернулся к марксовой социологии. И это совпало с работой над Гинзбург.

Я человек 80-х годов, и мое отношение ко многому до сих пор определяют некоторые явления в кино тех лет, прежде всего Питер Гринуэй. Я у него многому учился — кстати, и как писатель. Гринуэй — отличный писатель, я до сих пор ему очень благодарен.

— *У вас есть отчетливо предпочитаемые авторы, присутствие которых в ваших текстах чувствуется постоянно: Витгенштейн, Пятигорский, Борхес, Джойс, Честертон... Что всех их для вас объединяет?*

— Я думаю, то, что они — маргиналы. Они не в мейнстриме и никогда в нем не были, они принципиально избрали себе такую позицию. И продемонстрировали — в частности, Витгенштейн, Борхес, — что это сражение можно выиграть. По-разному, но выиграть.

В этом смысле я их прилежный ученик, даже слишком. Меня не интересуют вещи, — которые занимают культурное пространство, которые обсуждают «все». Это не кокетство и не эстетизм. Я, конечно, могу долго рассуждать о том, что учился у них независимо моему мышлению, но на самом деле это не будет правдой. Я учился у них, по большому счету, только одному: тому, что так — можно и нужно. Конечно, когда я познакомился с их опытом, мне казалось — вот то, что надо! Тогда я не понимал, что за это надо расплачиваться. А сейчас понимаю, что расплачиваюсь, и очень сильно. Но я не жалею, в конце концов. Живу здесь, сию в своем углу, никого не трогаю...

— *То есть вам ближе позиция одиночки?*

— Да, но я вообще всегда так жил. Я никогда не жил в Москве, никогда не тусовался — был период в рок-н-

рольной юности, но это совсем другое. Я нигде не бываю, никого не знаю. В основном я знаю людей через Интернет, по переписке... Есть 7 — 8 человек, с которыми я могу разговаривать часами, но это и все. Это, конечно, расплата, и она будет продолжаться.

— *О вас пишут (цитирую критика Евгению Вежлян), что ваш «текстоцентрический мир уходит корнями в философию постмодернизма». В каких вы на самом деле отношениях с так называемым постмодернизмом, его мировосприятием вообще и философией в частности?*

— Ни один из моих философских учителей — ни Витгенштейн, ни Пятигорский — отношения к постмодернизму не имеют. Монтень — тем более. Конечно, я был увлечен постмодернизмом, как и все мы в 80-е годы, запоем читал статьи о постмодернизме в рижском журнале «Родник», мне казалось, что это крайне интересно. Я и сейчас думаю, что это интересно, — точно так же, как модернизм, романтизм, классицизм...

— *То есть без отчетливых предпочтений?*

— Абсолютно. Правда, надо понимать: когда постмодернизм говорит об игре, о конце больших стилей, — это ведь вовсе не о том, что одна игра кончилась, а другая началась. Это большая человеческая драма. И с этой точки зрения, наверно, я постмодернист. Но только с этой.

— *О вас пишут — опять-таки включая вас в постмодернистский контекст — и то, что вы «демонстрируете читателю различные способы существования литературы». А что, литература действительно закончила свое существование?*

— Во всяком случае, мы живем после конца литературоцентричного мира. И многие смыслы, которые в эпоху литературоцентризма были очевидны, сейчас уже не восстановимы, даже для тех же самых людей. В свое время было невероятно важно, — вспомните хотя бы советскую филологию, — хорошую филологию, одно из главных достижений советского

времени: как важно было людям, что написано в черновике у Пушкина, как неприлично было не знать Кузмина. Вспомните споры начала 90-х: кто как издает Кузмина, надо ли издавать сборник «Арена»... Людям это было не просто важно — из этого состояла их жизнь. Сейчас, наверно, это представляет какой-то интерес для специалистов, но не больше. И не потому, что захваченность литературой в советское время была заблуждением или ослеплением: просто был мир, который состоял только из этого. А сегодняшнее сознание устроено так, что литература для него не оказывается ни главным, ни вообще сколько-нибудь важным делом, — и уж тем более смыслообразующим началом.

Но это же не избавляет никого ни от ответственности, ни от призвания, ни, грубо говоря, от обязанности писать хорошо, которую люди забывают в последнее время все чаще и чаще.

Лет 20 назад я писал всякую ерунду о том, что надо лишить литературу ее внелитературных нагрузок: философии, морали, того-сего, — и предоставить литературу самой себе. Это была неправильная постановка вопроса, чего я тогда не видел и не понимал. Сейчас мне ясно: дело не в том, чтобы освободить литературу от «несвойственных» ей функций. Она от них не освободится, потому что она состоит из таких функций. Все функции, которые есть у литературы, у искусства вообще, не свойственны им как таковые. Мы воспринимаем смыслы не прямо, а косвенно, по касательной, как отблеск луча. Прямым путем эстетический эффект не достигается. В этом было главное заблуждение Набокова, потратившего много сил на борьбу с «гипсовыми кубами философской беллетристики».

Просто что-то попадает в область актуального для общества, а что-то — нет. Сейчас литература — вне области актуального. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но мы живем в это время и ничего не можем с этим поделать.

Но, конечно, строго говоря, то, что сегодня пишется, по крайней мере, на русском языке и считается актуаль-

ным, на 99% меня не то что не радует — оно меня ужасает. Это просто очень плохо. Наверное, дело в том, что нет общественного внимания к литературе. Она не проходит железной социальной проверкой.

— *Существуют ли какие-то приоритетные предметы вашего интереса?*

— А как же. Обожаю дурацкие книжки — типа старых трактатов о том, как преобразовать человечество за три дня, дурацкие объявления, дурацкую музыку; кулинарные рецензии, сборники кулинарных рецептов; некрологи, особенно английские — только в Англии знают, что такое жанр некролога, это очевидно. Это как сонеты: жесткая форма, в которой высказано идеальным тоном все, что можно сказать о покойнике... Обожаю англоязычные музыкальные видеоклипы. Одно время меня очень интересовал жанр порнографии, я даже написал о нем пару текстов. А сейчас у этого жанра начался новый виток — с появлением Интернета и ю-тьюба, когда народное порно начало вытеснять профессиональное. Это жутко интересно, но этим надо заниматься, а у меня уже нет сил и времени.

— *Что вы вытягиваете из всех этих пузырей земли?*

— Ну, не могу сказать, что я люблюсь ими эстетически, — в этом мое отличие от сумасшедших коллекционеров Вагинова: они мне интересны скорее как разнообразные способы мышления. Так Хармс таскал к себе домой «естественных философов». Там есть свой мир со стройной структурой представлений, иерархий, ценностей, смыслов.

Меня очень интересуют вещи, имеющие отношение к интернету. Я был одним из первых, кто пришел в Живой Журнал; одним из первых русских, которые завели себе аккаунт на Твиттере. Меня занимает судьба газет, новостей, что будет через 20 лет с информацией, и так далее. Это любительский интерес, хотя я даже написал об этом статью в «Новое Литературное Обозрение», в номер, посвященный открытому и закрытому обществу, выдвинул там некоторые предположения. Но, конечно,

по сравнению со средневековой валлийской историей это все ерунда.

— *Есть же, однако, генеральный план у вашей персональной интеллектуальной авантюры?*

— В общем, я представляю себе, что, наверно, до самой смерти буду сидеть в своем углу и, говоря высокопарно, делать только то, чего, кроме меня, не сделает никто.

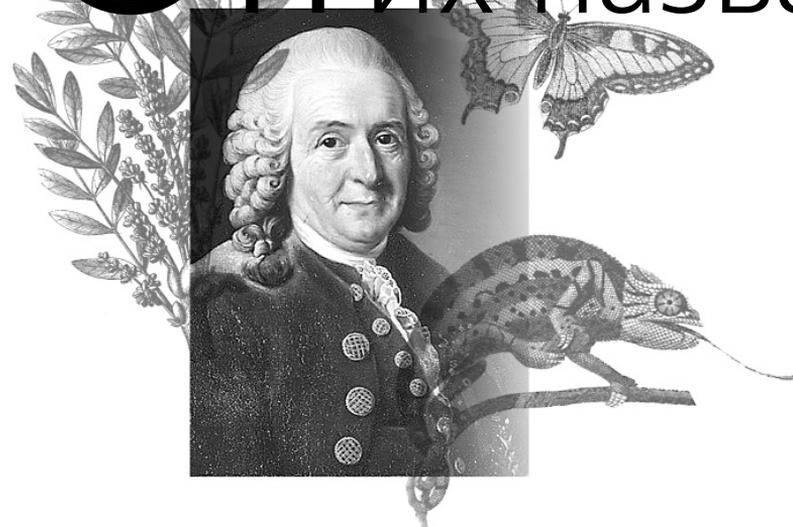
Внутренние планы, конечно, есть. Не столько даже в отношении писаний, сколько в отношении того, что я хотел бы еще прочитать и выучить. Например, несколько лет назад я впервые серьезно столкнулся с буддистской философией. Когда я начал редактировать автоперевод книжки Пятигорского о буддизме — эта книга стоила мне двух лет жизни, это был тяжелый труд, — я мало что знал о буддизме вообще. Чтобы начать эту авантюру, я прочитал несколько книг о буддизме: Конзе, Урдера... Это было уже года два тому назад, с тех пор я, естественно, занимался другим и не прочитал о буддизме ни одной книги, хотя запаса ими. Вот у меня есть проект: я хочу прочитать те несколько книг, которые купил с тех пор, и доучить предмет на более-менее приемлемом уровне. Я имею в виду буддизм индийский и отчасти тибетский.

Я бы хотел заняться замечательным типом людей, которые жили в Британии, в основном в Англии, в XVI — XVII веках: их называли «антиквариями», любителями древностей. Они, собственно, и написали первую британскую историю; один из них написал первую историю Уэльса. В Англии ими кто-то занимался, в России — никто. Это очень интересно. Но их надо всех собрать, прочесть, проанализировать... Если Господь не даст мне уже написать об этом, то хотя бы просто прочитать.

А вообще я думаю, что неплохо бы до смерти написать или дописать еще три книги. Это минимальный план. Если я их не напишу — это, конечно, будет большое поражение, но мое, личное поражение, а не тех людей, которые этих книг не прочтут, — для них это никакого значения не имеет.

Беседовала Ольга Балла.

О Н их назвал...

Согласно Библии, первый человек — Адам, — будучи еще в раю, активно занимался изобретением названий для многочисленной флоры и фауны, созданной Богом чуть позже нашего пра-родителя. Видимо, Адам не записывал результаты своих трудов, во всяком случае, эти записи не сохранились. По мере увеличения числа его потомков такие попытки предпринимались неоднократно, но после вавилонского смещения языков решение задачи отложилось на несколько тысячелетий.

Мы доподлинно знаем, что в 1758 году появилось знаменитое 10-е издание многотомного труда шведского естествоиспытателя Карла Линнея. Что же такого содержалось в этом издании, чем оно отличалось от предыдущих девяти?

Именно в 10-м издании Линней впервые дал двойные (бинарные, или биномиальные) названия всем известным ему видам животных. К тому времени в Швеции и за границей более 20 лет продолжали выходить новые издания многотомной линнеевской «Системы природы». Некоторые из них, особенно шестое (1748), десятое (1758) и двенадцатое (1766), содержали дополнительные материалы. Знаменитые 10-е и 12-е

издания стали энциклопедическими многотомниками, содержащими краткие описания всех известных к тому времени видов животных, растений и минералов. Статья о каждом виде дополнялась информацией о его географическом распространении, среде обитания, поведения и разновидностях.

Карл Линней сделал для развития биологии не меньше, чем Менделеев для химии и Ньютон для физики. Еще мальчиком он прославился как пытливый собиратель бабочек и растений, а в возрасте 24 лет студента Карла пригласили на должность ассистента в старейший университет Европы, что находится в шведском городке Упсала. Свои главные труды Линней опубликовал до того, как ему исполнилось 30 лет. Его «Система природы» только при жизни ученого выдержала 12 изданий и до сих пор считается самой переиздаваемой научной книгой. Всего же он написал около 70 книг. По масштабу личности и широте охвата Линней был настоящим энциклопедистом. Ученый участвовал в создании шведской Академии наук и в 32 года стал ее первым президентом. Заведовал ботаническим садом в Голландии и морским госпиталем. Диссертацию доктора фи-

лософии Линней защитил по теме «Новая гипотеза перемежающихся лихорадок». Поговаривают, что его интерес к медицине был вынужденным: родители невесты хотели иметь зятя-врача, а не нищего ботаника. Так Линней получил диплом врача и открыл в Стокгольме врачебную практику.

Созданная им стройная концепция систематизации растительного и животного мира достойно завершила огромный труд ботаников и зоологов всего мира за предшествующие столетия.

Линней ввел четкую иерархию живого, выделив царства, классы, отряды, роды, виды и вариации. Каждое живое существо получило место в этой системе. Да и само понятие «вида» первым предложил именно Линней. Огромной его заслугой считают и то, что он ввел в том самом 10-м издании ту самую бинарную номенклатуру — то есть назвал каждый вид как бы по имени и фамилии, двумя латинскими словами (латынь в науке занимает место того самого легендарного языка, который был единым для всех людей до того, как они замахнулись на строительство вавилонской башни). Первое имя, или «фамилия», — родовое, объединяющее внешне похожие виды, а второе название — видовое, образное и краткое, как собственно имя. На русский язык такие сочетания переводятся примерно как «крапива жгучая», «живучка ползучая», «береза белая», «медведь бурый» и тому подобное. Названия эти и теперь, как было сказано, даются на латыни, которую, кстати, именно Линней сделал международным языком биологов. Ботаники до сих пор не нарушают даже линнеевское правило писать латинское название курсивом!

Линней как истинный укротитель хаоса классифицировал, наводил порядок, раскладывал по полочкам и коробочкам всю природу: животных и растения, почвы и минералы, человеческие расы и болезни, лекарства и яды, публикации коллег-ученых и, кстати, самих этих коллег — в полном соответствии с их научными заслугами. Несмотря на свою веру в Бога, он все же честно поместил человека в царство животных, в класс млекопитающих, отряд приматов, назвав его в соответствии со своей системой двойным именем *Homo Sapiens*, «человек разумный»...

Линнеевскую систему живого много раз дополняли и совершенствовали,

особенно с появлением эволюционной теории, но до сих пор она служила надежным фундаментом биологических наук. А последние 20 лет биология переживает время реформ — не меньше линнеевских — и общепринятое эволюционное древо энергично проверяет на прочность. Теперь систематики могут опираться не только на внешнее сходство организмов, но и на данные прямого анализа генов, то есть последовательностей нуклеотидов в ДНК.

Нынешняя систематика — это область биологии, которая охватывает исследованием не только разнообразие животного и растительного мира, но и причины этого разнообразия. В целом же систематика — наука о разнообразии организмов. Ее цель и задачи хорошо выразил Гете при помощи афоризма, вложенного им в уста Мефистофеля: «Чтобы разобраться в бесконечном, надо сперва различать, а затем связывать».

Значение систематики для биологии трудно переоценить. Без нее биология превратилась бы в хаотическое нагромождение разнообразных наблюдений и экспериментальных данных. Систематика — основа для научно-исследовательской работы в любой области биологии. Особенно тесно связана с систематикой экология. Эколог получает от систематики сведения о поведении, образе жизни и природной обстановке, в которой обитает данное животное, представление об изменчивости вида в различных частях ареала, о самом ареале и т.д.

Недавно канадские ученые предложили проанализировать определенный фрагмент ДНК всех известных живых организмов, чтобы каждый вид получил свой ДНК-паспорт, напоминающий штрих-код.

Полная «паспортизация» всех живых организмов по ДНК откроет человечеству новые горизонты и пригодится, например, в медицинской диагностике, ветеринарии и криминалистике, а также в работе карантинных служб или для контроля состава лекарственных препаратов, созданных на основе растений или животных. Этот подход, кстати, помог установить существование «генетической Евы» — практически праматери человечества. Сегодняшние биологи свято чтят память Карла Линнея, указавшего ту самую дорогу, по которой успешно продолжает шагать современная наука.

...Темны дела твои... темная материя

Прежде всего напомним, что темная материя — довольно загадочная субстанция, проявляющая себя только в гравитационном взаимодействии. По современным оценкам, на данный вид материи приходится, в пересчете на энергию, около 23 — 25% от полной плотности энергии во Вселенной (70 — 73% приходится на темную энергию и лишь 4 — 5% на «обычное» вещество).

Идея темной материи возникла после того, как ученые обнаружили значительный недостаток массы в галактиках и скоплениях галактик при измерении их гравитационного поля. В первую очередь, это проявлялось при использовании метода гравитационного линзирования, когда искривление луча во многих случаях оказывалось сильнее, чем должна была обеспечить «обычная» масса галактики, включая скрытую массу, в которую входят остывшие белые карлики, нейтронные звезды, холодные газовые облака. Кроме того, измерение скоростей вращения в зависимости от расстояния до центра галактики, показывало, что с удалением от центра они падают медленнее, чем должны падать при оцениваемой массе видимого и скрытого вещества.

Поскольку объяснение этому никак не находилось, возникло предположение, что часть массы существует в форме, проявляющей себя только через гравитацию. В принципе, темная материя сходна с обычным веществом — она способна собираться в сгустки размером с галактику и участвует в гравитационных взаимодействиях так же, как обычное вещество.

Многие астрофизики полагают, что темная материя удерживает звезды в галактиках и, если можно так выразиться, образует «силовой каркас» Вселенной. Как бы там ни было, до настоящего времени экспериментально доказать существование темной материи не удалось.

Элементарными частицами, из которых состоит темная материя, по одной из гипотез, являются вимпы (от англий-

ской аббревиатуры WIMP — Weakly Interacting Massive Particle, то есть слабо-взаимодействующие массивные частицы. Устоявшегося термина в русскоязычной литературе пока нет). Другими кандидатами на роль частиц темной материи являются аксионы — нейтральные псевдоскалярные элементарные частицы, предложенные в 1977 году Роберто Печчеи и Хелен Квинн.

Задача выявления темной материи весьма актуальна. Многие ученые в настоящее время пытаются решить ее. Возможно, прорыв будет сделан благодаря коллективу физиков из Испании и Франции, которые разработали прибор для поиска темной материи по тепловому следу. Устройство получило название сцинтилляционный болометр.

Дело в том, что при взаимодействии вимпов с частицами обычной материи, — а это касается и вещества, из которого состоят детекторы, — должно выделяться электромагнитное излучение различных диапазонов, в том числе и инфракрасного, что равносильно выделению тепла. Новый прибор предназначен для одновременной регистрации теплового и светового излучения.

Пока что исследователи тестируют созданный прибор, выявляя его возможности и оптимизируя параметры работы. После этого прибор будет установлен в подземной лаборатории в Канфранке — муниципалитете в Испании.

Еще одно направление исследований — поиск косвенных доказательств существования темной материи. Им тоже занято немало ученых. Так, группе астрофизиков, в которую входят Дж. Айсерн, С. Каталан, Е. Гарсиа-Берро и С. Торрес, возможно, удалось получить косвенные доказательства существования аксионов.

В рамках исследования была изучена светимость более 6000 белых карликов. Эти объекты образуются из красных гигантов после исчерпания водорода и соответственно остановки процесса превращения его в гелий. Свечение карли-

ков обусловлено постепенным остыванием звездных останков. Введение в расчеты, описывающие излучение этих объектов, аксионов позволяет заметно сблизить теоретические с фактическими данными о светимости. Как полагают исследователи, это может расцениваться в качестве косвенного доказательства существования этих частиц. А значит, и присутствия в белых карликах темной материи.

Сделал свой вклад в косвенное доказательство существования темной материи ветеран космических исследований орбитальный телескоп «Хаббл». С его помощью обнаружены доказательства того, что темная материя может защищать галактики от разрушения под действием тяготения других галактик.

В рамках этого исследования группа ученых из Великобритании, Италии и Бельгии под руководством Кристофера Конселайса получила новые данные о свойствах темной материи при исследовании галактического скопления Персей — скопления тысяч галактик суммарной массой в триллионы масс Солнца, находящегося от нас на расстоянии 250 миллионов световых лет.

Астрономы сумели заглянуть в самый центр скопления, где с удивлением обнаружили около 30 карликовых галактик, оставшихся совершенно нетронутыми, хотя их более массивные соседи были разрушены под действием гравитации больших галактик на периферии.

По заявлению Конселайса, эти галактики находятся в составе скопления уже не первый миллиард лет и неизбежно должны были быть затронуты гравитацией тяжелых соседей. Так как на самом деле они сохранились практически в первозданном виде, можно заключить, что содержание темной материи в них необычайно высоко. Вероятно, ее количество здесь значительно больше, чем в спиральных галактиках, таких, как наш Млечный Путь, и ее гравитация защищает карликов от гигантов-соседей. С помощью «Хаббла» удалось увидеть, что спиральные галактики в центре скопления Персей уже разрушены, тогда как карликовые остались нетронутыми. Именно это, подчеркнул Конселайс, наводит на мысль, что темная материя составляет львиную долю их массы.

Недавно получены данные, говорящие в пользу того, что темная материя, вероятно, является более странной суб-

станцией, чем считалось до сих пор. В частности, привычные законы гравитации могут быть не совсем верны для нее!

В рамках нового исследования американские астрофизики Джанфранко Гентайл, Бено Фамей, Хонг Шенг Жао и Паоло Салуцци проанализировали распределение темной материи в центрах 28 галактик, относящихся к различным типам. Анализ проводился на основании данных о движении звезд в этих галактиках. Как удалось установить, соотношение обычной материи и темной является величиной постоянной.

Этот результат противоречит существующим представлениям. Дело в том, что количество темной материи должно определяться историей галактики — например, участвовала она в столкновениях со своими соседями или спокойно развивалась в изоляции. Гравитационное взаимодействие во время столкновения должно приводить к перераспределению материи и, следовательно, к изменению соотношения разных ее видов в участниках столкновений. Сами исследователи заявили, что в физике нет законов, которые могли бы объяснить постоянство соотношения.

Упомянутое исследование является продолжением аналогичной работы, результаты которой были опубликованы немного раньше. В предыдущем исследовании астрофизики выяснили, что плотность темной материи в галактическом центре является величиной почти постоянной. При этом, по привычным законам гравитации, ее плотность должна увеличиваться при приближении к геометрическому центру скопления.

Для объяснения необычных результатов ученые предлагают выйти за пределы представлений о темных частицах как просто о массивных элементарных частицах. Например, ввести еще одно фундаментальное взаимодействие (к уже имеющимся четырем — слабому, сильному, электромагнитному и гравитационному). В ход идут революционные идеи. Выдвинуто предложение рассматривать темную материю как состоящую из «темных» атомов, в состав которых входят «темные» протоны и электроны, между которыми действует «темный» аналог электромагнетизма. Кто знает, может быть, это очередной случай, когда сумасшедшая идея окажется верной.

Руслан Григорьев

ВОБР — ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО?

Ордовикской в геохронологии называют геологическую эпоху, которая сменяла эпоху Кембрийскую и продолжалась (примерно) с 489 до 443 миллионов лет назад. Почти посередине этой эпохи, 465 миллионов лет назад, произошло событие, которой получило название ВОБР (Великое Ордовикское Биологическое Разнообразие). Состояло оно в том, что в течение считанных миллионов лет число видов, населявших тогдашние океаны, увеличилось втрое (!) и появились совершенно новые виды, которые сильно потеснили возникших в Кембрии трилобитов, а затем некоторые из этих новых существ (антроподы и специфические виды мхов) впервые вышли на сушу.

Феномен этот тем более примечателен, что больше никогда в истории эволюции такое быстрое и огромное увеличение биологического разнообразия не повторялось. Детали этой эволюционной вспышки (некоторые даже называют ее «биологической революцией») еще не до конца понятны, и в 1997 году ЮНЕСКО включило ее изучение в список своих международных проектов по геонаукам. Первые итоги этого проекта, закончившегося в 2002 году, были подведены в вышедшем в 2003 году сборнике статей под редакцией Вебби. Сразу же вслед за этим ЮНЕСКО организовала следующий проект, целью которого является, в частности, выяснение причин Ордовикской вспышки биологического разнообразия.

Действительно, загадка — почему нормальное течение эволюции вдруг прерывается и наступает период резких изменений, иногда к худшему, иногда к лучшему, но всегда очень неожиданных и как бы не имеющих биологических причин. Явно произошло что-то внешнее, инициировавшее эту цепь изменений, — но что? В связи с новым проектом ЮНЕСКО ответы на этот вопрос посыпались как из мешка, но большинство из них

только удлиняло цепь изменений, приведших к ВОБР, не указывая на самое первое звено. Так, в июне 2008 года появилась работа Веколи и других. Анализируя данные книги Вебби, он приходит к выводу, что первым биологическим событием в цепи, ведущей к ВОБР, было необыкновенное увеличение планктона, составлявшего основную пищу всех тогдашних морских видов. А Джулия Троттер с коллегами в своей статье, появившейся месяцем спустя, считают, что первым было постепенное похолодание (как они отмечают, в конце Кембрийской эпохи температура на земле поднялась до 70 градусов Цельсия, а за время раннего Ордовика она упала до нынешних экваториальных).

Ну, а что вызвало это похолодание? Или это внезапное увеличение планктона?

Тут мы оказываемся на знакомой почве, потому что в поиске этого «первого звена» в цепи, приведшей к ВОБР, ученые в очередной раз возвращаются к уже многократно обсуждавшимся двум вариантам — «земному» и «космическому». По мнению ряда специалистов, «самым первым» звеном были крупные геологические процессы, сопровождавшие ранний и средний Ордовик. В те далекие времена, говорят эти ученые, происходили весьма существенные подвижки континентальных плит, которые приводили к закрытию одних тогдашних морей и открытию других. Плиты, несущие на себе эти моря, входили одна под другую (это явление называется субдукцией и происходит также сейчас, хотя гораздо медленней). В местах субдукции гигантских плит возникали очаги столь же гигантских землетрясений и вулканических извержений (опять же явление, знакомое по нынешним временам, но тогда неизмеримо более сильное).

Все это вместе привело к выбросу в океаны огромного количества новообразованных химических веществ, необ-

ходимых планктону для размножения. Бурное появление пищи в огромных количествах должно было вызвать столь же бурное размножение планктона, а дальше — смотри выше. Эта вулканическая (или лучше сказать — тектоническая) гипотеза хороша (в данном случае) еще и тем, что может объяснить обнаруженное группой Троттер Ордовикское похолодание. Оно могло быть вызвано длительным выбросом в атмосферу огромного количества вулканической пыли, которая надолго затмила Солнце.

«Вулканическое» объяснение ВОБР не является чем-то новым — как и в случае динозавров, оно было предложено уже давно, и отмеченные выше статьи только развивают ее, подкрепляя деталями, полученными в ходе «Проекта ВОБР». Столь же давно существует и альтернативное, «космическое» объяснение этого феномена, впервые предложенное около 10 лет назад шведским геологом Биргером Шмицем. Недавно и оно получило дальнейшее развитие и подкрепление в новых работах того же Шмица. Когда-то, еще в 2001 году, он удивил научный мир, сообщив о том, что обнаружил большое число оплавленных, размером с кулак, остатков метеоритной породы в скалах времен среднего Ордовика. Количество этих остатков было так велико, что объяснить его можно было, только предположив, что в те времена метеориты обрушивались на Землю во 100 крат (!) чаще, чем обычно, причем эта бомбардировка длилась несколько миллионов лет!

Заинтересованные открытием Шмица астрономы запрыгнули в работу свои компьютеры, вооружив их законами небесной динамики и данными о метеоритах, и в скором времени вычислили (вспять), что в поясе астероидов между Марсом и Юпитером есть группа обломков, которые движутся по близким орбитам, позволяющим думать, что все они являются обломками одного большого астероида, расколотого в результате столкновения, произошедшего именно в указанное Шмицем время, — 460 — 465 миллионов лет тому назад. Те же расчеты показали, что основная часть обломков, родившихся в этом соударении, имела такие орбиты, которые должны были привести к их столкновениям с Землей в последующие миллионы лет.

Теперь же Шмиц опубликовал новую статью, подводящую итоги его много-

летних исследований Ордовикских скал в Швеции и Китае. На сей раз он анализировал эти древние скалы на предмет наличия в них изотопа осмия-187 (которого в веществе астероидов и метеоритов всегда больше, чем осмия-188). Кроме того, он растворял взятые им в разных слоях скальные пробы с целью поиска в них микроскопических зерен так называемого хромита (метеоритного вещества, которое может сохраняться в течение сотен миллионов лет).

Оба поиска оказались успешными. Последовательные (во времени) слои Ордовикских скал показали постепенное нарастание осмия-187, причем первый подъем его концентрации в скалах почти совпал с началом Великой Ордовикской биодиверсификации, опережая ее на каких-нибудь несколько десятков тысяч лет. Эта точка соответствовала времени, когда на Землю должна была выпасть первая метеоритная пыль, порожденная в описанном выше соударении. А рост содержания хромитов — как в шведских, так и в китайских скалах — начался на миллион лет позже, когда Земли достигла первая волна метеоритных обломков, и это время оказалось опять-таки очень близким тому, когда Ордовикская биодиверсификация обрела поистине широкие масштабы. Аналогичное совпадение по времени Шмиц обнаружил для третьей стадии метеоритной бомбардировки, когда число метеоритных ударов повысилось в 5 — 10 раз, этот период почти точно совпал со временем максимальной биодиверсификации в Ордовике.

По словам Шмица, эти поразительные совпадения могут указывать на причинную связь между метеоритной бомбардировкой Земли и ходом биологической эволюции на ней. И действительно, найденные им совпадения впечатляют. Одно непонятно — каким может быть механизм такой причинной связи? Каким именно образом падение метеоритов может вызвать биодиверсификацию? «Космическая гипотеза» Шмица этого пока объяснить не может. А с другой стороны, противостоящая ей «вулканическая гипотеза», указывая на возможный механизм связи роста биодиверсификации с тектоническими и вулканическими явлениями, не может подкрепить свои утверждения ни одним конкретным совпадением этих явлений во времени. Вот если бы «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича...»

Владимир Согрин

Понять Россию.

Понять Америку

Не секрет, что сразу после Второй мировой войны особое место среди навязчивых идей отечественного общественного сознания заняла «Американская империалистическая угроза». Сталинское руководство сделало из США главную внешнеполитическую страшилку, помогавшую спланировать массы вокруг своего внутри- и внешнеполитического курса. Эта ситуация сохранялась до горбачевской перестройки, в ходе которой советский лидер-реформатор изменил отношение к США на 180 градусов. В ельцинский период Соединенные Штаты стали восприниматься чуть ли не в качестве внешнеполитического союзника постсоветской России. Но в 2000-е годы отношение российского руководства к США вернулось на

«круги своя» — они вновь предстали в качестве главного внешнеполитического врага России, а контролируемые властью СМИ разогрели антиамериканизм до уровня, которого он достигал в годы холодной войны.

Но существует ли «американская угроза», если взглянуть на проблему с научной точки зрения? Что это — миф, реальность или нечто третье? Ответить на этот вопрос без всестороннего рассмотрения перипетий российско-американских отношений в исторической ретроспективе невозможно. И именно эта задача решается в новом исследовании известного российского американиста, доктора исторических наук Виктора Малькова.¹ Сразу скажу — его исследование принципиально отличается от работ подавляющего большинства других

* Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность», профессор МГИМО.

¹ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. — М.: Наука.

отечественных американистов. В чем оно состоит? Большинство американистов сосредоточивались на внешнеполитических мотивах и действиях американской стороны, при этом, как правило, аргюи отказывая ей в «презумпции невиновности». В. Мальков предлагает сравнительный анализ внешнеполитической мотивации как Америки, так и России, при этом пытается выявить в устремлениях двух сторон как сходство, так и отличия. Стремится излагать и оценивать их беспристрастно.

Предшественников у В. Малькова в подобном рассмотрении двух великих стран и их места в мировой политике немного не только в собственном отечестве, но и за рубежом. Одного из зарубежных предшественников хочется процитировать. Это не кто иной, как А. де Токвиль, автор знаменитого труда «О демократии в Америке», увидевшего свет в 1830-е годы. Вот основное суждение из его книги: «В настоящее время на земле существуют два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы. Для одного главное действие есть свобода, для другого рабство. Их исходные точки различны, пути их тоже различны, и, однако, каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волей провидения держать в своих руках судьбу половины мира».²

Суждение Токвиля поражает своей прозорливостью. Ведь оно сделано за 120 лет до того, когда каждая из двух стран действительно подчинила своему влиянию половину мира. И если относительно России такой прогноз хоть как-то объясним — Николаевская Россия 1830-х годов была обременена славой победительницы наполеоновской империи, реально была «жандармом Европы», то Америка в число великих держав не входила, а достичь этого статуса смогла только к началу XX века. Тем удивительнее, что Токвиль сумел узреть имперские устремления в цивилизационных осо-

бенностях каждой страны. Не менее важно то, что он указал на коренное цивилизационное различие между двумя странами — американскую свободу и российское крепостничество.

Последнее обстоятельство особенно важно, ибо подобный взгляд на Россию и Америку и тогда, и впоследствии широко распространился как в Старом, так и в Новом Свете, и на его основе в очень многих странах укоренилась русофобия. В современной России стало модно говорить о «врожденной русофобии» ведущих западных стран, в первую очередь Великобритании, Франции и США, но выразители такой точки зрения, в отличие от Токвиля, не видят в западной неприязни к России никаких объективных оснований, а считают ее некоей злобной патологией по отношению к «Святой Руси».

В. Мальков труда Токвиля не цитирует, как и не рассматривает взглядов современных российских кvasных (подобная оценка исключительно моя собственная. — В.С.) патриотов, но материал его книги дает богатую пищу для корректного осмысления того, была ли Россия сама ответственна за распространение русофобии, как и того, какой империализм — американский демократический или российский авторитарный — был более опасен или более приемлем для мировой цивилизации.

В. Мальков рассматривает внешнеполитическую мотивацию и действия России и США в XX веке синхронно, но я в целях лучшего понимания и оценки приводимых им материалов и выводов охарактеризую их по отдельности — сначала относительно России, а затем — США. Так вот, обратившись к анализу внешнеполитической мотивации и действий России конца XIX — начала XX веков В. Мальков убедительно доказывает, что в российской политической элите прочно укоренился имперский messiаниззм. При этом были совершенно позабыты недавние трагические уроки амбициозной messiанской внешней политики России (тяжелейшее поражение в Крымской войне 1853 —

² Токвиль А. де. О демократии в Америке. — М., 1897. С. — 340.

1856 годов, приведшее к позорной ликвидации Черноморского флота, Берлинский конгресс 1878 года, показавший, что Россия в качестве великой европейской державы решительно потеснена Германией и Великобританией, и т.д.), и страна была втянута в безрассудно авантюрные конфликты с ведущими мировыми державами на Дальнем Востоке, закончившимися тяжелейшим поражением от Японии в 1905 году. Но это ничуть

Русский флот был разгромлен при Цусиме

*А. фон Вернер.
«Берлинский конгресс», 1878 г.,*

не охладило российской мессианской ментальности.

Органической и важнейшей ее составляющей, как прекрасно показано в книге, неизменно оставалось антизападничество. Не только российская политическая элита, но и большая часть просвещенной интеллигенции зациклились на «оборотных» сторонах западной капиталистической цивилизации, понося ее за лицемерие, поклонение золотому тельцу, бездуховность. При этом высококонрастная православная Россия множила в собственных пределах антиеврейские погромы (евреи бежали из России миллионами в «бездуховную» Америку), продолжала отказывать в элементарных гражданских и политических правах, давно одобренных в западных странах, крестьянству и пролетариату, пестовала в верхнем классе коррупцию и распутищину. Запад, в первую очередь как раз Америка, всем этим возмущался и на крепнейшее российское антизападничество отвечал русофобией.

Российская элита не отказалась от имперского мессианизма и в пе-

Парад войск стран антигитлеровской коалиции в Берлине, 7 сентября 1945 года

риод Первой мировой войны, когда она оказалась в одном лагере с Соединенными Штатами и другими странами Антанты. Это породило новые ее коллизии с американской элитой, которая устами своего либерального президента Вудро Вильсона провозгласила неприемлемый ни для одной части российского верхнего класса принцип «мира без аннексий и контрибуций». А российская политическая элита, включая кадетскую оппозицию, как раз стремилась расширить империю за счет территорий противника. Эта коллизия сохранила значение и в период Гражданской войны в России, когда белые генералы от А. Колчака до А. Деникина твердо исповедовали принцип нерушимости и упрочения империи, в то время как В. Вильсон поддерживал право нерусских народов на самоопределение. Ни либерально-консервативное Временное правительство, ни белые генералы, твердо приверженные имперским стереотипам, не заслужили поддержки В. Вильсона в то время, когда она была им крайне необходима в борьбе с большевиками.

Для многих читателей, убежденных в том, что Америка в ту эпоху занимала антибольшевистскую позицию, подобные выводы окажутся неожиданностью, как будут неожиданными и те материалы книги, в которых раскры-

вается неоднозначное, противоречивое отношение США к большевикам. Дело в том, что российские большевики во главе с Лениным оказались единственной российской политической силой, которая заняла антиимперскую позицию, да к тому же провозгласила право народов российской империи на самоопределение. По этой причине большевики после захвата ими власти в России и В. Вильсон на какое-то время оказались «политическими попутчиками» и оставались таковыми вплоть до весны-лета 1918 года, когда американское руководство осознало, что большевики, нацелившиеся на превращение антиимпериалистической борьбы в мировую коммунистическую революцию, были еще большим злом, чем белые генералы. Но и белые генералы с их антизападничеством и антиамериканизмом доверия В. Вильсона не заслужили, что было одной из реальных (хотя и не главных) причин поражения белого движения.

С большим интересом читаются главы монографии, посвященные внешнеполитической составляющей российской истории советского периода. Как и в досоветский период, ей были присущи антизападничество и

антиамериканизм, но под них оказалось подведено новое основание. Это — коммунистическая доктрина, включавшая идею мировой коммунистической революции под руководством первого социалистического государства, целью которой была смена «прогнившего» старого порядка — первоначально в странах Запада. Ну а присутствие антиамериканизма объяснялось тем, что опорой «прогнившего» строя были в первую очередь США. Важно, однако, и то, что возвращение советской России к идее «сверхдержавности» имело под собой и социокультурное основание — сохранившуюся, как выяснилось, связь с имперской ментальностью и геополитикой дооктябрьской России. Наиболее рельефно это проявилось на рубеже 30 — 40-х годов XX века, когда в сталинской политике в отношении бывших российских окраин, а в послеоктябрьский период — независимых государств, возобладал ярко выраженный имперский синдром — «это мое».

Самый заметный и длительный исторический эпизод — тесное союзническое сотрудничество с США в годы Второй мировой войны. Казалось бы, сталинский режим был гораздо более жестким «антиамериканцем», чем царский режим, Временное правительство и белогвардейские генералы, но его дружба с Соединенными Штатами против все той же Германии выглядела бо-

лее прочной. Наличие этой «оборотной стороны» у советской внешней политики сохранилось и после войны, и ее реальное значение признавалось и американской дипломатией, заявившей однажды устами своего признанного оракула Дж. Кеннана: «Советская держава, в отличие от гитлеровской Германии, не является ни схематичной, ни авантюрной. Она не действует на базе раз и навсегда установленных планов. Она не рискует без необходимости». Как показано В. Мальковым, наличие у советской внешней политики этой рациональной стороны (*realpolitik*)³ явилось важнейшей причиной того, что холодная война между СССР и США, возникшая во второй половине 40-х годов и продолжавшаяся почти полвека, не переросла в войну горячую, а СССР и США установили «правила игры», предотвращавшие ядерную катастрофу.

Такова была российская составляющая взаимоотношений двух великих стран. А каковой была американская составляющая? В. Мальков пишет, что она была тоже противоречива и также включала два главных компонента — с одной стороны, имперский мессианизм (речь идет об имперских тенденциях во внешней политике США, уси-

³ Этот немецкий термин, общепринятый в теории и историографии международных отношений, обозначает такую внешнюю политику той или иной нации, которая соразмеряет ее национальные интересы с ее реальными возможностями.

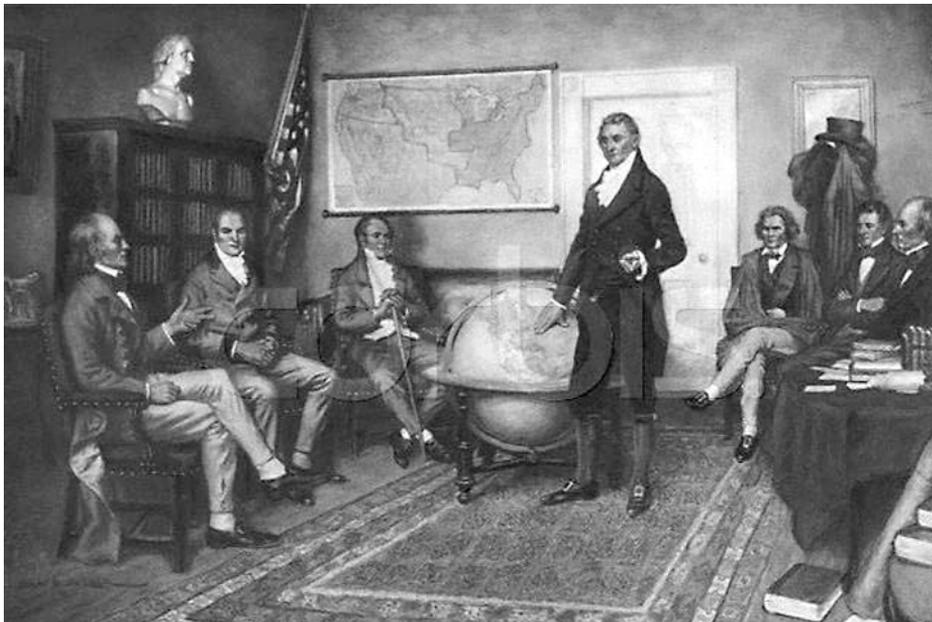
*Первая перезагрузка,
Поездка Н.С. Хрущева
в Америку, 1959 год*

лившихся после распада биполярного мира), а с другой — *realpolitik* — желание соразмерять имперские амбиции с реальными возможностями американского государства.

Каким же был в исторической ретроспективе американский имперский мессианизм? Его архетип обозначился еще в убеждении переселенческих протестантских общин XVII века о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского Града на

и были в практическом плане озабочены самосохранением.

Ситуация меняется в следующем столетии. В 1823 году в послании президента США Дж. Монро конгрессу американский континент определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединенные Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. Заключенный в доктрине Монро принцип «Америка для американцев» на

Официальные лица составляют доктрину Монро, 1823 год

холме, как и представления о наследовании этой избранности от древних израильтян. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. Эта концепция была воспринята отцами-основателями, включая Дж. Вашингтона. Но все же в тот период мессианская идея существовала подспудно, поскольку США оставались слабым государством, не могли соперничать с европейскими державами в реализации экспансионистских и имперских амбиций

практике развязывал руки Соединенным Штатам, самому могущественному государству американского континента той эпохи, для его обустройства по собственному сценарию и для проведения в разных его частях собственных интересов. В 1845 году в ходе войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма — предопределения судьбы (Manifest Destiny). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О'Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними традиционно право-

вые дискуссии об экспансионистских устремлениях США на американском континенте: «Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление».⁴

В следующем столетии и вплоть до наших дней убежденность в национальной исключительности и имперский мессианизм неизменно выступали в США в качестве важнейшего фактора мировидения элиты и массовой ментальности. Сравнительные опросы общественного мнения обнаруживали, что патриотизм американцев, их вера в непреходящие достоинства национальных институтов были существенно выше, чем в других западных, да и многих не западных государствах. Также многие американцы, а в ряде случаев большинство опрошенных, относили «распространение демократии по всему миру» к важнейшим целям внешней политики США.

Имперско-демократический мессианизм, с одной стороны, как бы органически и по наследству переходил от одного поколения к другому, но, с другой стороны, он сознательно наращивался и пестовался элитой, хранившей, как зеницу ока, мессианский архетип американских отцов-основателей. Это убедительно показано В. Мальковым. Особенно разносторонне им охарактеризованы мессианские концепции В. Вильсона и Ф.-Д. Рузвельта. В. Вильсон свою внутриполитическую концепцию «новой свободы» дополнил внешнеполитической концепцией распространения американских демократических принципов по всему миру. А Ф.-Д. Рузвельт надеялся распространить в мире свободу, провозглашенные уже в его внутриполитическом «новом курсе».

В. Мальков согласен с отечественными американистами в том, что эти мессианские намерения носили импер-

ский характер, поскольку США и их либеральные президенты не обнаруживали желания соразмерять свои устремления с традициями и собственным выбором тех народов, которых они желали облагодетельствовать. Но уже в отличие от многих предшественников он доказывает, что планы либеральных президентов о демократическом преобразовании мирового сообщества носили искренний характер, а не были пропагандистской демагогией. Другое дело, что многие из стран, которым предлагалась американская демократическая модель, не были готовы или вообще не хотели выходить за рамки своего цивилизационного поля, что превращало внешнеполитические планы лидеров США в утопию, опасную и реально империалистическую в тех случаях (вспомним интервенцию США во Вьетнам в 1960-е годы и в Ирак в наши дни), когда руководители Соединенных Штатов пытались принести «демократическую модель» в ту или иную страну на штыках своей армии.

Но в случае с В. Вильсоном и Ф.-Д. Рузвельтом на первый план все же выступал демократический, а не имперский характер американского мессианизма, поскольку оба президента уповали на добровольное восприятие миром их доктрин и планов. Особенности внешнеполитического курса двух президентов породили ожесточенные дискуссии в американском обществе. В связи с этим В. Мальков раскрывает одно из принципиальных отличий формирования внешнеполитического курса в США в сравнении с СССР и Россией. В нашей стране внешнеполитический курс всегда определялся узким руководством, а то и вообще одним человеком, а в США он выплавлялся в горниле общественных дискуссий. Это оборачивалось подчас тем, что внешнеполитическая стратегия лидера нации терпела фиаско (так произошло с планом В. Вильсона по созданию под руководством США Лиги наций, который был отвергнут большинством американского политического класса) или претерпевал серьезные изменения (так было с некоторыми внешнеполитичес-

⁴ Цит. по: Кейган Р. Конеч иллюзиям: история возвращается. — Pro et Contra, 2007. — С. № 6.

кими замыслами Ф.-Д. Рузвельта). А если президент США игнорировал мнение большинства нации, то оно могло наказать его самого или ведомую им партию отстранением от власти в ходе очередных президентских выборов.

Демократический характер формирования внешнеполитического курса США при том, что ему органически был присущ мессианский и имперский характер, объясняет его достаточно большую гибкость, присутствие в нем такого важного компонента как *realpolitik*. В. Мальков признает и показывает, что на всех этапах XX века скептическое, а подчас негативное отношение к общественному строю России и СССР влияло на стратегический выбор отношения к нашей стране американского руководства. Но оно же корректировало свой внешнеполитический курс в соответствии с политической целесообразностью. Это было характерно для всех американских президентов, а в наибольшей степени — для Ф.-Д. Рузвельта.

Рузвельт резко критически относился к сталинскому режиму и по сути осуждал его столь же принципиально, как и германский фашистский режим. Но в его внешнеполитических расчетах присутствовала дилемма выбора между «большим» и «меньшим злом» и в качестве «большого зла» выступала гитлеровская Германия. Это отличало Рузвельта от той весьма влиятельной части американской элиты, которая относилась к гитлеровскому режиму одобрительно и была не прочь направить его агрессивную пассионарность против СССР. Рузвельт мыслил иначе, рассматривал фашистскую агрессивность как настолько опасную, что допускал реальную возможность временного союза с безусловно античеловечным, в его глазах, сталинским режимом против более серьезных врагов его страны. Он твердо сопротивлялся тем американским бизнесменам, государственным деятелям и дипломатам, которые в 1930-е годы, особенно в связи со сталинскими «большими чистками», требовали от Рузвельта пойти на разрыв отноше-

ний с СССР. И во время советско-финской войны Рузвельт, назвавший Советский Союз «страной диктатуры такой же, как и все остальные диктатуры в мире», категорически вместе с тем отверг идею разрыва отношений с СССР и отказался предоставить помощь «храброму маленькому народу Финляндии». В январе 1941 года Советский Союз был исключен им из перечня государств, чьи действия угрожали безопасности народов, в том числе США. Зато в нем остались как Германия, так и Япония.

А менее чем через год СССР вообще оказался союзником США. Этот союз был отнюдь не равнозначен союзу США с демократической Великобританией, но реалистическое мышление Рузвельта неизменно приводило его к тому выводу, что не только во время войны, но и после нее СССР необходимо будет рассматривать в качестве достойного партнера его собственной страны, даже несмотря на то, что по замыслу либерального президента переустройство мира должно было быть осуществлено в соответствии с американской демократической матрицей.

Начала *realpolitik* сохранялись во внешней политике США и после Второй мировой войны. Это обуславливало ее дуализм (*realpolitik* соседствовал с имперским мессианизмом), но это же явилось важной причиной того, что даже в самые опасные кризисные моменты в советско-американских отношениях американские лидеры избегали опасности переступить грань, отделявшую холодную войну от горячей ядерной.

В. Мальков доводит историю отношений России и США до эпохи холодной войны. Полагаю, что любопытный читатель задумается об их уроках и применительно к периоду отношений двух стран, последовавшему за окончанием холодной войны. Попытаемся поразмыслить об этом и мы.

После окончания холодной войны Россия утратила статус сверхдержавы, а ее общественный строй сменился на капиталистический. Казалось бы, самые серьезные препятствия для ради-

кального изменения характера отношений России и США исчезли. И действительно, в течение нескольких лет они последовательно улучшались. Первый президент России Б. Ельцин неоднократно заявлял, что Россия и США исповедуют одни и те же ценности, а американский президент У. Клинтон провозгласил курс на стратегическое партнерство с российскими реформами. Но уже со второй половины 1990-х годов традиционная матрица отношений России и США, подробно охарактеризованная В. Мальковым, стала восстанавливаться. Причина заключалась в сохранении геополитических и социокультурных различий между двумя странами, которые наиболее полно дали о себе знать в 2000-е годы.

В США концепция мессианской демократии не только не ослабла, но достигла при президенте Дж. Буше-младшем пика влияния. Этот президент обосновывал цель «глобальной демократической революции», провозгласил основополагающей задачей внешней политики США «продвижение демократии во всем мире и смену режимов». Для России такая стратегия внешней политики США оказалась совершенно неприемлемой. Она со своей стороны, казалось бы, готова была отказаться от традиционного для ее внешней политики имперства. Лидер страны В. Путин, рассуждая о сути российской внешней политики на встрече с участниками Валдайского форума в сентябре 2007 года, даже заявил: «Не надо корчить из себя великую державу и лезть на рожон. Никаких мессианских идей — мы уже нарвались в начале XX века».⁵ Но реальность часто свидетельствовала об обратном. Опросы социологов показывали, что великодержавная ментальность в общественном сознании россиян стала возрождаться, число идеологов «великой России» быстро увеличивалось, крепились ряды политиков, настроенных на жесткое противостояние с США и восстановление прежних российских сфер влияния.

Два президента — Барак Обама и Дмитрий Медведев

В обеих странах появились признаки реанимации духа холодной войны, при этом Соединенные Штаты возлагали ответственность за это на Россию, а Россия — на США.

Безрадостная картина. Но самые последние события показали, что ситуация все же не столь удручающая. Обнаружилось, что в обеих странах есть также политики, готовые соразмерять великодержавные амбиции с реальными возможностями своих стран и опираться во взаимоотношениях России и США на *realpolitik*. Такую готовность со всей очевидностью проявил новый президент США Б. Обама. Ему адекватно ответило российское руководство, и начался позитивная «перезагрузка» российско-американских отношений.

Насколько хватит ее? На мой взгляд, иллюзий относительно устойчивого позитивного развития российско-американских отношений питать не стоит. Скорее всего, они будут развиваться в соответствии с той матрицей, которая мастерски раскрыта В. Мальковым. Геополитические и социокультурные различия между двумя нациями не исчезнут, но им будет противостоять *realpolitik*. Во взаимоотношениях двух наций верх будет брать то один, то другой фактор. Радикальное же позитивное улучшение их отношений возможно только в случае фундаментального изменения мировидения народов и элит России и США. На это можно надеяться, но прогнозировать подобное изменение в обозримом будущем вряд ли возможно.

⁵ Новая газета. — 17 сентября 2007.

Иконка & Аватарка

Тотальное опошление языка общения видится приверженцам традиции прежде всего в том, что и священные слова вырываются из своих гнезд в угоду практическим нуждам, причем настолько по-сторонним, что это не может не покорить человека со вкусом.

Лучшей иллюстрацией могут служить ИКОНКА и АВАТАРКА, хорошо известные пользователю компьютера и всегдагдают Интернету.

Проще начать с ИКОНКИ. Слово ИКОНКА очевидным образом обозначало до недавнего времени ИКОНУ небольшого или миниатюрного размера. ИКОНА — почитаемая вещь в христианской цивилизации и особенно в православии.

Место иконы — в храме, в красном углу дома, в божнице.

А с ИКОНКОЙ (образком) человек связан интимнее: ее брали в путешествие, иконка может носиться на теле. Такие иконки матери, сестры, невесты и жены вешали на шею уходящим на войну мужчинам.

Греческое *ikon* (образ), послужившее базой для термина ИКОНА, с некоторых пор используется в повседневной речи и иначе. Современная ИКОНКА — виртуальный значок, эмблемка на экране компьютера, помогающая глазу ориентироваться в море файлов, программ, инструментов позиций в таблицах. Такие картинки бывают яркими и блеклыми, удачными и неудачными и тоже могут включать графику и надписи. Чтобы разработать удачную компьютерную эмблемку и вписать ее в фиксированное количество пикселей, необходим талант и мастерство. Однако ничего сакрального в крошечных картинках из разноцветных точек нет: они ничем не отличаются от знаков дорожного движения.

Волей-неволей десакрализация понятия бьет по нервам. Доходит до того, что люди искренно считают опошление языка целенаправленным процессом, замысленным в какой-то иностранной лаборатории: видимо, в той, где был введен Интернет.

АВАТАРКА известна в меньшей степени, но необыкновенно характерна.

Экзотический термин АВАТАРА, которым у нас манипулировали только специалисты по индуизму и буддизму, в наши дни обрел новую жизнь. В интернет-сообществе так принято называть картинку (изящную, монструозную или смешную), которая на страничке выставляется вместо фото автора. Картинка-визитка становится «воплощением» тайных чувств или дремлющих в человеке черт. В АВАТАРЕ (АВАТАРКЕ) находят прибежище мечты: внутренний образ, крепко сидящий внутри пользователя, зачастую не похожий на то, что автор видит в зеркале.

Священный термин, обозначающий ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВА, с чьей-то легкой руки получил хождение и стал повсеместно употребим. Христианскому миру нет дела до его опошления, зато миллионы индуистов и буддистов по всему миру имеют разные мнения. Кого-то даже радует, что механизм ВОПЛОЩЕНИЯ В ВИДИМОЙ ФОРМЕ был наконец-то понят «недоверчивым западным умом». А кто-то скептически качает головой.

Вне зависимости от отношения людей к описанному неоднозначному явлению надо квалифицировать его как использование в новом виде архаического смысла.

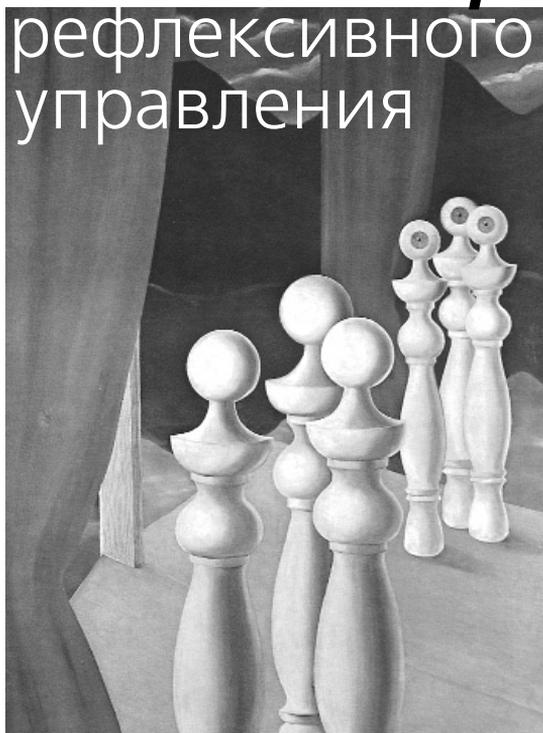
Следует учесть: древний смысл был свободен от поздних наслоений. Он, если можно так сказать, прорывается в речь сквозь слои конвенциональности. В конце концов, в глубочайшей древности *ikon* — всего лишь «изображение»... Avatar — всего лишь «воплощение»... Чего именно? Любого. Всякого.

Язык использует сам себя с неумолимым прагматизмом. Притом самым безжалостным к нашим чувствам образом: цинично, ради прямого смысла. Практично. А чего еще от него ожидать в наше время?

Однако наблюдается и следующий виток сакрализации: посмотрите, каким незаслуженным обожанием окружена иконка Internet Explorer: голубенькая буква e.

Недетские ИГРЫ

рефлексивного
управления

Рене Магритт. Встреча, 1926 год

Владимир Александрович Лефевр — живой классик советской, постсоветской и американской психологии, автор теории рефлексии сознания и рефлексивного управления. В начале XIX века Джон Буль создал алгебру, позволившую перевести на строгий математический язык формальную логику Аристотеля. С помощью булевой алгебры Владимир Лефевр описывает работу сознания.

Каждая книга Лефевра — «Конфликтующие структуры», «Алгебра совести», «0.62», «Космический субъект», «Рефлексия» и другие — событие не только в мире психологов, но и среди

управленцев, политиков, военных, дипломатов, астрономов, философов. В Москве, в Институте философии РАН, регулярно проводятся конференции по рефлексивному анализу, почетным гостем которых каждый раз бывает Владимир Лефевр. В 2009-м году он вновь посетил Москву — и почти одновременно с этим вышла его новая книга «Курс лекций по теории рефлексивных игр» (Москва, Когито, 2009). Давний автор нашего журнала Александр Левинтов встретился с Владимиром Лефевром, чтобы поговорить с ним о вышедшей книге и о его работе вообще.

— Прежде всего, уважаемый Владимир Александрович, позвольте поздравить вас с выходом «Лекций по теории рефлексивных игр». В своих догадках я склонен предполагать, что вы вынашивали замысел этой книги лет тридцать

или сорок, или это не так? Расскажите, пожалуйста, историю ее написания.

— История такова. В 1961 году я хотел найти место преподавателя математики. Однако мои планы изменились после того, как я встретил на

улице свою старую знакомую. Она посоветовала мне поступить на работу в закрытый военный институт и дала адрес, предупредив, что на доме никаких вывесок нет:

— Рядом железная калитка, толкни ее, войди в левую дверь, справа окошечко, спроси подполковника Коновалова.

Я так и поступил. Нашел дом, толкнул калитку, спросил подполковника Коновалова. Через три месяца мне сообщили, что я принят.

Отдел, в котором я начал работать, готовил программы для компьютера Бета. По тем временам он считался передовым, поскольку совершал пятьдесят тысяч операций в секунду. Помимо собственно работы, сотрудникам разрешалось читать научную литературу по своему выбору. Я занялся изучением теории игр, которая только начинала проникать в Советский Союз.

Она произвела на меня двойственное впечатление. С одной стороны, прекрасная математика, с другой — в теорию заложен принцип игнорирования интеллекта противника. Предполагается, что игроки выбирают стратегии, гарантирующие им минимальный проигрыш независимо от интеллектуальных возможностей другой стороны. Я стал думать: нельзя ли построить модель игрока, способного осознать себя и других в процессе генерации решения? Я назвал такую схему рефлексивной игрой. Построить работающую теорию оказалось трудным делом. Только в последние годы мне удалось завершить один из ее фрагментов. Именно этот фрагмент изложен в моих лекциях.

— *Математическая модель теории рефлексивных игр строится на принципе запрета эгоизма: «Каждый субъект, преследуя свои личные интересы, не может наносить ущерб группе, членом которой он является... Субъект может идти против интересов группы, если при этом он не преследует свои индивидуальные интересы и готов идти на жертвы». Как этот принцип соотносится с нравственным императивом Иммануила Канта?*

— Здесь интересно отметить вот что. Я обнаружил, что в основе теории лежит принцип запрета эгоизма, уже после того как теория была закончена. Этот принцип — самое естественное истолкование главной функции, использованной для построения модели.

Теперь о связи с императивом Канта. Он формулируется так: «Существует только один категорический императив, а именно: поступай согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом».

Сформулируем принцип запрета эгоизма в виде следующего императива: «Преследуя свои личные цели, я стремлюсь не наносить ущерб группе, членом которой я являюсь, поскольку полагаю, что такое стремление должно быть всеобщим законом». Вопрос: принимаете ли вы этот императив? Если принимаете, то для вас он становится всеобщим законом.

— *Я бы не хотел выпускать из рук такую славную добычу, как «принцип запрета эгоизма». Правильно ли я понимаю его смысл: лидером может стать только тот, кто может выступить против интересов группы не из корыстных побуждений, а то, что называется, по зову сердца? И все пророки, все духовные лидеры и харизматики суть таковы? Харизма и есть та сила, что позволяет противопоставиться групповым, социальным интересам и стать вождем, лидером, проповедником?*

— Скорее все-таки не харизма, а бескорыстность. Если я призываю к восстанию, чтобы обогатиться, я не найду поддержки масс, а если, как вы говорите, по зову сердца, то могу и найти.

— *Все ваши книги насыщены математическими формулами и расчетами. Эта книга — перенасыщена. На кого, на какого читателя она рассчитана? Если честно, ни один отечественный управленец, тем более политик, просто не одолеет ваш курс лекций. Вы надеетесь на их помощников? Или?*

— Эта книга не предназначена просто для чтения. Это учебник; он предназначен для изучения и написан для тех, кто хотел бы овладеть математическими методами анализа групповых

взаимодействий. Добавлю еще, что у меня и в мыслях не было адресовать эту книгу каким-либо большим начальникам или их помощникам. С этой книгой может работать каждый, имеющий некоторую математическую подготовку. Кроме того, на ее основе можно создавать курсы лекций по теории рефлексивных игр.

— *Обычно в практике рассматриваются конфликты двух лиц, например, семейные. У вас анализируются гораздо более сложные конструкции со множественным количеством конфликтующих сторон и несколькими «примирителями». Значит ли это, что для вас наиболее значимы политические многопозиционные конфликты?*

— Нет, не значит. В книге даны примеры приложения теории рефлексивных игр в самых разных областях: личные отношения, военные решения, правосудие, социальные процессы, международные отношения. В каждой из этих областей группы, как правило, состоят более, чем из двух участников. Политические конфликты — только один из многих случаев.

— *Вот цитата: «Примиритель своим присутствием повышает напряженность борьбы, если конфликтуют группы субъектов, и может своими влияниями снизить напряженность, если конфликтуют отдельные субъекты». Значит ли это, что вы на теоретическом уровне считаете действия миротворцев в израильско-палестинском, колумбийско-венесуэльском и российско-грузинском конфликтах, в Ираке и Афганистане бесполезными или даже опасными?*

— На теоретическом уровне это действительно так. Однако на практическом уровне я проявляю осторожность. Теория рефлексивных игр должна быть проверена. В физике теория может быть отвергнута одним экспериментом, если он покажет, что реальность отлична от предсказания теории. К сожалению, в социальных науках это не так, поскольку в них невозможно устранить неконтролируемые факторы. Поэтому для опровержения теории недостаточно единственного эксперимента. Требуется многолетняя работа многих исследователей, чтобы оценить

возможности теории. Теоретик публикует свою модель, а другие исследователи пытаются ею воспользоваться. Если они быстро теряют к ней интерес, это значит, что теория отвергается. В социальных науках критерием признания теории является ее выживаемость. Таким образом происходила оценка классической теории игр. Одни ее приложения оказались успешными, другие — нет. Подобную же проверку должна пройти теория рефлексивных игр. Только будущее может вскрыть ее сильные и слабые стороны. До такой проверки мы не можем принимать важные решения, основываясь только на теории рефлексивных игр.

— *Вы рассматриваете весьма широкий круг типов конфликтов: семейные, внутриклановые, политические, международные, военные, судебные. При этом ваша теория позволяет не только анализировать уже произошедшие или происходящие конфликты, но и предсказывать их исход. Видите ли вы себя в команде аппарата ООН, президентов США и России? Где, по вашему мнению, ваше место?*

— Я не служащий и последние сорок лет не был служащим ни в России, ни в Америке, куда я эмигрировал в 1974 году. Высшая ценность для меня — индивидуальная свобода человека, поэтому я не входил и не войду в какие-либо команды.

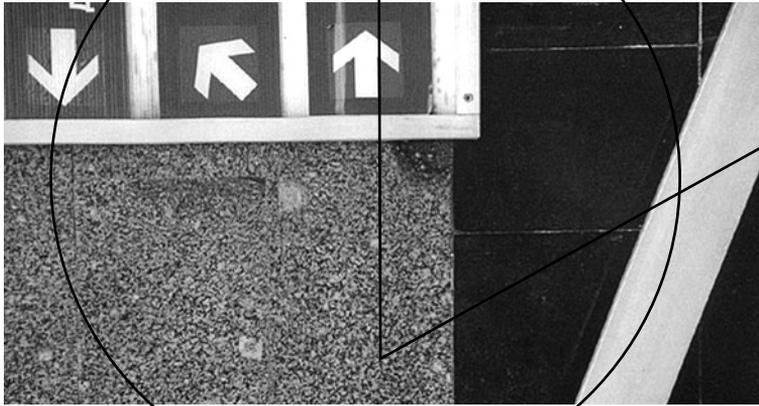
— *Мне очень понравилась ваша идея рефлексивного самоуправления, выраженная в Заключении: если ты не можешь сделать выбор, может, стоит поменять свою позицию и подход к решению?*

— Интересно, что этому я научился у своей модели.

— *Лет десять тому назад я брал у вас интервью и спросил о ваших дальнейших планах. Вы ответили: «Мне больше нечего прокричать этому миру». После того интервью вышло несколько ваших книг — «Космический субъект», «Рефлексия» и другие, каждая из которых — выдающееся достижение. И потому мой последний вопрос: что дальше?*

— Сейчас я готовлю английское издание своих лекций, а потом попробую построить формальное обобщение моей модели. Однако у меня нет уверенности, что я успею закончить эту работу.

Свободная ВОЛЯ и математика

На сегодняшний день не существует достаточно корректного и надежного определения самого понятия «свободная воля». В последнее время вопросом о наличии свободы воли у живых существ заинтересовались наконец не только философы, но и экспериментаторы.

Результаты этих экспериментов (над мухами и людьми) не дают убедительного ответа на поставленный вопрос. На мой взгляд, одна из причин этого — в том, что с самим определением понятия «свободная воля» имеются некоторые проблемы. Но об этом я подробнее скажу ниже.

Известный ученый Стивен Хокинг не так давно писал: «Конечно, можно утверждать, что свободная воля все равно иллюзия. Если действительно

существует всеобъемлющая физическая теория, которая управляет всем сущим, то следует полагать, что она детерминирует и наши действия. Однако она делает это так, что ее следствия невозможно предвычислить для такого сложного организма, как человеческое существо, и, кроме того, она включает определенный элемент случайности, соответствующий квантово-механическим эффектам. Это позволяет говорить, что наши декларации о свободной воле человека происходят из невозможности предсказать, что он будет делать».

А вот что пишет по поводу свободы воли академик Б.Б. Кадомцев: «Под свободой воли мы будем понимать здесь свободу действий, или свободный выбор между двумя или несколь-

кими альтернативами. Принято считать, что человек, безусловно, обладает свободой воли, будучи свободным в своих поступках. Разумеется, человеку часто приходится совершать вынужденные поступки под давлением внешних обстоятельств, однако и в этом случае последний выбор остается за ним.

Не факт, что абсолютно все примут данное утверждение за истину. Следуя, например, Шопенгауэру, можно было бы утверждать, что человек анализирует только хотения, а самый последний момент принятия решения может выпасть из-под его контроля.

Однако мы будем оставаться на более наивной точке зрения, полагая, что человек свободен в своих поступках и потому ответствен за них. Но, принимая свободу действий для человека, мы не должны обижать и животный мир. Но никак нельзя принять допущение, что свобода действий появляется скачком на некотором уровне развития: даже у самых примитивных представителей животного мира сохраняется свобода действий. Более того, очень трудно представить рубеж появления свободы воли на границе между неодушевленным миром и жизнью».

Невозможно не согласиться с тем, что, по крайней мере, люди обладают свободой воли и поэтому должны отвечать за свои поступки. Однако аргументация Хокинга дает представление о том, насколько трудно доказать это, казалось бы, очевидное утверждение.

Кадомцев определяет свободу воли как свободу выбора, но не объясняет, что такое свобода выбора. (Выбор, predetermined генетически или обусловленный воспитанием, или являющийся следствием квантово-механической случайности, — свободен?)

А вот еще одно известное определение: «Свобода воли — это способность самостоятельно определять свои действия». Непонятно только, что значит «самостоятельно». Действия, predetermined генетически или обусловленные внушением или случайностью, — самостоятельны?

Действия ребенка, копирующего взрослых, — самостоятельны?)

Вообще такого рода явные словесные определения свободы воли — привлекательные на первый взгляд — сильно напоминают порочный круг. Намного более надежным могло бы быть определение обсуждаемого понятия через устойчивый, повторяющийся контекст.

Поясню свою мысль на примере определения понятия «дуэль на пистолетах». Онегин и Ленский стреляются, Пушкин и Дантес стреляются, Лермонтов и Мартынов стреляются... Это — дуэль на пистолетах.

Парадокс заключается в том, что для «свободы воли» мы, вообще говоря, не располагаем подобным устойчивым, повторяющимся контекстом. Именно те действия, которые мы склонны приписывать нашей свободе воли, глубоко индивидуальны, их мотивы непроверяемы...

И все же в некоторой достаточно узкой области (а именно — в математике) такой контекст удается обнаружить. Дело в том, что одно из вполне надежных мыслительных средств, которыми пользуются математики, прямо опирается на существование свободной воли.

Это средство — ОПЕРАТОР СВОБОДНОГО ВЫБОРА (не путать с аксиомой выбора), действие которого определяется словами:

«пусть x — произвольно взятый элемент множества X ». (*)

(Вместо термина «произвольно взятый» употребляются также его синонимы: «некоторый произвольный», «любой», «какой-либо», «какой-нибудь».)

Приведем пример использования оператора (*) при доказательстве одной из школьных теорем.

Теорема. Площадь каждого треугольника равна половине произведения его основания на высоту. (Точнее: численное значение площади каждого треугольника равно половине произведения численного значения длины его основания на численное значение длины опущенной на это основание высоты.)

Доказательство. Рассмотрим произвольно взятый треугольник; обозначим его ABC . Далее, применяя общеизвестные построения и вычисления, докажем утверждение теоремы применительно к треугольнику ABC . Так как треугольник ABC был выбран произвольным образом, заключаем, что площадь каждого треугольника определяется по такой же формуле. Теорема доказана.

Замечание. Покажем, что «произвольный выбор» заменить на «случайный выбор» в доказательстве нельзя. Действительно, попробуем провести доказательство так: пусть ABC — некоторый случайным образом выбранный треугольник. Проведя для треугольника ABC соответствующие построения и вычисления, докажем для этого треугольника требуемую формулу. Так как треугольник ABC был выбран нами случайно (а не произвольно), то... закончить доказательство не удастся. Из того, что для некоторого случайно выбранного треугольника верна какая-то формула, еще не следует, что эта формула верна для всех треугольников.

Немецкие специалисты выдвинули сенсационную гипотезу: человеческие действия запрограммированы

Мы видим, что комбинация слов «произвольно взятый элемент» обладает замечательной способностью фокусировать нас на одном-единственном объекте так, что результат наших рассматриваний оказывается приложим ко всем объектам сразу!

Приведем другой характерный пример применения оператора свободного выбора — на этот раз из математической физики. Рассуждение, взятое из книги Рихарда Куранта, приводится в сокращенном пересказе, с тем чтобы подчеркнуть применение оператора свободного выбора.

Итак, требуется установить, что некоторая функция $U(Q)$, заданная на внутренности шара, при стремлении точки Q к границе шара стремится к заданным граничным значениям. Доказательство ведется следующим образом. Пусть P — произвольная точка на границе шара, Q — произвольная точка внутри шара. Доказываем, опи-

раясь на геометрические соображения, что $U(Q)$ сколь угодно мало отличается от граничного значения в точке P , если Q достаточно близка к P . Затем Курант сразу заключает: «Это завершает доказательство», опуская, как чересчур очевидное, соображение «так как точка P на границе шара была выбрана произвольно».

Замечание. Слова «так как элемент x был выбран произвольным образом, то проведенное рассуждение справедливо для всех x » представляют собой, по сути, вторую часть оператора (*) и должны завершать доказательство, начинающееся с применения оператора (*). В неформализованных (то есть не пользующихся языком формальной логики) математических текстах это соображение, как правило, опускается. В разделе логики, именуемом теория предикатов, упомянутое логическое действие называется правилом обобщения.

Зададим теперь себе вопрос: чья же свободная воля имеется в виду в каком-либо математическом тексте, использующем оператор (*)? Очевидно, что, поскольку математический текст призван убедить читателя в справедливости того или иного вывода, то имеется в виду именно свободная воля читателя. Иными словами, тысячи математиков, пишущих тексты, где явно или неявно используется оператор (*), предполагают наличие свободной воли у всех, кому они адресуют свои труды.

Итак, понятие «свободная воля» — один из инструментов значительной части математики (в частности — математического анализа, теории дифференциальных и интегральных уравнений), а также математической физики. С помощью этого понятия получена масса результатов, допускающих физическую проверку и выдержавших ее. Если свободная воля — иллюзия, то как объяснить предсказательную силу этих математических работ?

P.S. Еще одна идея заключается в том, что механизм, запрограммированный так, что термин «произвольный» воспринимается им как «слу-

чайный», легко отличим от человека (частный случай задачи, восходящей к Алану Тьюрингу). В качестве теста предлагается задача:

«Имеется последовательность из нулей и единиц. Первый член последовательности 1. Если для некоторого произвольно взятого номера n соответствующий член последовательности равен 1, то следующий за ним также равен 1. Верно ли, что вся последовательность состоит из единиц?»

Андроид (который понимает «произвольный» как «случайный») говорит: «Это утверждение недоказуемо». (Еще он может сказать, что в каждом из множества миров в этой последовательности будет свое количество единиц.)

Человек говорит: «Очевидно, верно».

P.P.S. Вариант теста. «На числовой оси задана функция f . Для произвольно взятого x доказано, что $f(x)=1$. Верно ли, что $f(0)=1$?»

Андроид (который понимает «произвольный» как «случайный») говорит: «Это, вообще говоря, неверно».

Человек говорит: «Очевидно, верно».

Замечание. То, что андроид будет прочитывать термин «произвольный» как «случайный», вовсе не обязательно. Это зависит от вложенного в него алгоритма. Однако такой способ запрограммировать андроид представляется мне наиболее естественным. Это, конечно, сужает область рассмотрения. Если посмотреть на проблему более широко, то можно предположить, что в результате саморазвития алгоритма мы обнаружим, что устройство реагирует на термин «произвольный» так же, как и люди. В этом случае я бы предложил считать устройство живым и ответственным за свои поступки.

О понятии «переменная величина»

Еще Диофант (III век) при решении уравнений использовал буквы для обозначения неизвестных, однако развитая система буквенных обозначений для нужд алгебры сформировалась гораздо позднее, после работ Виета (конец XVI века), применившего буквенную символику и для обозначения известных величин — коэффициентов рассматриваемых уравнений.

В дальнейшем, после работ Декарта, Ньютона, Лейбница, в математику прочно вошло понятие переменной, которую также стали обозначать при помощи букв. В сущности, без понятия переменной величины (как и без понятия числа) в наше время математика неммыслима.

В современной математической логике понятие переменной фактически вытеснило понятие неизвестного.

Например, уравнение

$$x + 3 = 5 \quad (1)$$

рассматривается как одноместный предикат, то есть выражение, зависящее от переменной x и превращающееся в высказывание (ложное или истинное) при подстановке вместо x какого-либо числового значения этой переменной.

Что касается решения уравнения (1), то оно рассматривается как элемент множества истинности соответствующего предиката (то есть множества всех тех x , при которых предикат (1) превращается в истинное высказывание). В нашем случае, очевидно, упомянутое множество истинности состоит из единственного числа 2.

Такая точка зрения на уравнения позволяет избавиться от «лишнего» понятия неизвестного и унифицировать изложение материала, относящегося к теме «предикаты». Однако, математики, работающие не в сфере чистой логики, решая уравнения, обычно предпочитают иметь дело с неизвестным x , а не с переменной x .

С чисто математической точки зрения оба подхода эквивалентны, но с точки зрения педагога разница между ними существенна.

Дело в том, что понятие «неизвестное» гораздо проще, чем понятие «пе-

ременная» (на что обычно не обращают внимания). Недаром понятие «переменная» вошло в математический обиход спустя более тысячи лет после понятия «неизвестное»!

Если x — неизвестное решение какого-то уравнения (о котором мы знаем, что у него имеется одно-единственное решение), то

x — это имя индивидуального объекта.

Если мы имеем дело с уравнением, у которого несколько решений, то и здесь можно временно сосредоточиться на каком-то одном из решений, по-прежнему считая, что x — это имя индивидуального объекта.

Если же x — переменная, то:

x — это не имя индивидуального объекта;

x — это не имя совокупности объектов;

x — это не имя какого-либо известного физического процесса.

Если, допустим, переменная x — это точка, пробегающая сферу, и мы спросим у двух разных математиков, где, по их мнению, расположена эта точка в данный момент времени и куда она движется, то мы получим, скорее всего, разные ответы.

Но тогда что же представляет собой переменная x ? На мой взгляд, ответ на этот вопрос таков:

x — это переменная точка, то есть свободно выбираемый элемент из некоторого множества X .

Таким образом, само понятие «переменная» не является, как мы видим, «первичным», а определяется через (беспрерывно возобновляемую) процедуру свободного выбора.

Итак, свободный выбор обнаружился — хотя и в скрытом виде — среди базовых, неустранимых понятий современной математики (и, в частности, математической логики). Так что свободная воля, видимо, — не иллюзия.

Могут ли эти «околоматематические» соображения как-то помочь отыскать механизм человеческого мозга, отвечающий за реализацию свободного выбора?

Елена Съянова

21 апреля 1776 года неожиданно скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, супруга цесаревича Павла Петровича. Молодой вдовец казался безутешным, и императрица Екатерина отпустила сына в Москву, к митрополиту Платону, бывшему духовником Павла. Цесаревич отправлялся инкогнито в простой дорожной карете, сопровождаемый лишь несколькими гвардейцами да Никитой Ивановичем Паниным. Будучи отстранен от должности наставника, он оставался единственным человеком, которому при нынешних обстоятельствах Екатерина могла довериться.

Павел уже дважды совершал путешествие из Петербурга в Москву: он хорошо помнил уютную Софию, ветреное Чудово, прекрасный Иверский монастырь, окруженный своенравными валдайскими водами, веселые тверские колокола... Теперь же он ничего не узнавал: Валдай показался ему мертвой водою, а монастырь чудови-

щем; деревеньки на холмах налипли, как комья грязи... «А что, Никита Иванович, сильно переменялось у нас все после Пугачева?» — вдруг спросил Павел, морщась от болезненных воспоминаний. «Бог с тобой, перекрестись! Еще приснится тебе этот вор!» — Панин хотел сам перекрестить Павла, но тот схватил его руку:

— Скажите, Никита Иванович, нас ведь тут не слышит никто, правду скажите, был он похож на...

— Да что ты, что за мысли опять?! Ведь уж сколько раз тебе рассказывал — мужик, рожа рябая, ручищи лопатами, бородой до бровей зарос! — и добавил, уже спокойнее, — разбойник он был, богопротивный человек. Грех на нем великий — перед императором покойным, перед тобой.

— А правда это, что он перед казнью брату вашему Петру Ивановичу медальон отдал?

— Это еще откуда? Кто тебе врал? — накинулся было Панин, но Павел

Никита Иванович Панин

Великая княгиня
Наталья Алексеевна

так сильно сжал ему руку, что тот смолк.

— Скажите мне правду, Никита Иваныч, я ведь уж не дитя! Знаю, что в том медальоне мой портрет был! А еще что?

В золотом с изумрудами медальоне под портретом пятилетнего Павла лежала прядка белокурых волос, состриженных с головы его императрицей Елизаветой Петровной. Елизавета с ним никогда не расставалась, почитая своего рода «оберегом» жизни и здоровья любимого внука. Перед смертью она отдала этот медальон Ивану Шувалову, взяв с него клятву в будущем передать медальон той, как она выразилась, «на которую я сама с небес укажу». В конце осени 1773 года Иван Иванович, будучи в Италии, отправил драгоценную вещицу со своим

доверенным в Россию для передачи супруге Павла Вильгельмине, принцессе Гессен-Дармштадской, в православии Наталье Алексеевне. Что произошло дальше, так и осталось тайной — одной из тех малых тайн, из которых вырастает великая загадка русского бунта. Никто так и не узнал, как попал медальон к проклятому Емельке; никто, кроме братьев Паниных, не знал, что он вообще у него был! И Павел знать не должен!

И Никита Иванович взял себя в руки:

— Портрет был. А боле ничего. Портреты твои многие вельможи при себе носят. Под Оренбургом мятежники, должно быть, и захватили один такой, а разбойник его на себя и повесил. А ты больше не думай о том. Потому как и впрямь уж не дитя, и должен на все разумно глядеть.

— Разумно — это как? Затылком, что ли?

— На иные вещи только затылком на Руси и глядеть, — отвечал Панин. — Ох страшен в грехе мужик русский! И смешон. Как Петрушка в балагане, кобенится, пока весь кровавым потом не изойдет!

— А в балаган кто его загнал, Никита Иванович?! Не матушкины ли просветители «а-ля рюс»?! У нее адюльтер с Европой, а тут...

— Так ты что же хочешь, чтоб просвещенная государыня наша на восток лишь очи свои обращала?! В Азию?

— Не в Азию — в себя надобно глядеть. У русских свой бог. Мы же все чужих пророков к себе тащим! А чужие нас не любят, потому и лгут. Вот и выходит, что у них Дидро с Вольтером, а у нас Стенька с Емелькой!

— Да что же ты, язычник эдакий, предлагаешь?

— Ничего пока. Я думаю, — отвечал Павел.

«Даром, видать, Николаша-то Новиков второй год ему все про «просвященных единоплеменцев» толкует, — усмехнулся про себя Панин. — Вот ведь своенравный какой ум! — и вздохнул. — Эх, да только править ли когда-нибудь такому уму землю русской?»

Камиль Галеев

Азиатский Деспотизм—? Что это такое ?

Барельеф. Персеполис,
VI век до новой эры

В №№1 — 3 за 2009 год журнала «Знание — сила» была напечатана статья известного историка Александра Янова «Откуда в самодержавной России взялся Герцен?» Блестяще написанная, полемичная, она привлекла к себе внимание оригинальной концепцией, суть которой можно свести к следующему. С древнейших времен на земле властвовали «мир-империи», «азиатские деспотии», в которых власть монарха была не ограничена. Около 1500 года в Европе появляется новый строй — абсолютная монархия. При ней власть монарха ограничена влиянием аристократии, и из этого нового строя постепенно развивается демократия. Автор представил также «матрицу деспотизма» — подробный список свойств азиатской деспотии, составленный историком Виттфогелем. Статья вызвала большой интерес историков, далеко не все согласны с автором. Редакцию привлекла реплика Камиля Галеева, ученика 11 класса школы «Интеллектуал», касающаяся «матрицы деспотизма» Виттфогеля. Мы предлагаем ее вниманию читателей.

Эта матрица обладает замечательным свойством — 90% читателей с готовностью под ней подпишутся. Подпишутся потому, что она является, по сути, вербализацией их собственных представлений, пусть довольно смутных.

Общество, которое хоть сколько-нибудь отвечало бы требованиям «матрицы деспотизма», не было нигде и никогда. Некоторые отдельные свойства «деспотического» государства действительно были присущи определенным азиатским государствам, причем, встречались как поодиночке, так и в самых различных комбинациях. Некоторые были присущи всем когда-либо существовавшим государствам. Ну, а остальные вообще не были присущи ни одному государству до XX века или же вообще ни одному государству, существовавшему на Земле. Рассмотрим «матрицу деспотизма» по пунктам

«Деспотизм основан на тотальном присвоении государством результатов хозяйственного процесса страны.»

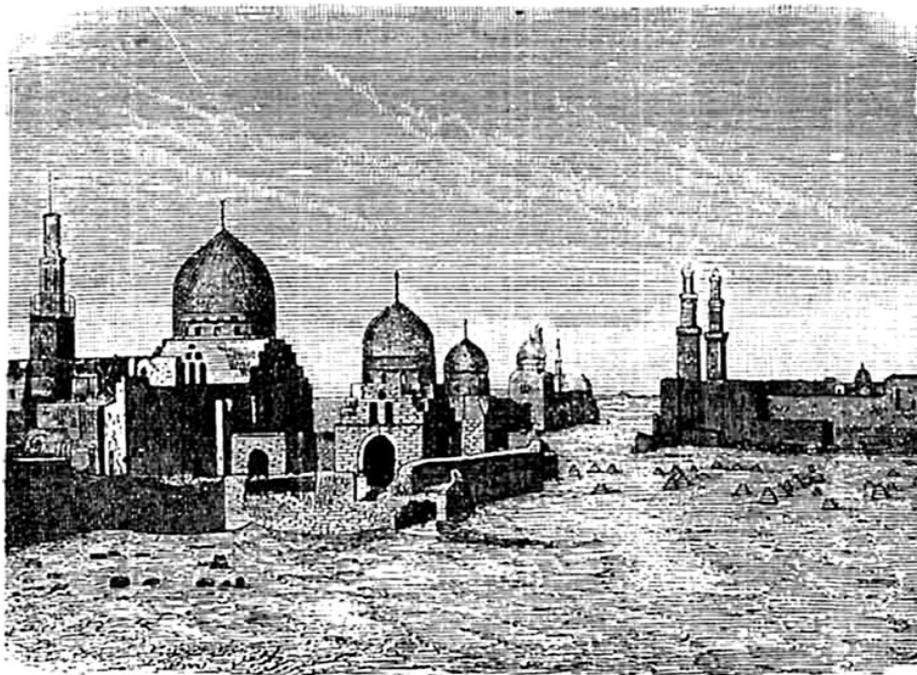
* Здесь и далее курсивом выделены цитаты из статьи А. Янова («З-С», 1/09).

Действительно, в Азии существовали государства, присваивающие большую часть производимого продукта (а точнее, стремящиеся к этому). Это, например: сельджукские государства в Иране и Ираке XI — XIII веков, Ак Койунлу (государство на территории Закавказья, Ирака и Ирана XV века), Маратхская конфедерация (государство в Индии 1684 — 1818), империи Цинь (221 — 209 годы до новой эры), Цзинь (1115 — 1234), Юань (1279 — 1368) и Цин (1644 — 1911) в Китае.

Все они имеют одну общую весьма характерную черту. В каждом из них привилегированное положение занимает военная каста иностранных завоевателей, обычно кочевников или горцев (сельджуки, туркмены и курды, маратхи, циньцы, чжурчжени, монголы, маньчжуры, соответственно). Эта каста рассматривает остальное население страны как объект грабежа (через посредство подчиненной касте государства).

Впрочем, в Азии встречались государства как с очень высоким уровнем

Надгробные храмы мамелюкских султанов в Египте

эксплуатации населения, так и с очень низким. Так, в Османской империи XIV — XVII веков райя (крестьянин) должен был работать на сипаха (помещика) 3 дня в году. Для сравнения — в Сербии до османского завоевания 1459 года, согласно Кодексу Стефана Душана, крестьянин должен был работать на помещика два дня в неделю, то есть 104 дня в году. А в Польше, России или Австрии XVIII века — шесть дней в неделю, то есть 312 дней в году.)

Именно сверхнизким уровнем эксплуатации населения в ранней Османской империи и объясняется ее быстрый рост. За период с 1351-го до 1389 года, то есть менее чем за сорок лет, османское государство прошло путь от крошечного бейлика на окраине мусульманского мира до империи, доминирующей в Малой Азии и на Балканском полуострове, — третьего по значению исламского государства после империи Тимура и мамелюкского Египта. Население завоевываемых стран не имело никакого желания защищать старый социальный строй, который был для них гораздо тяжелее нового. Уровень жизни османского крестьянства еще в конце XVII века превышал уровень жизни крестьянства Западной Европы.

Это, конечно, плохо согласуется с устоявшимся представлением об Османской империи как о чудовищном монстре, высасывающем все соки из несчастных подданных. Оно сформировалось в эпоху поздней Османской империи XVIII — XIX веков, после того как она действительно превратилась в такого монстра в результате деградации, начавшейся около 1580 — 1600 годов. В этот период гиперинфляция разорила весь военно-служилый слой, живший за счет зафиксированной денежной ренты с земли или денежного жалованья. Некоторое время османские «феодал-солдаты», жившие старыми представлениями о социальной дисциплине, выходили из положения, занимаясь торговлей и ремеслом, — это подрывало обороноспособность государства, но не было фатально. А около 1600 года пришло

новое поколение военно-служилых — они решили, что солдат с ружьем сам себя прокормит.

Невозможно себе представить, чтобы в Порте 1550 года отряд янычар разграбил попавшуюся на пути деревню, тогда как в 1750 году — это обычное дело, особенно на Балканах, где законы империи к этому времени *de facto* перестали действовать, и военные власти грабили и убивали население, чувствуя себя абсолютно безнаказанными.

Кроме того, государства, проводившие политику сверхэксплуатации, встречались не только в Азии. Такие государства существовали на большей части территории современной Европы в эпоху первоначального накопления: в Англии XVI века, в Польше XVII или России XVIII.

Во всех этих государствах небольшая группа аристократии — будь то лорды в Англии, магнатерия в Польше или же крупное дворянство в России, с одной стороны, имела всю полноту власти в государстве (собственно, она и представляла собой государственный аппарат), а с другой — была классом крупнейших землевладельцев (и вообще — крупнейших собственников).

Как только появлялась монетарная экономика и товарный рынок, эта группа резко усиливала эксплуатацию населения. На вырученные за счет существенного снижения уровня жизни масс средства правящая верхушка проводила модернизацию (Англия), псевдомодернизацию (Россия) или просто наслаждалась жизнью (Польша). Отсюда — огораживания и удвоенные арендные платы на королевских землях в течение одного только царствования Генриха VII (1485 — 1509) в Англии.

Отсюда же — вторичное крепостное право в Германии к востоку от Эльбы, Австрии, Польши и России. Прочитируем Фернана Броделя: «С началом XVI в. конъюнктура с двойками, а то и тройками последствиями обрекла Восточную Европу на участь колониальную — участь производителя сырья, и «вторичное закрепоще-

Генрих VII,
король Англии, XV век

ние» было лишь более всего заметным ее аспектом. Повсюду — с вариациями, зависевшими от времени и места, — крестьянин, прикрепленный к земле, юридически и фактически утратил свободу передвижения, возможность пользоваться льготами формарьяжа, освобождаться за деньги от натуральных повинностей и отработок. Барщина выросла сверх всякой меры. К 1500 г. в Польше она была ничтожна; статуты 1519 и 1529 гг. установили ее в размере одного дня в неделю, стало быть, 52 дней в году; к 1550 г. она была доведена до трех дней в неделю, а к 1600 г. — до шести. В Венгрии эволюция была такой же: один день в неделю в 1514 г., потом два, затем три, вскоре после того — каждая вторая неделя и, в конечном счете, отмена всякой вообще регламентации; теперь барщина зависела только от произвола барина».

Вообще следует понимать, что история Востока была ничуть не менее динамичной, чем история Запада, в ней были совершенно разные периоды. Скажем, в 1050 году размер налогов в большинстве стран Ближнего Востока был намного выше, чем в Англии, а к 1550 году стал несопоставимо ниже. С одной стороны, это было

связано с резким повышением налогов в Европе в конце Средневековья. С другой — с понижением налогов в странах Ближнего Востока в два-три раза, последовавшим за османским завоеванием.

«В экономических терминах это [тотальное присвоение государством продуктов хозяйства страны] означает простое воспроизводство национального продукта без его модернизации».

Увы, здесь имеет место путаница в терминах. Не стоит смешивать три разных понятия: экономическое развитие, модернизацию и псевдомодернизацию. Модернизация — это процесс перехода страны от архаичной экономики к индустриальной. Псевдомодернизация — процесс построения военной промышленности на основе и при сохранении архаичной экономики (петровские реформы, например). Человечество развивается экономически вот уже около 8 — 9 тысяч лет, начиная с Великой Неолитической Революции, в то время как о модернизации в широком смысле можно говорить, только начиная с XVI века, а в узком — с XVIII — XIX веков.

Высокая доля продуктов, изымаемых государством, вовсе не означает отсутствие модернизации. При слабо развитой натуральной экономике среднестатистический крестьянин или ремесленник производит немногим больше продуктов, чем ему нужно, чтобы не умереть с голоду, и вовсе не горит желанием кому-то эти продукты отдавать (или продавать). А для осуществления модернизации требуется колоссальное количество продуктов, которые можно взять только у населения.

Только государство (а точнее правящий класс, инструментом которого это государство является) обладает мощностью достаточной, чтобы в принудительном порядке, путем внеэкономического принуждения, ограбить народ. Отнять у него продукты, которые ему позарез нужны, и которые он добровольно ни за что не отдаст. И за

счет грабежа осуществить эту самую пресловутую модернизацию (или псевдомодернизацию).

«Отсюда следует отсутствие модернизации политической».

Здесь тоже нужно определиться с терминами. Если мы говорим о процессе политической модернизации вроде того, что происходит в Европе, начиная с 1789 года и до наших дней, то в Азии его действительно не было. Но в Европе до 1789 года его тоже не было, так что отсутствие политической модернизации никак не является особенностью «азиатского деспотизма».

«Экономической и политической имобильности деспотизма соответствует и его социальная структура. Общество сведено к двум полярным классам. Государственный аппарат представляет собой управляющий класс в самом недвусмысленном значении этого слова; остальное население представляет собой второй класс — управляемых».

Автор утверждает, что общество делится на бюрократию и остальное население, но это не особенность государственного устройства азиатских государств. Это особенность его метода классификации. Так можно объявить современные США «азиатско-деспотическим» государством на том основании, что его население делится на две категории: чиновников и нечиновников.

Масса управляемых однородна

«Оборотной стороной однородности управляемых являются абсолютная атомизация и нестабильность класса «управляющих», полная хаотичность того, что социологи называют процессом вертикальной мобильности. Селекция руководящих кадров происходит вне связи с их корпоративной принадлежностью (деспотизм исключает какие-либо корпорации), с привилегиями сословия, с богатством или способностями».

Так и хочется задать вопрос: а чем тогда определялась возможность про-

движения человека по социальной лестнице? Подбрасыванием монетки?

Автор по сути перечислил все факторы, которые в принципе могут влиять на ротацию кадров, за исключением, разве что, религиозной и этнической принадлежности, но и их можно отнести к привилегиям (этно-)сословия.

Впрочем, в разных азиатских обществах разные факторы, роль которых автором отрицается, играли разную по значимости роль.

Так, некоторые азиатские общества (Монгольская империя, Османская империя до Джебалийской Смуты рубежа XVI — XVII веков, в меньшей степени Китай эпохи династий Юань и Мин) были несравнимо более эгалитарными, чем современные им европейские (и азиатские тоже). В них личные способности оказывали большее влияние на продвижение человека, чем богатство или сословная принадлежность.

Достаточно сказать, что лучший темник Чингизхана Субедей был военнопленным. Доступ к системе экзаменов, по результатам которых проходило назначение на чиновничьи должности, в китайской империи Мин имело все свободное население, кроме актеров и детей проституток, а в Монгольской Империи абсолютно все, включая рабов.

Нередко корпоративная принадлежность также была крайне важна. Например, в Османской империи XIV века продвижение человека по социальной лестнице было возможно, только если он состоял членом какого-нибудь содружества газиев — воинов, ведущих газават против Византийской империи (собственно, Османская империя около 1300 года и была таким содружеством). В Персии эпохи ранних Сефевидов для подъема наверх нужно было вступить в военно-духовный орден кызылбашей, правивший страной.

Что касается привилегий сословия и богатства... Не было еще на свете общества, в котором селекция руководящих кадров не зависела бы от них. Не считает же автор, в самом де-

Монгольские воины

ле, что китайский крестьянин из горной деревушки имел при рождении столько же шансов стать первым министром богдыхана, сколько и сын столичного мандарина?

Ну, а утверждение, что «деспотизм исключает какие-либо корпорации», лишь подтверждает наш первоначальный тезис. Взять хотя бы цехи ремесленников, которые всегда существовали во всех сколько-нибудь значимых городах Азии и Северной Африки. На Ближнем Востоке они назывались «аснафами», в Китае — «ханамы», в Японии — «дза».

«С ним [фактом хаотичной селекции управляющих кадров] связано и отсутствие при деспотизме понятия «политической смерти». Совершив служебную ошибку, любой член управляющего класса, независимо от его ранга,

расплачивался за нее, как правило, не только потерей привилегий и нажитым богатством, но и головой. Ошибка равнялась смерти реальной. Атомизированная, все время бродящая по минному полю капризов деспота, нестабильная элита «мир-империи» не могла превратиться в наследственную аристократию (или, если она, в конечном счете, в этом преуспевала, как, например, в случае Византии, становилась легкой добычей более последовательных «мир-империй»). Другими словами, независимость деспота от обоих классов «мир-империй» была абсолютной».

Понятия политической смерти в азиатских государствах действительно не было. Уход крупного деятеля с политической сцены часто заканчивался его смертью (если не был добровольным). Часто, но далеко не всегда. Из шести османских султанов, низло-

женных в XVI — XVII веках, только двое были казнены.

Кстати, в Европе до середины XVIII века (в значительной степени и до эпохи Наполеона) понятия политической смерти тоже не было. Падение государственного деятеля часто сопровождалось его физическим уничтожением или пожизненным заключением.

В 1661 году по приказу Людовика XIV королевский казначей Фуке был арестован Д'Артаньяном и заточен в крепость навечно без предъявления обвинений. В 1756 году английский адмирал Бинг упустил французскую эскадру у берегов Минорки и был за это расстрелян. В 1772 году в Копенгагене по приказу датского короля Карла IX был четвертован Струэнзе, долгое время бывший его первым министром.

Что касается отсутствия наследственной аристократии в азиатских государствах... Наследственная аристократия была неотъемлемой чертой любого архаического общества, начиная с бронзового века. Она, вопреки широко распространенному мнению, существовала даже в Китае практически на всем протяжении его истории (за исключением периода Цинь).

«Конечно, такая странная в глазах нашего современника конструкция не протянула бы и месяца, когда б не воспринималась всеми ее участниками, как явление природы (допустим, рождение и смерть). И, как смерть, внуша-

ла она страх. Причем страх универсальный, страх всех и каждого — от последнего крестьянина до самого деспота. Страх по выражению Монтескье, как «принцип общества». «Умеренное правительство, — писал он, обобщая современный ему европейский политический опыт, — может сколько угодно и без опасности для себя ослаблять воюжи... Но если при деспотическом правлении государь хоть на минуту опускает руки, если он не может сразу же уничтожить людей, занимающих в государстве первые места, то все потеряно». Другими словами, конец страха означал конец деспота, порою конец династии».

像 祖 高 漢

Лю-Бан

Терракотовая армия эпохи Цинь

Салах-ад-Дин

До XX века у абсолютного большинства правителей на Земле не было физической возможности «уничтожить людей, занимающих в государстве первые места». Если же попытка осуществления подобного уничтожения все же предпринималась, то именно она обычно и означала конец династии.

Так, в частности, пала династия Айюбидов — потомков Салах-ад-Дина в Египте. Айюбиды щедро раздавали земли, должности и привилегии мамелюкам — войску, составленному из тюрков-рабов, постепенно сформировав из них высший слой феодальной аристократии Египта. Очередной султан — Туран-шах решил ограничить влияние мамелюков, а, натолкнувшись на их сопротивление, попытался их истребить. Тогда мамелюки свергли его и убили.

Возможность уничтожения любых сановников и в любом количестве появлялась у правителя только в двух случаях.

Если он был правителем маленького и бедного государства, в котором еще почти нет социального неравенства, завоевывавшим обширные и богатые земли, где неравенство уже появилось. Такими правителями были, например, король франков Хлодвиг,

Чингизхан, великий князь литовский Витовт.

Если он был предводителем группы безземельных авантюристов, захватившей целое государство. Такими правителями были, например, Генрих VII в Англии и Бабур в Индии.

Так или иначе, элита нового государства получала за пределами (по ее представлениям) материальные блага и могущество, о которых она до этого и мечтать не смела, а правитель завоевывал колоссальный личный авторитет, который невозможно было получить другим путем. Только в этом случае властная элита была готова скорее пожертвовать любыми своими представителями, чем жизнью правителя, которому они были обязаны всем, что имели.

Иван Грозный, вопреки широко распространенному представлению, не имел ни желания, ни возможности истреблять элиту своего государства — боярство. И в списке опричников, и в

Хлодвиг

Синодике присутствуют и бояре, и дворяне. Генрих VII в конце XV века устроил в Англии такую бойню лордов, что опричный террор не идет с ней ни в какое сравнение — он вырезал подчистую все английские феодальные роды нормандского происхождения.

«Но парадоксальным образом не начал он [конец деспота] конец «системы тотальной власти». Ибо универсальность страха означала невозможность политической оппозиции. Это и объясняет чудовищную стабильность системы. Не только сундуки своих подданных обкрадывала в «мир-империи» власть, но и их головы... альтернативных моделей политической организации общества просто не существовало».

Описанная политическая стагнация — это особенность не устройства азиатских обществ, а примененного Александром Яновым метода классификации.

Если, по его мнению, все типы государственного устройства, существовавшие в Азии, будь то феодальная монархия мамелюков, бюрократическая империя Цинь или торговая олигархия Адена — суть одно и то же, то вывод о перманентной политической стагнации тавтологичен.

Точно так же гипотетический фанатик-антимонархист, который не видит разницы между разными формами монархии, мог бы сделать вывод о перманентной политической стагнации в Англии, начиная с реставрации Стюартов в 1660 году, на том основании, что наследственная монархия воспроизводит сама себя.

«По этой причине единственным механизмом ограничения ошибок власти в «мир-империи» оказывалось убийство деспота. Отсюда еще один парадокс. Именно неограниченность персональной власти деспота делала его власть столь же нестабильной, сколь абсолютно стабильным был деспотизм как политическая система. Естественно, что в фокусе политической активности деспота оказывалась поэтому не столько безопасность империи, сколько

его собственная. Это вынуждало его отдавать предпочтение людям, которые его охраняли, — назовите их хоть преторианцами, как в Риме, или янычарами, как в Стамбуле, — и в результате... становился марионеткой в их руках».

Нестабильное лидерство не является ни чертой только азиатских государств, ни чертой всех азиатских государств вообще.

Например, в Египте с момента провозглашения его независимости от Арабского халифата в 969 году и до 1517 года, когда он был завоеван турками, всего два правителя (Ал-Адил II и Туран-шах) погибли от рук убийц. Для сравнения — в Англии за более короткий период от 1066 года, когда она была завоевана нормандцами, и до воцарения Тюдоров в 1485, было убито четыре короля: Вильгельм II, Эдвард II, Ричард II и Генрих VI.

Вывод

Наш первоначальный тезис получил подтверждение. Не существовало государства, к которому была бы применима «матрица деспотизма». Ни одно свойство «деспотизма» не является ни свойством всех государств, причисляемых к деспотическим, ни свойством только этих государств. Более того, некоторые свойства деспотизма (например, однородность управляемых, ротация кадров) вообще не присущи ни одному из когда-либо существовавших обществ.

Замечание Александра Львовича Янова, что «никаких точных формулировок, отличающих этот проклятый азиатский деспотизм от европейской абсолютной монархии не существовало (да и по сию пору не существует)» — это, в сущности, вопрос, содержащий внутри себя ответ. Сформулируем этот ответ: деспотию отличает от монархии «проклятость». Фактическая информация, которую несет понятие «деспотия» ничем не отличается от той, которую несет понятие «абсолютная монархия», разница между ними — в оценке.

Сказки оказались гораздо древнее, чем считалось ранее

Доктор Джейми Терани — специалист по культурной антропологии из британского Даремского университета — изучил 35 версий сказки «Красная Шапочка», встречающихся в самых разных культурах по всему земному шару. В то время как европейская версия содержит историю маленькой девочки, которую обманул злой волк, притворившийся ее собственной бабушкой, в китайской версии, например, рассказывается уже о хитром и коварном тигре, заменившем «нашего» волка, ну а в Иране, где вряд ли можно встретить молодую девушку, свободно бродящую по лесу в полном одиночестве, в этой истории фигурирует маленький мальчик.

Вопреки общепринятому мнению, согласно которому эта сказка считается возникшей во Фран-

ции или Италии незадолго до Шарля Перро, доктор Терани, представивший свою новую работу на Британском фестивале науки в Гилдфорде (графство Суррей), отстаивает совсем другую версию: все варианты сказки, по его мнению, имеют общего предка возрастом по меньшей мере 2600 лет.

Шарль Перро литературно обработал народный сюжет, ввел мотив нарушения девочкой запре-

та, за который она поплатилась, и заключил сказку стихотворной моралью, настаивающей девиц опасаться соблазнительей. Тот вариант сказки, который стал классическим в современной детской литературе, был записан столетие спустя после смерти Перро братьями Гримм. Они ввели в сказку хороший конец, заимствовав его из популярной немецкой сказки «Волк и семеро козлят». В этом варианте проходившие мимо дровосеки, услышав шум, убивают волка, и спасают бабушку и Красную Шапочку. В русском же варианте сказки было изменено лишь содержимое корзины Красной Шапочки, в которой вместо хлеба с молоком «подложили» пирожки. Ну, и в иллюстрациях сказки на русском языке вместо накидки-капюшона обычно изображается собственно небольшая шапочка на голове у девочки.

Интересно, что подлинный единый предок всех этих вариантов (в глазах ученых) и в самом деле родственен сюжету «Волка и семерых козлят» (вспомним, как волк притворяется за дверью козой, чтобы проникнуть в дом с козлятами). Известный американский фольклорист Джек Зайпс из Миннесотского университета предположил, что сказки, возможно, издавна помогали людям передавать из поколения в поколение «советы по выживанию». По его мнению, мир всегда был жесток и по отношению к взрослым, и по отношению к маленьким детям. Он грозил неожиданными нападениями, насилием и обманом. Таким образом, народные сказания можно считать одним из важнейших элементов социальной адаптации к

враждебной окружающей среде.

Управление вкусом

Ученым удалось избавиться подопытных от неприязни к определенному вкусу. Нейрофизиологи нашли рецепторы, которые отвечают за вкусовую память и вкусовое отвращение, и научились ими управлять.

Мозг обрабатывает сенсорную информацию от разных органов чувств: зрительную, слуховую, обонятельную, осязательную, вкусовую. Вся она складывается в копилку долговременной памяти. Команде исследователей из Университета Хайфы удалось собрать один элемент пазла долговременной памяти, который постепенно составляется учеными всего мира — механизм формирования памяти на вкус.

Область коры, в которой обрабатывается вкусовая информация, называется кора островка. Биологам это известно, но до сих пор они не расшифровали механизм кодирования этой информации.

Сотрудники факультета нейробиологии и этологии Университета Хайфы под руководством профессора Коби Розенблюма вырабатывали условно-рефлекторное приобретенное отвращение к вкусу у крыс. Крысы сначала пили простую воду, а потом им предложили но-

вый вкус — воду, подслащенную сахарином. Сладкая вода крысам, естественно, понравилась, но после этого они получили инъекцию хлорида лития, которая для них очень неприятна. Сочетание сахариновой воды с хлоридом лития привело к тому, что крысы стали ее избегать. Когда им на выбор предложили простую и сладкую воду, они выбрали простую. А контрольные животные, у которых не вырабатывали отвращения, в ситуации выбора предпочитали воду с сахарином.

Ученые выяснили, что когда крысы пробовали новый вкус, у них происходили изменения в NMDA рецепторах, но не во всем мозге, а только в коре островка. У этих животных усиливалось присоединение фосфатной группы к аминокислоте тирозину. Такая модификация увеличивает пропускную способность рецепторов. Когда исследователи заблокировали NMDA рецепторы при помощи вещества-антагониста, крысы перестали избегать вкуса сахарина, хотя он был связан с неприятным хлоридом лития. Из этого ученые сделали вывод, что эти рецепторы играют ключевую роль для формирования долговременной памяти на вкус.

Аномальные свойства воды

Ученым давно были известны 66 необъяснимых свойств воды, отличающих ее от большинства других химических веществ, встречающихся в жидком состоянии. Объяснить эти свойства на основании лишь строения и химических параметров молекул воды ученые до

последнего времени не могли. Секрет крылся в структуре, в которую самоорганизуются молекулы жидкой воды. Он долгое время оставался неразгаданным, так как изучить эту структуру теми же методами, что применяются для изучения строения твердых тел, практически невозможно.

Команда Андерса Нильсона, ведущего специалиста Стенфордского центра синхротронного излучения, сумела преодолеть эти трудности благодаря новейшим методам изучения строения жидкостей с использованием мощного рентгеновского излучения, получаемого с помощью больших ускорителей элементарных частиц, называемых синхротронами. Один из использованных в работе синхротронов находится в Японии, а второй — в США.

Ученые выяснили, что существовавшие до сих пор представления о молекулярной структуре воды были неверными — оказалось, что ее молекулы формируют не одну структуру, а одновременно два типа структур, сосуществующих в жидкости вне зависимости от температуры. Один тип структуры формируется в виде сгустков примерно

по 100 молекул, структура которых напоминает структуру льда. Второй тип структуры, окружающей сгустки, гораздо менее упорядочен.

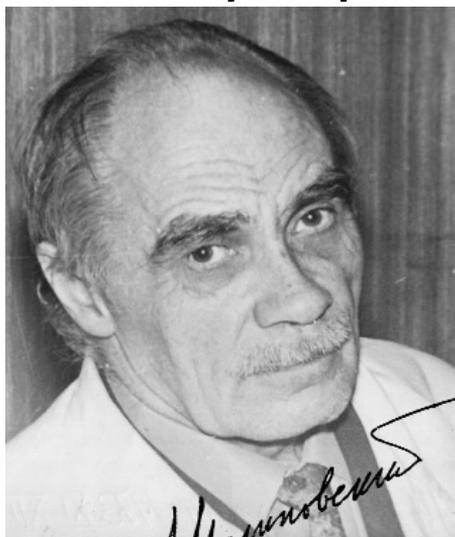
Увеличение температуры вплоть до точки кипения воды приводит к некоторому искажению структуры сгустков и уменьшению их количества и доминированию разупорядоченной структуры. «Этот процесс можно представить как танцевальный клуб, где часть людей сидит за столиками, отражая упорядоченную компоненту воды, а часть, находясь в толпе, непрерывно перемещается в танце. Увеличение температуры воды в этом случае можно сравнить с всеобщим поднятием настроения и ускорением музыки, когда люди начинают вставать из-за столов и присоединяться к танцующим, а часть пустующих столов и вовсе убирается для высвобождения места. Охлаждение — обратный процесс, когда танцпол заполняется столами, и за них присаживаются утомленные танцами гости клуба», — пояснил результаты работы Нильсон.

Это, в частности, объясняет нелинейную зависимость плотности воды от температуры — упорядоченные скопления молекул имеют меньшую плотность, чем неупорядоченные, и она мало меняется с изменением температуры, которую можно сравнить с постоянным размером столов, не зависящим от настроения собравшихся или громкости музыки в ресторане.

*Рисунки
А. Сарафанова*

Николай Богданов

«С природою ОДНОЮ ОН ЖИЗНИЮ ДЫШАЛ...»

Судьба Александра Александровича Малиновского — замечательного отечественного ученого, врача и генетика — ярка и необычна даже по меркам бурного XX века. Он родился в Париже в семье знаменитого философа, экономиста, врача, писателя и общественного деятеля Александра Александровича Малиновского-старшего. Как известно, одно время, а именно на рубеже XIX — XX веков, А.А. Малиновский-старший входил в число ближайших сподвижников В.И. Ульянова-Ленина. Ныне имя «основателя советского государства» лишено прежнего ореола. Не будем вдаваться в рассуждения, насколько это справедливо. Важнее другое — при любом взгляде на прошлое нашей многострадальной страны — у русских эмигрантских кругов тех лет не отнять преобразовательской энергии и энтузиазма, неколебимой веры в прогресс, в созидательные силы человечества. И если осуществленные под

их руководством революционные перевороты роковым образом сказались на развитии русской гуманитарной мысли, фактически положив конец культурной эпохе Серебряного века, то столь же определенно можно полагать, что именно они пробудили мощную струю жизненных сил в сфере естественных наук, промышленности и техники. Ведь и знаменитый Институт экспериментальной биологии, в котором началась трудовая деятельность А.А. Малиновского, был основан Н.К. Кольцовым сразу же после падения царизма благодаря личным связям замечательного ученого в кругах Временного правительства. В определенной мере это позволяет считать его Институт детищем Февральской революции. Думается, та кипучая атмосфера разнообразнейших, в том числе — фантастических, подчас — откровенно сумасбродных и волюнтаристских (но тем не менее оригинальных, увлекательных, нередко прямотаки захватывающих идей и планов), что окружала Александра Александровича с самого детства, в немалой степени определила и его собственный творческий потенциал, круг его интересов и научное долголетие.

Выпускник медицинского факультета Московского университета (в то время уже трансформировавшегося в I Московский медицинский институт), ученик и сотрудник Н.К. Кольцова А.А. Малиновский, по самой су-

Александр Александрович
Малиновский-старший

ти своего мышления и всей своей научной деятельности принадлежит к московской естествоиспытательской школе. Отличительными чертами этой школы, формировавшейся в лоне Московского университета и освященной именами А.П. Богданова, Д.Н. Анучина, Д.Н. Зернова, Г.И. Россолимо, С.С. Четверикова, М.А. Мензбира и других, следует считать не только или даже не столько необыкновенную научную добросовестность и широкий круг исследовательских интересов, свежесть и смелость научного поиска, сколько неуклонное стремление за каждым новооткрытым фактом, в каждой оригинальной теории, связывающей в единую цепь эти новооткрытые факты, не потерять видение некой общей картины мироздания. Именно благодаря этому качеству наследие московской естествоиспытательской школы имеет непреходящее значение, а сформулированные в ее среде гипотезы и теории до сих пор не теряют своей плодотворности.

Легко предстать, сколь экзотической казалась фигура А.А. Малиновского, уже пережившего множество бурь в 1960-е — 70-е годы, когда на волне возрождающейся после всех гонений генетики ему удалось вернуться из одесской ссылки в Москву, где в стенах 2-го Московского медицинского института он и продолжил свою научную деятельность. Именно здесь в 1965 году началось преподавание самого полного во всех медицинских

вузах страны курса общей и медицинской генетики. Но конечно же деятельность А.А. Малиновского была куда шире — он сотрудничал в нескольких исследовательских центрах, принимал участие в несчетном числе научных семинаров и конференций, поддерживая молодых коллег в их интересных на его взгляд начинаниях.

Можно представить себе, какими глазами смотрели на А.А. Малиновского студенты в институтской аудитории. Ну, как же! Сын раскритикованного Лениным махиста, «доморощенный морганист», отмеченный (единственный кандидат наук в сонме академиков) в погромном докладе Лысенко на печально известной сессии ВАСХНИЛ июля-августа 1948 года, наконец, исследователь, переживший сожжение собственных трудов! Помнятся также и рассказы Александра Александровича о временах куда более отдаленных. Как, например, еще в период парижской жизни ушедший в театр отец оставил маленького Сашу на попечение безотказного в таких вопросах... Ф.Э. Дзержинского. И не только попросил присмотреть за ребенком, но даже и выкупать его! Или рассказ о крещении в возрасте пяти (!) лет: когда, после начала I-й мировой войны, русские эмигранты рванулись на родину, то для родившегося за ее пределами ребенка потребовалось метрическое свидетельство. А единственной подходящей кандидатурой для крестного отца оказался... будущий нарком просвещения А.В. Луначарский.

Известно, что со студенческих лет Александра Александровича влекла математика. Можно сказать, что ею пропитаны все или почти все работы ученого, самый стиль его мышления. Не удивительно, таким образом, что первая научная публикация А.А. Малиновского была посвящена математическому анализу генетических путей эволюции. С одной стороны, эта работа показала, что существующие в природе наследственные механизмы (незамкнутое линейное расположение факторов наследственности в хромосомах, сравнительно узкое вли-

яние отдельных генов на признаки организма, редкое проявление их взаимодействия) вполне отвечают интересам эволюции вида и даже как бы обеспечивают ускорение ее темпов. С другой — что эти же механизмы приходят в противоречие с требованиями координированного развития органов и тканей в целостном организме. В свою очередь, это ведет к возникновению множества различных оптимальных форм взаимодействия в индивидуальном развитии (регулятивные и мозаичные формы, расщепление функций тканей, «звездчатые» типы координации и проч.). Думается, именно отсюда вырос интерес исследователя к конституциональным типам у человека и животных, увенчавшейся защитой в 1935 года диссертационного исследования о «корреляции элементарных признаков у человека».

Надо сказать, что эти работы А.А. Малиновского, сформулировавшего представления о двух путях канализации процессов морфогенеза — астено-пикническом и атлето-грацильном, не только дополнили замечательные, но чисто эмпирические наблюдения Эрнста Кречмера о человеческих типах, но, главное, подвели под них биологический базис. К слову сказать, чуть позже, в начале 1940-х годов, очевидно, совершенно независимо, к сходным выводам пришел и замечательный немецкий педиатр и невролог Клаус Конрад. Таким образом, высокая оценка труда К. Конрада, данная в свое время Карлом Ясперсом: «теперь учение о конституциональных типах вступило в новую фазу своего развития», в полной мере может быть отнесена и к трудам А.А. Малиновского.

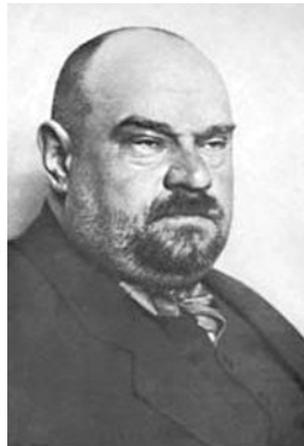
Помимо этого, Александром Александровичем были проведены математические расчеты хода отбора при больших хромосомных инверсиях, им оценены процессы дрейфа генов, установлен оптимум частичной изоляции для отбора рецессивных генов в популяции. К серии его математических или, шире, кибернетических работ следует отнести и выявление роли

приспособительного значения положительных обратных связей. Здесь он видел себя наследником и продолжателем дела своего отца, по праву считающегося основоположником современной кибернетики.

Увы, монография А.А. Малиновского о типах биологических систем так и не увидела света. Правда, ее основные положения и выводы были опубликованы в виде обширной статьи в журнале «Проблемы кибернетики» (1960, № 4). В том же журнале опубликовано и исследование ученого «О роли обратных связей и системных изменений в развитии аутистического мышления у шизофреников и шизоидов» (1977, № 32). Написанная с позиций широкого культурологического подхода, содержащая экскурсы в произведения народного эпоса, анализ идей классиков мировой психиатрии и социологии и даже любопытный мемуарный эпизод из клинической практики П.Б. Ганнушкина, эта работа чрезвычайно характерна для Александра Александровича. К слову заметим, что уже в 1960 — 70-е годы он много высказывался о важной роли реабилитации психотерапии, считая ее верным средством против возможных рецидивов заболевания.

Разумеется, математика имеет огромное значение для других наук и, конечно же, для биологии. Однако до конца своей научной деятельности Александр Александрович повторял:

Петр Борисович Ганнушкин

доверять результатам математических расчетов, в частности, пресловутым корреляциям, можно лишь тогда, когда хоть сколько-нибудь понятен их биологический смысл! Ах, сколько научного хлама не произвели бы на свет современные деятели от науки, прислушайся они к завету старого ученого!

Вместе с тем А.А. Малиновского можно причислить и к пионерам отечественной генетики психических заболеваний. Интерес к этой области он не терял всю свою жизнь. В связи со сказанным вспоминается тема исследования, предложенная Александром Александровичем одному из аспирантов уже в середине 1970-х годов, — доказать математическими расчетами, что шизофрения в Европе определяется наличием лишь одного специфического гена (или локуса). Ведь семейные проявления этого заболевания часто представлены совершенно различными клиническими формами. Что и говорить, идея отнюдь не бесспорная, но все же несущая в себе важное рациональное зерно — различия в клинических проявлениях отнюдь не свидетельствуют, что перед нами разные заболевания. Здесь же вспоминаются размышления А.А. Малиновского о генетике агрессивности, преступности и даже талантливости. Так, например, ученый полагал, что понять принципы наследования агрессивного поведения невозможно, если не принять во внимание общую возбудимость нервной системы. А широко известный факт, что потомство гения обычно сильно уступает ему в своих достижениях, объяснялся им тем, что гениальный отец чаще всего... подавляет своего не менее гениального сына. И приводил в пример «младшего» Дюма, реализовавшего свой талант лишь потому, что он воспитывался вдали от своего знаменитого отца...

Работы по гомопластической пересадке зубов (вместе с А.Г. Лапчинским, которого Александр Александрович считал одним из самых талантливых отечественных хирургов) не-

вольно заставляют вспомнить доктора Фауста с его знаменитой риторикой. Ведь речь здесь шла не о банальном протезировании, а именно приживлении зачатка, из которого со временем разовьется здоровый, полноценный орган. Как жаль, что показавшие свою успешность в опытах на собаках, кошках и крысах эти пересадки так и не получили достойного воплощения в человеческой практике. Скольким людям вернули бы они здоровье, продлили бы жизнь!

Что и говорить, круг научных интересов А.А. Малиновского был весьма обширен. Исследователя интересовали вопросы долголетия, методы диагностики, профилактики и коррекции близорукости, он ставил опыты по экспериментальной эпилепсии у животных, изучал влияние тканевых пересадок на процессы возбуждения и торможения в нервной системе у животных и многое другое.

Возьму на себя смелость сказать, что в огромной области медицины и биологии едва ли найдется тема, которая когда-нибудь, хотя бы на короткое время, не привлекла внимания Александра Александровича. Именно благодаря этому, он мог высказать оригинальное мнение по многочисленным, подчас совершенно экзотическим вопросам. Что уж греха таить, по молодости лет и недостаточному жизненному опыту автор этих строк иногда тиранил своего старшего друга и наставника прямо-таки провокационными вопросами. Помню, как-то во время обсуждения каллиграфического письма, свойственного большей части эпилептиков, благодаря чему иногда сразу же, по одному только почерку, можно заподозрить диагноз их заболевания (как, скажем, у Петрарки или Достоевского), я спросил его о том, что он вообще думает о графологии.

— А знаете ли? — живоотреагировал Александр Александрович. — По подписи можно определить — эгоист человек или нет. Если в конце ее имеется идущая влево, к началу подписи, закорючка, значит — эгоист! Ведь эгоисты всегда все тянут к себе. Вспом-

ните хотя бы восточную притчу о богатом купце, который чуть было не утонул в арыке. Ведь все, желающие ему помочь, кричали только: «Дай руку! Дай руку!» — а он никак не мог на это решиться. Наконец один мудрец крикнул ему: «Возьми мою руку!!!» — и купец был спасен.

В другой раз, после обсуждения работ Я.Я. Рогинского о формах черепов у человека, я пристал к Александру Александровичу ни больше, ни меньше, как... с физиономистикой.

— Ну, по этому поводу я ничего не могу сказать.

И мы стали говорить о чем-то другом, и вдруг, по прошествии нескольких часов, Александр Александрович воскликнул:

— Да конечно же, Осип Манделштам был чрезвычайно наивным человеком — вспомните, какой у него был курносый нос!

Кстати, мы говорили не только о науке. Он неоднократно вспоминал знаменитую постановку Ильи Судакowa по пьесе Михаила Булгакова «Дни Турбиных». По мнению Александра Александровича, виденный им спектакль сезонов 1926 — 1929 годов был значительно интересней, чем то, что играли после возвращения пьесы на сцену в 1932 году. В чем же причина? Может быть, дело в том, что в возобновленном спектакле офицеры, собравшиеся в доме Турбиных, пели старый российский гимн отвратительными пьяными голосами. А вот в первоначальной постановке никакой пьяной разноголосицы не было. И некоторые зрители вставали...

Он, как ни странно, напоминал мне героя детективных рассказов Эдгара По (не только Дюпена, но и Вильяма Леграна — героя знаменитого рассказа «Золотой жук»), при всей увлекательности некоторые его объяснения казались далекими от действительности или даже наивными. Однако я готов был слушать их бесконечно, не раз внутренне восклицая: «Если это и неправда, то хорошо придумано!» Думается, Александр Александрович вполне мог приложить к себе

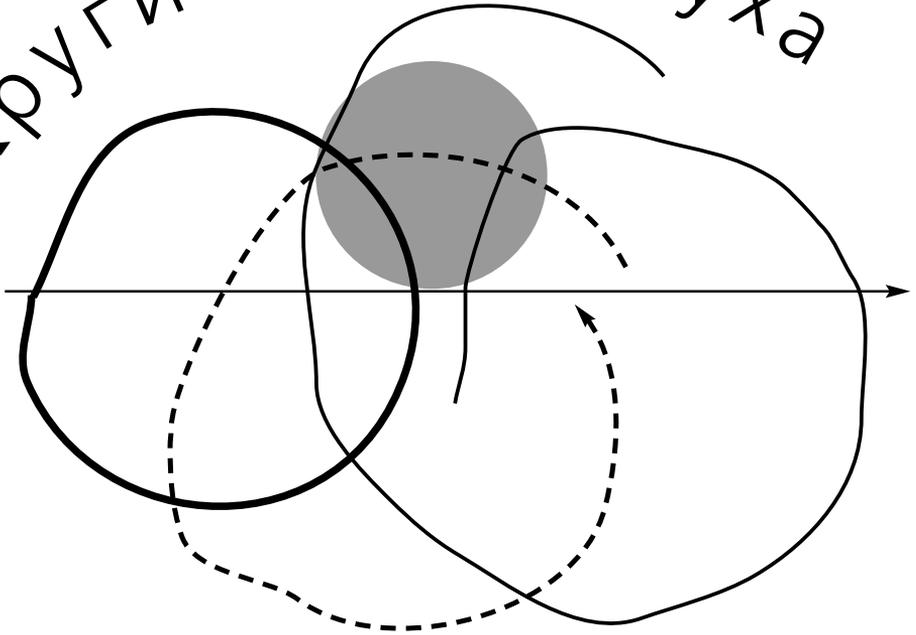
известные строки уже упомянутого мэтра американской литературы:

*Не назову ни мудрой, ни желанной
Ту, что от барда в золоте светил
Сокрыла путь, лучами осиянный,
Когда в эфире дерзко он парил.*

Теперь, по прошествии трех десятков лет, я понимаю, что именно благодаря этому качеству незабвенный Александр Александрович был потрясающим научным наставником. Ни лектором, ни вузовским преподавателем, ни руководителем диссертации (в отношении его все это чужие, холодные слова), а именно — наставником! Ведь рассказываемые им истории обладали несколькими замечательными качествами: во-первых, они были необыкновенно понятны, то есть доступны еще неокрепшим в научном поиске молодым мозгам, во-вторых, они были столь же увлекательны и, наконец, в-третьих, своей простотой и кажущейся незавершенностью стимулировали творческую мысль!

Закончить свои воспоминания мне хочется еще одним оригинальным мнением Александра Александровича: о большом поэте современники могут отзываться как о дурном человеке, о большом ученом — никогда! Поэту важны лишь эмоции, по своей сути он — одиночка. Подлинный ученый не может существовать без научной среды — она одна защищает его от возможных заблуждений и повторения прошлого. Таким образом, каждый исследователь прямо-таки обречен на доверие, которое невозможно без доверия к коллегам и уважения к ним. Незабвенный в памяти своих учеников Александр Александрович был живым тому подтверждением.

Круги Винни-Пуха

Вспомним книгу «Винни-Пух и все, все, все» в знаменитом пересказе Б. Заходера, где в одной из глав описывается великое хождение Кролика, Винни-Пуха и Пятачка в поисках собственного дома. Приводим цитату:

«— Итак, — сказал Кролик, — мы умудрились заблудиться. Таковы факты.

Все трое отдыхали в маленькой ямке с песком. Пуху ужасно надоела эта ямка с песком, и он серьезно подозревал, что она просто-таки бегаёт за ними по пятам, потому что, куда бы они ни направились, они обязательно наткнутся на нее. Каждый раз, когда она появлялась из тумана. Кролик торжествующе заявлял: «Теперь я знаю, где мы!» — а Пух грустно говорил: «Я тоже». Пятачок же вообще ничего не говорил, он старался придумать, что бы ему такое сказать, но

единственное, что ему приходило в голову, это: «Помогите, спасите!»

Правда ли, что люди, заблудившиеся в лесу или в поле, начинают петлять и ходить кругами, то и дело возвращаясь на свои следы? Слухи о кругах, описываемых заплутавшимися людьми, проверялись учеными и раньше. Дело в том, что этот вопрос составляет одну из проблем «ориентации при движении» вообще, а вопросы такой ориентации давно уже исследуются учеными в рамках изучения еще более общей проблемы, так называемой «локомоторики», то есть любых движений тела; и если мы последуем за наукой на этом ее многоветвистом пути, то рискуем заблудиться, как те же Кролик, Пух и Пятачок.

Даже если говорить только об ориентации, то и здесь уже накопи-

лось великое множество научных работ и, соответственно, такое же множество наблюдений, в том числе и весьма неожиданных с точки зрения житейской логики. Некоторые из них воистину заставляют задуматься — как сложны, оказывается, даже самые вроде бы простые вещи! Вот, к примеру, было найдено, что люди, которым предлагается бежать по прямой, наблюдая при этом одну или несколько мишеней впереди и по сторонам, как правило, отклоняются от исходной прямой влево, и наилучшее объяснение этому состоит в большей концентрации зрительного внимания в левой части поля видения, что, в свою очередь, вызвано всем известным фактом асимметрии мозговых полушарий (зрительный центр находится в левом полушарии). А в другой работе было установлено, что люди, которым предлагают повернуться в какую-нибудь сторону, как правило, поворачиваются в сторону того мозгового полушария, в котором у них производится меньше дофамина. Или вот некоторые исследователи обнаружили, что характер движений человека зависит также от так называемых «латеральных предпочтений», то есть от того, какой рукой, ногой или даже ухом они предпочитают пользоваться.

В рамках всех этих исследований проводилось также изучение ходьбы по прямой, например, в экспериментах американских ученых Роберты Клацки и Джона Ризера. Но эти эксперименты были проведены лишь на небольших расстояниях или в очень специфических условиях, поэтому упомянутым ученым удалось обнаружить лишь, что при такой ходьбе люди с завязанными глазами рано или поздно обязательно отклоняются от прямой. Однако «круги Винни-Пуха» при этом никогда не наблюдались, пока за дело не взялись ученые из Института Макса Планка в Тюбингене, призвав на помощь французских и канадских коллег. Эти ученые мобилизовали две небольшие группы добровольцев, одну из которых (состояв-

шую из 3 человек) попросили прошагать 2—3 часа по прямой в песчаной пустыне (в Тунисе), а другую (6 студентов) — 4 часа в густом лесу возле Тюбингена. Причем в самых разных условиях — днем, ночью, при солнце, при луне и в облачную погоду, с завязанными глазами и без повязки. Единственным общим во всех этих хождениях была техническая новинка: каждый доброволец имел в рюкзаке прибор GPS, с помощью которого его маршрут на местности можно было проследить достаточно долго и абсолютно точно.

И что же? Оказалось, что поверья не лгут. Рассказы о том, что заблудившиеся люди начинают ходить по кругу, впервые получили эмпирическое подтверждение. Эксперимент показал, что люди, идущие ночью без луны или днем под затянутым облаками небом, а также просто с завязанными глазами, то есть не имеющие визуальных ориентиров, уже через 100 — 150 метров начинают сбиваться с прямой и уклоняться то влево, то вправо, причем то и дело и впрямь описывают при этом круги, порой очень небольшого радиуса, до 20 метров и меньше, и тогда возвращаются к собственным следам и пересекают их, даже не замечая этого. Это открытие вызвало небывалый всплеск волнения в широких туристских кругах, и опытные инструкторы туризма немедленно принялись увещевать новичков, чтобы те, заблудившись, даже и не думали идти «прямо», а сели бы, вызвали помощь и ждали на месте, не то, видите, даже наука предостерегает: обязательно начнете кружить!

Среди специалистов результат этих экспериментов вызвал живой интерес. Они заставили ученых снова задуматься над возможными биологическими причинами такого «прямохождения вкруговую». Упомянутая выше Роберта Клацки высказала мысль, что все дело в «латеральных предпочтениях» — одна нога у людей обычно сильнее или даже чуточку длиннее другой, вот они и сворачивают, кто влево, кто вправо.

Но этому противоречит тот факт, что в экспериментах тюбингенских ученых добровольцы описывали круги то вправо, то влево самым случайным образом. Более того, когда экспериментаторы специально снабдили своих ходунов ботинками, в которых один каблук был существенно выше другого, ситуация не изменилась — направления кругов, когда они появлялись, по-прежнему оставались совершенно случайными.

Руководитель исследований Ян Суман объясняет свои результаты — постепенным накоплением шумов в сенсомоторной системе организма. Это означает следующее: в процессе ходьбы тело человека то и дело меняет свое положение, причем самым случайным образом, и сигналы об этом поступают в мозг, образуя помехи (шумы) в его программе «идти прямо». Тот факт, что такие «шумы» действительно имеют место, был подтвержден в экспериментах французских исследователей. Они обнаружили, что даже при ходьбе на месте, но с завязанными глазами, сохранять свое тело направленным все время — прямо вперед — практически невозможно — оно обязательно чуть больше или чуть меньше поворачивается вокруг своей оси то вправо, то влево, причем совершенно случайным образом, вне всякой зависимости от «латеральных предпочтений».

Эти микроповороты тела немедленно регистрируются вестибулярным аппаратом, который и подает в мозг соответствующие сигналы. Изучению воздействия этих сигналов на работу мозга (а оно, как оказалось, огромно и многосторонне) тоже посвящено большое количество исследований. Но для нас, Винни-Пухов, важно то, что при наличии визуальных ориентиров мозг имеет возможность каждый раз проверять такой сигнал и возвращать тело к нужному направлению, то есть — прямо вперед. А при отсутствии таких ориентиров, оставшись «слепым», он вынужден полагаться в своей ориентации только на данные

вестибулярной системы, которая, как мы видим, сбивает его самым случайным образом то вправо, то влево.

То, что при этом происходит, выглядит, как вождение машины под диктовку слепого инструктора: водитель, сам того не сознавая, то и дело чуть-чуть поворачивает руль, а инструктор на каждый такой поворот все так же уверенно командует: «Прямо вперед!» Вот эти-то команды «слепого» мозга при воздействии случайных шумов и вызывают, по Суману, зигзагообразное движение человека с завязанными глазами или в пасмурную погоду, а если к тому же несколько таких «микросбоев» будут поворачивать тело в одну и ту же сторону, то обязательно появятся также и загадочные круги, и хождение по прямой сменится «прямохождением в круговую».

Хотя коллеги-специалисты уже назвали гипотезу Сумана «элегантной», не все в ней окончательно ясно. С чего бы это случайным отклонением тела, этим «микросбоем», или «шумам», если они совершенно случайны, вдруг начать «накладываться», то есть совершаться в одну и ту же сторону много раз подряд? В упомянутых выше экспериментах французских ученых по ходьбе на месте такое явление не наблюдалось. Может быть, это связано именно с ходьбой по местности и вызывается какой-то врожденной особенностью нашего хождения? Выяснение этих вопросов требует более детального изучения нейромеханики ходьбы, и любопытно, что в заключение своей статьи авторы как раз и пишут, что намереваются продолжить свои эксперименты на специальных новейших тренажерах, которые позволяют такую механику изучить, дополняя локомоторные исследования одновременной визуализацией сопровождающих мозговых процессов.

Четыре «МАТЕРИ»

С О В Е Т С К О Г О К И Н О :

от Разумного
до Панфилова

В 2007 году известный индийский кинематографист Бали Шриранган завершил съемки фильма «Мать» — уже пятой киноверсии романа Максима Горького.

Его предшественниками были Александр Разумный (1919), Всеволод Пудовкин (1926), Марк Донской (1955) и Глеб Панфилов (1990). В прошлом году — 90 лет первой экранизации «Матери», а в этом — 20 лет со времени выхода на экраны предпоследней, панфиловской. Почему кинематографисты со столь завидной регулярностью обращаются к горьковскому роману? Почему каждый раз возникала потребность в новой экранизации? И что нового предлагалось зрителю?

Горький написал «Мать» в 1906 — 1907 годах в Америке. Толчком к этому стало реальное событие — первая майская демонстрация 1902 года на Сормовском заводе под Нижним Новгородом. Прототипом Павла Власова был Петр Заломов, член рабочего социал-демократического кружка. Он нес знамя во время демонстрации и был отдан под суд. Прототипом Нилловны стала мать Заломова Анна Кирилловна, вслед за сыном включив-

шаяся в революционную борьбу. Роман был опубликован в 1907 году в США, позже в России — со значительными сокращениями.

Отечественная литературная критика встретила роман язвительно: «В романе нет жизни. Много благолепия, много елей, причем и благолепие, и елей какие-то особенные, социал-демократические».

Самым непримиримым критиком романа был сам Горький: «"Мать" — книга действительно плохая». Он ссылаясь на недостаток материала. «Писал по памяти», — будет он оправдываться до конца своих дней. Отсюда — недостоверность деталей, худельность персонажей, формульность ситуаций.

Главным недостатком романа и критики, и сам автор, и современные исследователи считают схематизм. Я бы добавил еще и слабую разработку конфликта. Едва ли не все критики начала XX века подчеркивали явную глупость полиции в романе, превращение революционного подполья в подобие детской игры, где обе «команды» как бы условились изображать противостояние. Революционерам противостоит абстрактный мир

«капиталистов-полиции-охранки» без внятного носителя-антагониста. Все персонажи, населяющие этот абстрактный враждебный мир, появляются лишь в локальных сценах и играют такую же локальную роль. Отсюда центральный конфликт лишь подразумевается.

С этой проблемой столкнутся все авторы экранизаций романа, начиная с первой, созданной в 1919 году.

«Мать» М. Ступиной — А. Разумного (1919)

Картина «Мать», снятая кинорежиссером Александром Разумным по сценарию М. Ступиной, фактически стала матерью советского кино: это был один из первых советских фильмов. Он снимался в трудные годы гражданской войны на производственной базе Москинокомитета. Впервые в отечественном кинематографе была поднята и исследована доселе не существовавшая тема пролетариата. Однако во многих исследованиях экранизаций «Матери» точка отсчета — 1926 год, выход на экраны фильма Н. Зархи и В. Пудовкина — его до сих пор называют первой киноверсией романа.

Такое отношение к фильму 1919 года объяснимо. Он снимался в тяжелых условиях, не хватало пленки. Работа над его созданием осталась незавершенной. Лента долгое время считалась утраченной. Лишь в 1950-е фильм обнаружила сотрудница Госфильмофонда В.Д. Ханжонкова. Но до широкого зрителя он не дошел — его затмила картина 1926 года, ставшая мировой киноклассикой.

Роль Ниловны в фильме Разумного исполнила актриса Л. Сычева, роль Павла — актер Первой студии МХАТ И. Берсенев. Действие фильма, как и в романе, происходит в обобщенно-абстрактной слободке около обобщенно-абстрактного завода: конкретно-историческая обстановка Нижнего Новгорода 1902 года никак не обозначена.

В сценарии Ступиной присутствуют все восемь сюжетных линий романа. Конечно, ради этого каждую из

них пришлось «ужать». При этом простейший вопрос: кто главный герой картины — Павел или Ниловна — остается без внятного ответа. Сценарист попытался объять необъятное и в разработке системы персонажей. В перенаселенном мире фильма и Павел, и Ниловна сливаются в общем потоке событий и лиц.

Но главной неудачей картины критики считали образ Ниловны. Он вышел одномерным. В фильме Разумного Ниловна — жалкое, забитое существо и остается такой до самого финала. Никакого «распрябления» героини, пресловутого перерождения человека — того, что в романе было центральным — в фильме не получилось.

Картину принято расценивать как агитфильм. Решение использовать эту жанровую интонацию точно соответствовало «агитационным намерениям» Горького. Человек, читающий книгу и сопереживающий главной героине, становился на ее сторону. По мысли писателя, это должно было стать еще одним перерождением в романе — перерождением читателя.

Фильм Александра Разумного — экранизация-иллюстрация: он тщательно следует оригиналу — повторяет роман композиционно, по главам переносит действие из книги на экран, скрупулезно соответствует тексту, насколько это было возможно в немом кинематографе. Сам режиссер протестовал, когда ему приписывали попытку сделать некие художественные открытия. Никаких открытий здесь нет. Ни сценарист, ни режиссер и не пытались найти метод «перевода» горьковского текста из литературы в кино. Открытием стало само появление в нашем кинематографе жителей заводской слободки, то есть значение этой экранизации — тематическое. Новая тема впервые заявила о себе — устами Павла Власова и Ниловны.

«Мать» Н. Зархи — В. Пудовкина (1926)

В середине 1920-х кинематограф вернулся к роману Горького. Киновед Е. Добренко отмечает, что это была

*Н. Баталов в фильме «Мать»
Пудовкина, 1926 год*

В. Барановская в роли матери

эпоха «уникальной по интенсивности мифологизации Революции». Иллюстративная экранизация Разумного для этих целей уже не подходила.

К двадцатилетию Первой русской революции киностудия «Межрабпом-Русь» взялась за вторую экранизацию «Матери». В качестве сценариста был приглашен молодой сотрудник студии Н. Зархи. В 1925 году к работе подключился молодой кинорежиссер В. Пудовкин.

Вместе с Зархи они выработали общую стилистику фильма: поиск средств выражения поэтических обобщений. В первую очередь это отразилось на пространстве-времени картины: конкретное место действия не обозначено. С помощью поэтических обобщений разработан и конфликт фильма. Это не конкретная история семьи Власовых, это история обобщенных Матери (Вера Барановская), Сына (Николай Баталов), Отца (Александр Чистяков). У героини нет имени — она нигде не называется Ниловной. Она просто Мать. Выстраивается конфликтный треугольник, которого нет в романе:

— забитая, едва сводящая концы с концами Мать — распродающий последние вещи Отец;

— революционер Сын — черносотенец Отец;

— прячущий оружие Сын — предающая его Мать.

Ключевым принципом экранизации 1926 года стала драматизация.

Она достигается с помощью трех основных способов:

Герои начинают развитие с более низкой точки, чем в романе. Зархи вспоминал: «У Горького мать с самого начала сознательная женщина и неуклонно движется по пути к революции. У меня она взята иначе, в внутреннем переломе, в процессе перерождения».

История Сына начинается с того, что он, в отличие от романа, приносит в дом не книги, а куда более опасную вещь — оружие. Линия Отца тоже завязывается на более низкой отметке: он не просто горький пьяница и дебошир, а враг революционеров — черносотенец.

Вводится механизм тайны. Мать знает, что Сын спрятал сверток под половицей, но не знает, что в нем. Любопытство заставляет ее заглянуть туда и сделать страшное открытие: в доме — оружие. Сын не знает, что Мать раскрыла его тайну. Отец не знает, что Павел — революционер и что черная сотня фактически натравила его на собственного сына.

Все ситуации «дожимаются» до предела. Не просто первомайская демонстрация, а с целью освобождения заключенных. Павла на суде защищает не просто слабый провинциальный адвокат (столичный не смог приехать), но адвокат, не имеющий голоса в буквальном смысле — он страдает от икоты. В отличие от романа, Павла ждет не поселение в Сибири, а смерть от пули во время разгона демонстрации.

Усиление драматизма подчеркивает и композиция фильма. Два узловых момента романа — первомайская демонстрация (первая кульминация, финал первой части книги) и суд (вторая кульминация) — поменялись местами. Для авторов картины было очевидно, что сцена суда, полностью построенная на тексте, в немом кино проиграет. Поэтому ее переставили в середину фильма. А напряженная сцена демонстрации становится кульминационной.

Михаил Ромм отмечал, что «Мать» Зархи — Пудовкина преподавала советскому кино много уроков, но главный из них — видение огромного мира через человека. В романе образ Матери переплетен со сложным комплексом общечеловеческих мифологем, парадигмы общекультурных бинарных оппозиций: мать — сын, жизнь — смерть, предательство — прощение, правда — несправедливость, молчание — слово, социальные верх и низ. Образ Ниловны вырастает до мифологемы вселенской Матери-Прародительницы, Матери Мира, Матери Революции.

На протяжении всего фильма Мать показана с верхнего ракурса — это делает ее маленькой, жалкой, забитой, а в сцене демонстрации ее впервые снимают с нижнего ракурса — и она становится монументальной. Если в начале картины существовала оппозиция «маленький человек» — «огромный мир», то в финале человек вырастает до размеров исполина, становится равным миру, его демиургом.

Виктор Шкловский не зря называл «Мать» фильмом-кентавром, который начинается с прозы, а заканчивается формальным стихотворством. Все прозаическое превращается здесь в поэтические метафоры. Это уже не иллюстрация, а экранизация-фантазия (термин Н.М. Зоркой), или, как ее еще называют, автоэкранизация, когда авторы фильма выступают в роли новых творцов по отношению к литературному первоисточнику. В отличие от картины Ступиной — Разумного, фильм Зархи — Пудовкина — уже полноценное кинематографическое произведение. Образы горьковского

романа впервые заговорили языком кино.

«Мать» Н. Коварского — М. Донского (1955)

Казалось бы, двумя экранизациями горьковской «Матери» советский кинематограф должен был ограничиться. Но к середине 1950-х назрела необходимость в третьем подходе. Революция превратилась в Миф, далекий и покрывшийся патиной времени. Его надо было оживить. К тому же экранизация Зархи — Пудовкина была слишком авангардной. Требовалась киноверсия «Матери» в «формах, доступных миллионам».

За «переэкранизацию» взялись сценарист Н. Коварский и режиссер М. Донской, прославившийся трилогией по автобиографическим повестям Горького. На роль Ниловны была приглашена знаменитая актриса Вера Марецкая, на роль Павла — племянник Николая Баталова Алексей Баталов. Фильм снимался на Киевской киностудии.

Экранизация 1955 года строилась на прямой полемике с картиной 1926 года. Если Зархи и Пудовкин фактически лишили писателя слова, лишь обозначив в надписи, что «тема заимствована у М. Горького», то Коварский и Донской очень бережно отнеслись к горьковскому тексту. И, соответственно, столкнулись с проблемой, которую не смогли преодолеть Ступина и Разумный: идя за Горьким, они лишали фильм конфликта, жестких оппозиций «протагонист — антагонист». В картине 1955 года мир революционеров так же противопоставлен абстрактной враждебной среде, не имеющей яркого носителя.

Но утверждать, что авторы третьей экранизации полностью повторили неудачи и промахи первой, 1919 года, было бы несправедливо. При работе с текстом первоисточника был применен один основополагающий принцип: контаминации. Суть его — в сращении элементов романной структуры. Ярче всего это проявилось в разработке сюжета и персонажной системы фильма.

*В. Марецкая в фильме
М. Донского «Мать»,
1955 год*

*А. Баталов
в роли Павла*

На уровне сюжета разработаны два контаминационных приема: сращение сцен (так, все приходы Рыбина в дом Власовых соединены в одну сцену) и временная переброска из одной сцены в другую. Рассказ Весовщикова о возможном побеге перерастает в саму сцену побега, пламенный монолог Андрея Находки в доме Власовых перерастает в его речь на первомайской демонстрации.

На уровне персонажной системы принцип контаминации воплощен в совмещении персонажей. В образе Сашеньки соединены и Сашенька, и Наташа; Николая Ивановича — Николай Иванович и Егор; Софьи — Софья и Людмила; крестьянина Степана — Степан и Петр.

В полемике с фильмом 1926 года трактован и образ главной героини. Ниловна — уже не вселенская Мать-Прародительница, у нее глубокие национальные корни. Ниловна постоянно соотносится с природой: то она проходит на фоне широких полей, то стоит на берегу Волги, то сидит на фоне солнца. В романе образ Ниловны прямо ассоциирован с образами русского фольклора, аграрного культа: Волгой-матушкой, Природой, а главное — Матерью-Сырой-Землей.

Культ Матери-Сырой-Земли — один из древнейших. Люди смертны, Земля вечна: «От земли взята, землей кормлюсь, в землю пойду», — говорится в пословице. Поэтому в финале фильма Ниловна не умирает. Мать-Сыра-Земля не может погибнуть:

Ниловна превращается в камень, в скульптурное изображение самой себя. И неслучайна поза Матери на этом барельефе — она закрывает собой, защищает остальные фигуры: «Добра мать до своих детей, а земля — до всех людей!»

Абсолютно точен был и выбор актрисы. Алексей Баталов вспоминал: «Донской приглашает на роль Матери Марецкую — актрису, обладающую теми народными чертами, которые придают ее киногероиням земную силу». С первых кадров фильма поражает внутренняя сила, статность, спокойствие Ниловны-Матери-Сырой-Земли. Она не может быть забитой и жалкой — это прямая противоположность Матери в исполнении В. Барановской.

Эта трактовка заставляет, в отличие от фильма Зархи — Пудовкина, погружать зрителя в «вещный» мир народного быта. Кадр в фильме Коварского — Донского материален, переполнен бытом. Жанровая структура картины в связи с этим двойственна:

фильм начинается как драма бытовая, а заканчивается как драма историко-революционная. Это изменение жанровой структуры подчеркивает развитие характера Ниловны, ее «распрямление», перенесение ее интересов из бытового контекста в революционный, переход из пассивной созерцательности в активное жизнестроительство.

«Мать» 1955 года ближе к адаптивному типу экранизации: произведение переносится на экран не формально-иллюстративно, а с помощью специфических кинематографических средств. Ради перевода на язык кино авторам приходится жертвовать отдельными сценами и персонажами, но в целом хрестоматийный текст максимально сохраняется.

Критики объявили «Мать» Коварского — Донского провалом. Как писал А. Баталов, «близость к тексту, желание сохранить возможно больше из того, что есть в книге, подавили собственное дыхание фильма». Это готовило почву для новой экранизации, построенной на совершенно иных принципах.

«Мать» Г. Панфилова (1990)

Обращение Глеба Панфилова к роману Горького на излете советской эпохи многим казалось творческим самоубийством режиссера. Сама идея четвертой киноверсии навязшего в зубах произведения была прямо перпендикулярна общественным настроениям. Но Панфилов настоял на своем. Его картина стала совместным производством Мосфильма и итальянской кинокомпании Чинефин Лтд. Сценаристом стал сам Панфилов. Роль Ниловны писалась для Инны Чуриковой. На роль Павла был приглашен молодой актер Виктор Раков.

Взявшись за экранизацию «Матери», Панфилов вступил в полемику со своими предшественниками. Если все предыдущие картины строились на большем или меньшем обобщении романного хронотопа, то Панфилов его максимально конкретизирует. Он единственный из экранизаторов сни-

мает «Мать» в Нижнем Новгороде — городе, где реально происходили описанные события. У мира антагонизма наконец появляются яркие носители — Губернатор (в исполнении И. Смоктуновского) и субантагонист Офицер жандармерии (С. Маковецкий).

Принцип расширения пронизывает всю художественную структуру фильма. Панфилов вводит дополнительную линию, которой не было в романе. Она сплетена из сюжетов двух рассказов Горького — «Жизни ненужного человека» и «Караморы». Агент охраны Евсей Климков внедряется в кружок Власова и сдает революционеров полиции. Его двоюродный брат Яков Сомов убивает предателя и, взятый охранкой с поличным, начинает работать на это ведомство.

Кроме расширения художественного мира, Панфилов использует в своей экранизации еще три драматургических приема:

Снижение пафоса. Все сводится к разговорной, почти просторечной интонации. Для этого Панфилову приходится отказываться от ряда хрестоматийных сцен и даже эпизодов: из фильма почти целиком исчезла вторая, городская часть романа, в которой Ниловна начинает работать с революционерами и в которой происходит ее знаменитое «распрямление».

Параллелизм — сквозной прием в картине. Одно событие эхом отзывается на другом, один и тот же текст звучит в разных контекстах, одно действие повторяет другое. В начале картины мы видим идущих на завод рабочих. Угрюмые лица, размытые темные фигуры, реплика «Опохмелитесь бы!» Все это с точностью повторится не раз — создается чувство замкнутого круга, из которого не вырваться.

Линия Климкова — Сомова построена на двойном предательстве (сначала революционеров предает Евсей, потом Яков) и на двойном убийстве (сначала Сомов расправляется с Климковым, потом, в финале фильма — с Ниловной). Круг всякий раз замыкается, создается тяжелое чувство трагической безысходности — ключевая эмоция фильма, разрушающая оптимистичес-

кий пафос горьковского романа.

Аллюзивность. Фильм наполнен аллюзиями к общественно-политической ситуации конца 1980-х. Исполнительница главной роли Инна Чурикова в одном интервью обозначила это так: «Последний фильм Глеба Панфилова «Мать» многие не поняли. А ведь Панфилов задумывал его как историю первых диссидентов в России и показал, что выход на демонстрацию 1 Мая напоминал скорее небольшую группу диссидентов, которые вышли на Красную площадь в августе 1968 года».

Смелой была и трактовка образа главной героини. Панфилов впервые включил в экранизацию «Матери» тот пласт романа, которого старательно избегали авторы предыдущих фильмов: пласт библейских, христианских ассоциаций. Известно, что Горький задумывал «Мать» как новое Евангелие. Кружок Власова ассоциируется с первыми христианами, Павел — с Христом (не зря он вешает изображение воскресшего Христа, идущего в Эммаус), завод — с адом, а Ниловна — с Богородицей, примирившейся с жертвой сына и пошедшей за ним. В одном из кадров фильма Ниловна вписана в дверной проем как в раму иконы.

Как Богородица, Ниловна несет миру слово своего сына — речь на суде. Зритель ждет последнюю реплику Ниловны «Душу воскресшую не убыют!» — тогда бы круг евангельских ассоциаций замкнулся. Но этой реплики в фильме нет. Панфилов единственный из авторов экранизаций «Матери» четко показывает убийство главной героини, ее кровь. Воскреснет ли Ниловна-Богородица для новой жизни? Этот вопрос остается открытым.

Павел, которого вместе с другими заключенными ведут по зданию вокзала, видит мать. Она идет по заснеженному полю к реке. И дальше — прямо по водной глади — к храму на другом берегу. Сын окликает ее, но мать не отвечает. Картина заканчивается шемящим душу кадром уходящей вдаль Ниловны. Фильм — не о воскресении, а о жертве матери и о тех, кто пойдет по ее крови.

И. Чурикова в фильме
Г. Панфилова «Мать», 1990 год

Христианская трактовка образа Ниловны, распространение этого пласта ассоциаций на весь художественный строй картины и особенно пронзительный метафоричный финал сообщают фильму особую жанровую интонацию — притчевую. Это притча о вере, предательстве, любви и жертвенности. По типу экранизации это скорее экранизация-интерпретация, когда при минимальных искажениях произведения автор находит новое неожиданное звучание хрестоматийного текста.

В жанре притчи обязателен дидактический элемент: она должна чему-то учить. На чьей стороне Панфилов? Кто прав в этой истории? Диссиденты-революционеры? Царь? Охранка? Или все-таки мать? Панфилов не дает прямого ответа, точнее, избирает ответ Горького, отсылая к его концепции «своей правды»: у каждого своя правда — вымученная, выстраданная — и своя трагедия. «Кто без греха, пусть первым бросит камень».

Своя правда — историческая и эстетическая — есть и у четырех экранизаций горьковского романа. Налицо попытки не просто перечитывания, но и переписывания классического текста в разные исторические периоды. Экранизация классики — и горьковский роман тому подтверждение — это еще до конца не изученный индикатор времени, своеобразная характеристика эпохи: что и как каждый новый автор берет из старого текста.

Интересно, какой станет пятая киноверсия этой, по всей видимости, вечно работающей драматургической конструкции?

Ирина Нечаева

— хранители дома

Что делать, если в доме пропадают вещи? С кого спрашивать за перепутанные нитки? Кто выпил молоко из стоящего на полу блюдечка? А ответ прост.

В любом доме, по некоторым представлениям, живет множество разнообразных духов, родственников и коллег нашего домового. Домашние

духи бывают добрыми и злыми — зависит это в основном от хозяев. Чтобы задобрить их, нужно выполнять простые правила: чаще всего духов нужно просто кормить. Все они любят сливки. Нельзя трогать кошек — слишком многие духи выглядят именно так. Не надо ругаться — они этого не любят. Кроме того, чтобы знать ка-

кие-то тонкости, хорошо бы ориентироваться в разновидностях духов.

Итак, в России чаще всего встречается домовый. Это дух в основном добрый, настоящий хозяин и хранитель дома. Чаще всего он похож на маленького старичка с волосатым лицом или на хозяина дома. Впрочем, ему ничего не стоит принять облик кошки, собаки или крысы. Домовой любит дружные семьи, не любит сквернословов. Часто шалит по ночам. Живет он за печкой (где он обитает в городских квартирах, неизвестно. Наверное, под кроватью). По происхождению домовый, скорее всего, черт, изгнанный на Землю и прибившийся к людям, потомок бога Велеса или дух чтимого предка. Подружиться с домовым легко — нужно покормить его, поставив блюдечко с кашей или молоком куда-нибудь под батарею (оставшуюся еду следует отдать животным), подарить ему денежку или красивую бусинку. Кроме того, нельзя на ночь оставлять на столе острые предметы, лук и чеснок — все это очень мешает домовому. И свистеть в доме нельзя — совсем не потому, что денег не будет, а потому, что домовый может уйти. Помимо самого домового, в славянском доме живет очень много духов — банник, дворовой, гуменник, овинник, клетник, кикимора запечная, сарайник, закутник, амбарник, зыбочник, подпольник, колодечник, стоговой... Чем они занимаются, вполне понятно из названий.

Есть в России и менее известные духи. Например, рохля. Живет рохля в подполье, функций особых не имеет. Обычно ею пугают детей. Или Мокоша — женщина с длинными руками и большой головой. По ночам она стрижет овец и доделывает рукоделие, оставленное хозяйкой. Если она на что-то сердится, может остричь и человека. Мелкий беспорядок учиняют существа под названием матохи — отвлекают от закипающего молока, путают нитки. От их имени происходит слово «суматоха». Охраняют брачное ложе любви, золотые коты с веткой стрелолиста в зубах. Они отгоняют от супругов нелюбов, которые похожи

на черных котов, держащих во рту стебель белены. Деньги и припасы в дом приносят помощники домовых, коловерши. Правда, все это они воруют в соседних домах.

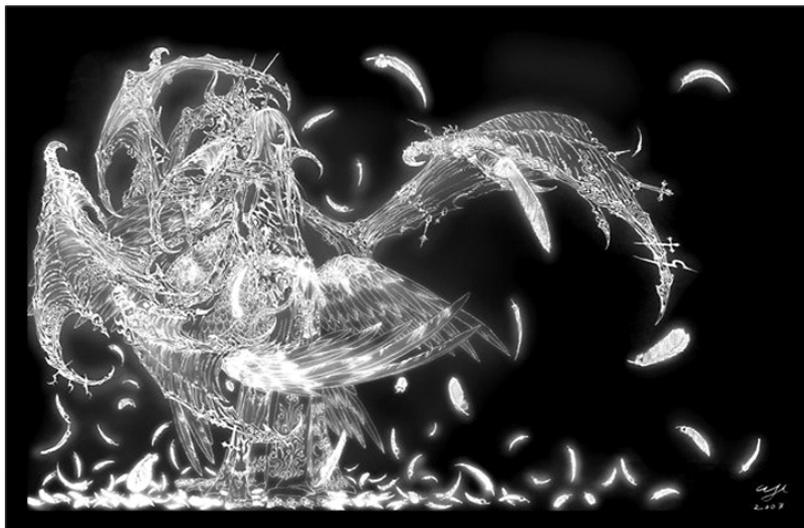
На Украине обитают особые духи хованцы. Именно в хованца превращается вытравленный плод через семь лет. Еще такого духа можно купить у дьявола, отрекшись от Христа. Хованец обогащает своего хозяина, сторожит дом от воров, оберегает посевы. Но после смерти хозяин духа попадает в ад, а все богатство исчезает. Впрочем, хованца можно убить простым ударом или изгнать, трижды освятив дом.

Литовского домового называют каукас. Помогает он только мужчинам, приносит в дом удачу. Каукаса можно просто купить, но где — неизвестно. Еще в Литве встречается летучий червь айтварас. Он выводится из яйца, снесенного черным петухом на восьмой год. Приносит в дом деньги и зерно. Вот только хозяйка такого дома постоянно болеет, да еще и должна каждое утро кормить айтвараса завтраком. Латышский домовый называется рунгитис. Обычно он принимает кошачий облик и приносит в дом зерно.

Богатство и здоровье кетских семей бережет крохотная старушка алэл, во-

Литовский домовый каукас

Альраун

пощенная в деревянную куклу в традиционной одежде из оленьей шкуры, расшитой бисером. Она помогает по дому, следит за детьми и оленями, но и сама требует еды (рыбьего жира и оленьей крови) и заботы. Живет она в особом берестяном туеске. Что особенно интересно, алэлы единственные из всех домовых знают человеческие чувства — жалость, обиду, радость и горе.

Чем-то похожи на домовых, только злокозненных, европейские альрауны. Обычно они живут в корнях мандрагоры, однако иногда переселяются в человеческие дома. Перед этим они испытывают хозяев, разбрасывая по полу всякий мусор. Если мусор не уберут, альраун перебирается в дом и начинает творить гадости. По всей Европе водятся и клабаутерманны — своеобразные домовые для моряков. Живут они в носовых фигурах парусников, помогают корабельным плотником и издеваются над командой. Кроме того, они не терпят пьяниц, бунтовщиков и сквернословов.

В Скандинавии помогают людям томте, которые присматривают за скотом и воруют деньги и зерно в других домах. Чтобы томте не ушел, его нужно кормить, особенно по четвергам, когда у них праздник, и ни за что не работать по выходным. Похожи на томте духи-ниссе. Они выполняют

домашнюю работу, требуя от людей отдыха по выходным, чистоты и тишины. На Рождество ниссе нужно подарить кусок серой материи, пригоршню глины и щепотку табака. В полнолуние ниссе танцуют, а зимой часто катаются на коньках. Живут в Скандинавии и вигты, выполняющие большую часть домашней работы. Когда у них хорошее настроение, вигты могут и пошалить. Как многие домашние духи, они не принимают в подарок одежду, но, если ее положить в уголке, они не обидятся и возьмут ее себе. В Финляндии принести в дом сливки, масло, а иногда и деньги могут пара. Обычно они похожи на кошек. Теоретически пара можно сделать самому из какого-либо украденного предмета.

Очень много домашних духов обитает на Британских островах. В английских домах живут брауни. Узнать их легко — обычно у них нет носа или пальцев. Одеваются они в лохмотья коричневого цвета. По ночам они выполняют работу, недоделанную прислугой, и ждут за это миску сливок или коврижку. Если предложить брауни другую еду или, не дай Бог, одежду, он обидится и сразу же уйдет. На тех, кто ругает его работу, брауни тоже обижаются. Но если его кормить и не ругать, с ним легко подружиться. В родстве с брауни состоят доби. Они со-

вершенно бесполезны и портят любую работу, за которую берутся.

Валлийские брауни называются бубками. Встречаются в Уэльсе и бубахи. Чтобы приманить бубаха, нужно вымести пол, развести на ночь огонь и поставить миску сливок. Если сливок на утро не останется, значит, бубахи обязательно их отработают. Забавно, но эти духи не терпят ханжей и трезвенников. Брауни Оркнейских островов — это луриданы, а брауни острова Мэн — файнодери.

Еще в Британии есть банные фейри, аналог наших банников. Есть баги, духи, присматривающие за детьми. Они охраняют фруктовые сады, не пускают детей к воде и не дают топтать клумбы. Вреда они не причиняют, только пугают. Полуженщин-по-

лукоз, живущих в Шотландии, называют глейстигами. Они бывают злыми и добрыми. Добрые глейстиги могут присмотреть за животными и даже детьми за миску молока, а со злыми лучше не встречаться. В горах Шотландии можно встретить груагахов. Они похожи на женщин с длинными светлыми полосами, одетых в зеленые платья. Бывают очень красивы или невероятно уродливы. Иногда они просят разрешения погреться у огня и за это присматривают за скотом. Винные погреба Ирландии сторожат клуриканы. При случае с удовольствием пьют хозяйское вино. На английских мельницах живут киллмулисы. Они следят за порядком, приносят удачу и плачут перед любым несчастьем. Впрочем, они могут засыпать зерно

пеплом. Особая примета киллмулиса — у него нет рта, только огромный нос. Самую простую и тяжелую работу можно поручить хобам и лобам — сильным добрым хвостатым существам, которые встречаются в Англии.

Французские очаги населяют пилози, приносящие удачу духи с козлиными ногами. Если над очагом висит подкова — на счастье — пилози в такой дом не придет. Еще во Франции живут фоллеты, потомки духов подземных городов. Они бьют посуду и окна, пристают к женщинам. Избавиться от фоллетов очень трудно, на них не действует даже святая вода, правда, они боятся железа. Но если люди выдерживают все проказы фоллетов, те проникаются уважением. Приносят подарки, доделывают домашнюю работу. Чаще всего они появляются в виде коз.

Немецких домовых зовут хайнцелями. Они выполняют всю домашнюю работу, приносят удачу и даже предсказывают будущее. Если хайнцеля не кормить — как и все домашние духи, он любит сливки — или подарить ему одежду, он уйдет, наложив на бывших хозяев проклятье. У хайнцелей есть родственники, хютхе, духи в красных колпачках. Они куда менее дружелюбны, воруют вещи, могут даже напасть на священника, который пришел их изгнать. Но и с ними можно подружиться. В немецких погребах живут бирзали. За кувшин пива в день они наводят там порядок.

В Испании и Португалии свои духи. Это трасго. Они помогают по хозяйству, если их не злить, а если рассердятся — бьют посуду, ломают мебель и творят разные безобразия. Избавиться от трасго очень сложно.

Если в Испании положить под куст коробочку для булавок и посмотреть в нее в полночь, там, скорее всего, будут сидеть мамыры, крошечные рогастые карлики в красном. Они становятся слугами человека, который им нравится, и он может сделать с ними все что угодно. Плохого они не делают ничего, разве что украдут какую-нибудь мелочь, и ту возвращают, стоит лишь пригрозить им бычьим рогом.

Еще их называют дьяблильо, пауто и кармено. В испанских деревнях обитают вредные духи дуэнде. Они срывают одеяла со спящих, выбрасывают из окон посуду, расшвыривают сажу из очага. Впрочем, за чашку молока они могут и поработать. Избавиться от дуэнде можно только одним способом — переехать.

Функции домовых в Италии выполняют массариоли. Заботятся они, в основном, о домашних животных, но помогают и по дому. Есть у них и неприятная черта: они часто подглядывают за женщинами и пристают к ним. Любят женщин и лауру. Они очень красивы (только ростом не вышли) и хорошо одеваются. Домашней работой они брезгуют, животных кормят только тех, которые им нравятся. Зато все время пытаются обольстить хозяйку дома. Еще итальянцам могут помочь норргены. Однако если норрген придет в дурное расположение духа, справиться с ним будет очень непросто. В древнем Риме следили за домом и отношениями в семье лары, наказывавшие тех, кто был слишком жесток к рабам.

В Греции обитают духи калликанцары, родившиеся на Парнасе. В мире людей они появляются в канун Рождества и начинают шалить. Они могут исцарапать пол, разбросать еду, закопать что-нибудь противное в золу.

Так обстоит дело с домашними духами в Европе. А как насчет других континентов?

У индейцев Северной Америки хранит домашний очаг конопа — дух, не имеющий собственного облика. В Корее следит за порядком эндон, который может даже поджечь дом, если хозяева неряхи. На Тибете такого духа зовут цхун. В Индии схожие функции выполняет Агни, который при этом является одним из начал мира. В Японии, Китае, Вьетнаме и других азиатских, а также африканских странах хранит дом дух предка.

А первым домовым в истории был древнеегипетский веселый карлик Бес. Интересно, какое отношение он имеет к нашим бесам?

Московский Дом Книги

СЕТЬ МАГАЗИНОВ

Кристиан Жоаким, Лоранс Плеввер. Нанонауки. Невидимая революция. — М.: КоЛибри, 2009.

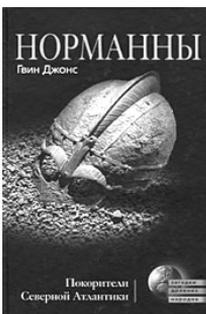
Нанотехнологии — на марше, и попутный ветер наполняет энергией их паруса. Ученые мужи из ведущих лабораторий мира сулят ослепить человечество новыми материалами и умелыми нанороботами, а скептики пугают модифицированными организмами и другими ужасными порождениями нанонаук. Французский ученый мирового значения Кристиан Жоаким и журналистка Лоранс Плеввер увлекательно и остроумно рассказывают о том, что такое нанонауки и нанотехнологии и что они несут людям.

Кристиан Жоаким — один из известнейших специалистов по физике твердого тела, директор Центра структурных исследований и разработки новых материалов (CEMES) в Тулузе. Ответственный руководитель группы Nanosciences. Вместе с журналисткой Лоранс Плеввер он рассказывает о том, что такое наномир, как выглядят его обитатели, чем отличаются нанонауки от нанотехнологий и что они сулят человечеству в ближайшем будущем.

Серафима Чеботарь, Виталий Вульф. Власть женщин. — М.: Эксмо, 2010.

Долгожданное продолжение супербестселлера «Великие женщины XX века», разошедшегося рекордными тиражами! Новое собрание необыкновенных биографий, захватывающий рассказ о поразительных судьбах, признание в любви великим женщинам, обладавшим огромной властью. Властью в политике. Властью над мужчинами. Властью над умами и душами. Властью над собственной судьбой.

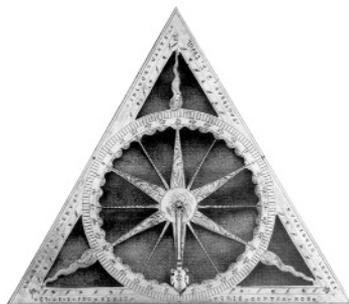

Гвин Джонс. Норманны. Покорители Северной Атлантики. — М.: Центрполиграф, 2010.

Книга Гвина Джонса посвящена открытию и заселению Северо-Западной Атлантики. Норманны были непревзойденными мореходами и опередили в кораблестроении другие народы Европы на целых три столетия. Вы познакомитесь с их героическими деяниями, династическими распрями и необыкновенной страстью к покорению неведомых земель.

Отчеты о находках археологов, отрывки из средневековых летописей и исландские саги органично сплетены автором в единый зор увлекательного повествования.

Теперь журнал «Знание — сила» можно приобрести в следующих магазинах сети «Московский дом книги»: Московский дом книги (Новый Арбат, 8), Дом педагогической книги (Большая Дмитровка, 7/5, стр.1), Дом технической книги (Ленинский проспект, 40), Дом медицинской книги (Комсомольский проспект, 25), Дом книги «Новый» (шоссе Энтузиастов, 24/43).

Календарь «З-С»: март

690 лет назад, 1 марта 1420 года, Папа Римский Мартин V провозгласил крестовый поход против гуситов — народного войска Чехии, под знаменами великого чешского религиозного реформатора Яна Гуса (пятью годами ранее сожженного на костре по приговору католической церкви), развернувшего вооруженную борьбу против немецко-католического засилья. На первых порах вторгнувшееся в страну 100-тысячное крестоносное войско потерпело несколько тяжелых поражений, что позволило гуситам объявить Чехию самоуправляемой. Однако из-за возникшего в их стане раскола гуситы были разгромлены, и страна к 1436 году вновь оказалась в составе Священной Римской империи.

425 лет назад, 3 марта 1585 года, античной трагедией Софокла «Царь Эдип» в Виченце (в 60 км к западу от Венеции) открылся Олимпийский театр (Teatro Olimpico), последний и, как считают искусствоведы, самый совершенный проект великого Андреа Палладио, титана Высокого Возрождения, одного из основоположников архитектуры классицизма.

20 лет назад, 6 марта 1990 года, на III съезде народных депутатов по инициативе М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова был принят Закон СССР «О собственности». Впервые в советской истории провозглашалось равенство всех форм собственности — государственной, кооперативной, акционерной, иностранной и даже частной. Новый закон вполне вписывался в предложенную академиком Л.И. Абалкиным программу постепенного перехода к

регулируемой рыночной экономике. Однако партийные органы реализацию этой программы откровенно саботировали.

280 лет назад, 8 марта 1730 года, спустя месяц после восшествия на российский престол, императрица Анна Иоанновна разорвала «кондиции» — список условий, которые она обязалась выполнять после воцарения. «Кондиции», составленные Верховным Тайным советом, по существу, лишали императрицу исполнительной власти. Неделей позже императрица разогнала и «верховников», и вся власть перешла к ее фавориту, печально знаменитому в отечественной истории временщику Эрнсту Иоганну Бирону.

25 лет назад, 11 марта 1985 года, внеочередным пленумом ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

645 лет назад, 12 марта 1365 года, был основан Венский университет, в наши дни второй «по возрасту» среди университетов Центральной Европы, после пражского Карлова университета, принявшего первых студентов в 1348 году.

70 лет назад, 12 марта 1940 года, завершилась 105-дневная советско-финляндская (по западной терминологии «Зимняя») война. После непродолжительных переговоров в Москве был подписан мирный договор, согласно которому граница между СССР и Финляндией была сдвинута на 150 км в северо-западном направлении и Карельский перешеек вместе с Выборгом, находящимся в 130 километрах

от Ленинграда, отошел к Советскому Союзу. Мир был заключен на условиях Советского Союза, но победа была достигнута исключительно высокой ценой. Особенно тяжелым был начальный этап войны, выявивший полную неподготовленность Красной Армии к боевым действиям в условиях суровой зимы. По официальным советским данным, потери СССР составили 84 994 человека убитыми и пропавшими без вести и 186 584 человек ранеными, контуженными и обмороженными, тогда как финская сторона потеряла 23 542 человек.

1445 лет назад, 13 марта 565 года, в Константинополе в возрасте около 65 лет умер великий византийский полководец Велизарий. Варвар по происхождению, начавший военную карьеру простым солдатом, он уже к 25 годам дослужился до генеральского чина и в дальнейшем в качестве главнокомандующего неизменно выручал императора Юстиниана I Великого в самых критических ситуациях.

5 лет назад, 15 марта 2005 года, в присутствии более 40 глав правительств и других высокопоставленных государственных руководителей, прибывших в Иерусалим со всех концов света, был торжественно открыт новый Музей истории Холокоста при мемориальном комплексе Яд Вашем, построенный по проекту знаменитого израильско-канадско-американского архитектора Моше Сафди.

30 лет назад, 18 марта 1980 года, на космодроме Плесецк при подготовке к пуску ракеты-носителя «Метеор», произошла тяжелая авария, в которой погибли 60 человек и среди них — маршал Неделин, главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения; множество присутствовавших при пуске получили ранения, ракета-носитель и значительная часть наземного пускового оборудования были уничтожены.

210 лет назад, 20 марта 1800 года, 55-летний итальянский физик, химик и физиолог Алессандро Вольта направил в Лондонское Королевское общество письмо с сообщением о созданном им «искусственном электрическом органе». Так че-

ловечество впервые узнало об изобретении гальванического элемента, или электрической батареи, первого ставшего доступным источника электрического тока.

75 лет назад, 22 марта 1935 года, в день исламского Нового года, официальным правительственным декретом Персия была переименована в Иран.

20 лет назад, 22 марта 1990 года, впервые в космосе появились на свет высокоорганизованные живые существа: на орбитальной станции «Мир» из яиц вылупились 6 птенцов перепелки.

55 лет назад, 25 марта 1955 года, ЦК КПСС принял постановление о направлении 35 тысяч членов партии для руководства слабыми и отстающими колхозами.

35 лет назад, 25 марта 1975 года, по второй программе Ленинградского телевидения была проведена первая в СССР опытная черно-белая стереоскопическая передача.

15 лет назад, 25 марта 1995 года, вступили в силу Шенгенские соглашения (Шенген — местечко в Люксембурге) об отмене паспортного контроля на границах между странами Европейского Союза (ЕС) и установлении единого режима паспортного контроля на внешних границах ЕС, а также в морских и воздушных портах стран ЕС.

100 лет назад, 29 марта 1919 года, был торжественно открыт Океанографический музей, детище правителя Монако — выдающегося ученого-океанолога и мецената науки князя Альбера I, прадеда Альбера II, нынешнего, 32-го по счету в 700-летней династии Гримальди, главы этого карликового средиземноморского государства.

*Календарь подготовил
Борис Явелов.*

Когда появились татуировки

Ученых заинтересовали татуировки на коже Отци — древнего человека, прекрасно сохранившиеся останки которого были обнаружены в альпийских

Рисунки
А. Сарафанова

горах на границе Италии и Австрии в 1991 году. Возраст останков составляет более 5300 лет.

Химический анализ татуированных участков кожи древнего человека выявил мельчайшие кристаллы силикатов: содержащих кремний минералов. То есть соединения, характерные для сажи. Ничего подобного в образцах «чистой» кожи обнаружить не удалось. Отсюда исследователи предположили, что татуировки делались из материала, собранного на пепелище костра.

Ученые отмечают, что татуировки могли носить медицинский характер. Дело в том, что длительное изучение останков позволило выяснить, что при жизни Отци страдал рядом заболеваний. Некоторые отметины на коже располагаются недалеко от акупунктурных точек, и ученые полагают, что Отци лечился иглоукалыванием. Расположение татуировок может означать, что они были частью курса лечения.

Тату — термин, заимствованный из полинезийского языка, на тайтянском диалекте слово «татау» обозначает рисунок.

В английский язык это слово ввел путешественник Джеймс Кук. Он упомянул его в отчете о путешествии вокруг света, опубликованном в 1773 году.

Термин «татуировка» не сразу был принят в качестве главенствующего по отношению к одному и тому же способу украшения тела у разных народов и связывался только с процедурой, выполняемой на Таити.

Человек обладает врожденной верой в Бога

Подлинную сенсацию в мировых научных и интеллектуальных кругах вызвало открытие ученых из британского Бристольского университета, когда они выяснили, что современный человек рождается с верой в Бога. «Мы установили, что мышление ребенка включает интуитивную веру в сверхъестественное», — заявил руководитель исследований профессор Брюс Худ.

В течение веков крупнейшие мировые теологи и философы пытались доказать или опровергнуть существование Всевышнего. Однако обыкновенная логика оказалась бесильной ответить на данный вопрос, который был объявлен современной наукой иррациональным. Однако новейшие исследования научного коллектива из Бристоля показали, что без веры в Бога ни

Homo Sapiens, ни современное общество не могли бы появиться на свет.

По мнению специалистов, на заре человечества те группы людей, которые верили во Всевышнего, в справедливость и упорядоченность миропорядка, создавали более крепкие социальные связи и тем самым повышали степень своей выживаемости. Именно они заложили основы современной цивилизации и дали ей импульс развития.

Открытие тонометра

Многие выдающиеся открытия происходят случайно. Так произошло открытие русским хирургом Николаем Коротковым звукового метода измерения артериального давления, положившее начало учению о гипертонической болезни. Вряд ли есть другое открытие, которое сегодня так широко используется в медицинской практике. Ведь метод Короткова — это тот самый механический тонометр, который сегодня есть не только у каждого врача, но и почти в каждом доме...

Это случилось во время Русско-японской войны в 1904 году. Молодой хирург добровольцем отправился на фронт, задавшись целью уменьшить число инвалидов среди тяжелораненых солдат. Но как еще до операции понять: можно перевязывать конечность с поврежденной артерией или она омертвет после перевязки и ее придется ампутировать? Выслушивая сосуды раненых фонендоскопом, Коротков обнаружил непонятные звуки, которые при сжатии и ослаблении манжеты на конечности чередовались строго закономерно. Именно это чередование звуков и легло в основу нового метода измерения давления у человека.

Два взгляда

Вещество

ЖИЗНИ

Стихотворение: Виктор Бренда

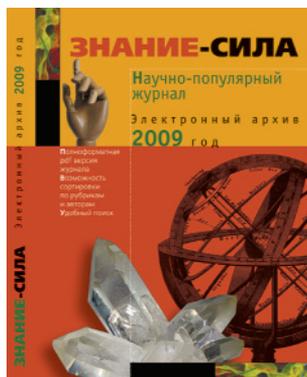
Есть два состояния мира — похожие друг на друга настолько, что ничего не стоит их перепутать, счесть попросту одним и тем же: До создания — До рождения — и после смерти.

Два вида небытия: с какой стати им вообще отличаться друг от друга? И не все ли ему, небытию, равно, и что ему за дело до краткого, жгучего — и медленного — мига существования между началом и концом, текучим оствяанием забвения? Что вообще способно остаться после того, как уже не только строительство рассыпалось в прах? что было построено, рассыпалось в прах?

Может быть — пропитанное, просоленное памятью об испытанной форме, о пережитых смыслах и поэтому уже не способное быть прежним — само вещество жизни.

Текст: Ольга Бала

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** представляет
Электронный архив

за 2009 год

за 2008 год

за 2007 год

за 1987-2006 годы

ISSN 0130-1640

9 770130 164002 >

Заказать архив можно в редакции. Для этого надо перевести деньги на счет редакции через любое отделение Сбербанка России

Получатель..... АНО «Редакция журнала «Знание - сила», г. Москва.
ИНН 7705224605, КПП 77501001, ОКАТО 45286560000,
р/с 40703810738250123050, к/с 30101810400000000225

Банк..... Сбербанк России ОАО, Люблинское ОСБ 7977,
БИК 044525225

Назначение платежа Приобретение электронного архива за 1987-2006 гг.

Сумма 1000 руб. - архив 20 лет/300 руб. - архив 2009/250 руб. архив - 2007, 2008
(включая почтовые расходы)

Четко укажите на квитанции свой адрес, включая почтовый индекс

у растений есть
нервы ●

Читайте в следующем номере